

Тусевские

чтения

Москва
2005

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*Памяти Кирилла Владимировича Гусева
посвящается*

ГУСЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

УДК 930
ББК 63
Г 96

*Рекомендовано к изданию
кафедрой истории российской государственности*

Авторский коллектив

Гусев К.В. – д-р ист. наук, проф.; Габдулхаков Р.Б. – канд. ист. наук, доц.; Капитонов И.В. – канд. ист. наук; Мальшева О.Г. – д-р ист. наук, проф.; Пихоя Р.Г. – д-р ист. наук, проф.; Руднева С.Е. – канд. ист. наук; Соколов А.К. – д-р ист. наук, проф.; Тимофеев П.Т. – д-р ист. наук, проф.; Трусова Е.М. – д-р ист. наук; Чернобаев А.А. – д-р ист. наук, проф.; Шелохаев В.В. – д-р ист. наук, проф.

Г 96 **Гусевские** чтения. Сборник статей / Памяти Кирилла Владимировича Гусева посвящается / Под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. П.Т. Тимофеева. – М.: Изд-во РАГС, 2005 – 160 с.

В издание включены материалы, представленные участниками чтений, состоявшихся в связи с 80-летием известного советского и российского ученого, доктора исторических наук, профессора К.В.Гусева. Вся его жизнь представляла пример бескорыстного и честного выполнения долга солдата, ученого и учителя, труды которого неизменно привлекали пристальное внимание как в нашей стране, так и за рубежом. Среди ученых-историков он слыл признанным специалистом по вопросам истории партии эсеров и меньшевиков в России. Известность К.В.Гусева вышла далеко за пределы границ СССР и Российской Федерации. Он был участником многих международных конференций, проходивших в США, Швеции, ФРГ, Дании, Франции и других странах, разъяснял ошибочность многих представлений, совершаемых историками при толковании вопросов, касающихся партии эсеров.

Для специалистов-историков.

УДК 930
ББК 63

© Тимофеев П.Т., общ. ред., 2005
© Издательство РАГС, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
О Кирилле Владимировиче Гусеве.....	6
<i>Шелохаев В.В.</i>	
Роль К.В.Гусева в создании фундаментального труда «непролетарские партии России. Урок истории»	11
<i>Тимофеев П.Т.</i>	
Об историческом факте и проблеме истинности в исторической науке.....	19
<i>Гусев К.В., Малышева О.Г.</i>	
Россия на пути к парламентаризму изменения неизбежны.....	25
<i>Руднева С.Е.</i>	
Эсеры-центристы и предпарламент.....	45
<i>Габдулхаков Р.Б.</i>	
Эсеры урала накануне и в годы Первой мировой войны.....	60
<i>Трусова Е.М.</i>	
Взаимоотношения общественных организаций и власти Донской области в начале XX века	66
<i>Капитонов И.В.</i>	
Социалисты-революционеры Мордовии и политический сыск.....	80
<i>Соколов А.К.</i>	
Левые эсеры и большевики на Пятом Всероссийском съезде Советов	86
<i>Чернобаев А.А.</i>	
М.Н.Покровский – «президент Москвы».....	138
<i>Лихоя Р.Г.</i>	
Вместо заключения	159

ПРЕДИСЛОВИЕ

20 февраля 2003 г. в Российской академии государственной службы состоялись первые Гусевские чтения, посвященные памяти и 80-летию юбилею со дня рождения известного советского и российского ученого Кирилла Владимировича Гусева.

Многие работники академии помнят этого удивительно-го человека, 40 лет жизни которого были отданы работе на кафедре истории. Его имя хорошо известно исследователям истории непролетарских партий как в России, так и за ее пределами. Исследования К.В. Гусева с годами не только не делаются менее востребованными, но, напротив, побуждают к еще более глубокой и объективной разработке этой многогранной проблемы.

По общему признанию профессорско-преподавательского состава кафедры истории российской государственности РАГС Кирилл Владимирович до последнего дня оставался «генератором идей». Им всегда гордились и восхищались, в том числе и его мужеством в борьбе с тяжелым недугом. Будучи уже тяжело больным, он написал главу для учебника «История государственного управления в России» посвященную одной из наиболее сложных проблем, продолжал консультировать аспирантов и докторантов кафедры.

Мысль организовать Гусевские чтения зародилась на кафедре давно. И совершенно неудивительно, что на приглашение принять участие в их проведении охотно откликнулись не только ученики К.В. Гусева из разных регионов нашей страны, но и известные российские ученые.

Кафедра истории российской государственности организовала выставку трудов Кирилла Владимировича, представив наиболее значимые его исследования. Вдова К.В. Гусева, Зинаида Артемьевна, передала в учебно-методический кабинет личный архив Кирилла Владимировича, в том числе рукописи его кандидатской и докторской диссертаций, наделавших в свое время много шума в среди историков; стено-

грамму защиты докторской диссертации и многие другие материалы.

Участники чтений выступили с докладами, темы которых отличались самым широким многообразием. Рассматривались проблемы непролетарских партий, и вопросы социально-экономического развития страны в XX в., роль К.В. Гусева в историографии и исторической науке, и личные воспоминания о Кирилле Владимировиче. Профессор В.В. Шелохаев, например, вспоминал о реакции К.В. Гусева на текст плаката, с которым студенты в 70-е гг. встречали участников научно-практической конференции в Калининe – «Привет участникам непролетарских партий!»

Особой благодарности в организации и проведении чтений заслуживают Совет ветеранов академии, который многие годы возглавлял Кирилл Владимирович и профессор Нина Ивановна Кондакова. Благодаря их усилиям Гусевские чтения обрели неформальный характер и особую теплоту. Этому способствовала, в частности, прозвучавшая записи выступлений К.В. Гусева на торжественных мероприятиях, посвященных юбилею Победы. У многих сидящих в зале на глазах блестели слезы в те минуты, когда Кирилл Владимирович в свойственной ему ораторской манере обращался, казалось бы, не только к непосредственным участникам празднования Дня Победы, но и ко всем присутствующим в зале участниками чтений.

Сборник, предлагаемый вниманию читателей, стал своего рода итогом Гусевских чтений. Мы очень надеемся, что они будут проводиться и впредь и приглашаем принимать в них участие всех, кому дороги традиции и новации в исторической науке.

Коллектив кафедры истории
российской государственности

О КИРИЛЛЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ ГУСЕВЕ

К.В. Гусев родился 20 ноября 1922 г. в Петрограде в семье служащего. В 1940 г. окончил одну из лучших школ города – бывшую гимназию императора Александра III. В сентябре того же года был призван на срочную службу в Красную Армию.

Воинскую службу начал солдатом 70 погранотряда Хабаровского военного округа. Осенью 1942 г. в тяжелые для страны дни, когда фашистские полчища рвались к Волге, подал рапорт о переводе в действующую армию и был направлен в 6-й стрелковый полк 102-й дивизии Центрального фронта. В 1943 г. был тяжело ранен и получил инвалидность.

С огромными трудностями осенью 1943 г. он вернулся в блокадный Ленинград, переживший очередную блокадную зиму. Документом, сыгравшим решающую роль в получении разрешения на въезд в осажденный город, стала справка из военкомата о призыве К.В.Гусева на военную службу, выданная ему районным военкоматом еще в мирном 1940 г.

Совсем молодой (ему шел 21-й год), едва окрепший после ранения Кирилл Владимирович снова оказался в стою. С октября 1943 г. он начал работать заместителем секретаря, затем стал вторым секретарем Смольненского РК ВЛКСМ. Так начался этап его жизни, связанный с комсомольской, а затем партийной работой. Когда разворачивалось знаменитое «Ленинградское дело» он был инструктором областного комитета партии. По его собственным словам, он едва не оказался среди тех, кто попал под репрессии. С 1951 г. К.В. Гусев – второй, затем первый секретарь Кингисеппского РК КПСС г.Ленинграда.

В эти же годы Кирилл Владимирович решил осуществить свою давнишнюю мечту и получить историческое образование. Несмотря на напряженную работу, в 1952 г. он успешно закончил вечернее отделение исторического факультета Ленинградского педагогического института им. М.Н. Покровского. С этого времени его судьба оказалась навсегда связанной с исторической наукой.

Осенью 1955 г. он поступил в очную аспирантуру кафедры истории Академии общественных наук при ЦК КПСС, покинул любимый Ленинград и переехал в Москву. В академии его учителями были академики М.В. Нечкина, А. Панкратова, Б.А. Рыбаков, П.А. Жилин, Л.В. Черепнин, И.И. Минц, М.П. Ким.

В 1959 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Борьба большевиков за крестьянство и крах партии «левых» эсеров», был оставлен на кафедре истории советского общества в качестве штатного преподавателя. Началась его преподавательская деятельность в академии. Вскоре он был избран секретарем парткома АОН и занимал эту должность до 1963 г. С 1963 г. по 1971 г. он является научным руководителем аспирантов кафедры истории советского общества, одновременно завершает работу над докторской диссертацией на тему: «Партия социалистов-революционеров, ее политическое банкротство и гибель» и успешно ее защищает. По сути, это стало открытием нового важного направления в советской историографии, положило начало изучению непролетарских партий в России. С 1971 г. по 1975 г. он работает заместителем руководителя кафедры истории советского общества.

К этому времени Кирилл Владимирович стал известным ученым, признанным специалистом по истории партии эсеров и меньшевиков.

В отзыве о научных трудах К.В. Гусева, составленном д-ром ист. наук, проф. В. Дробижевым и д-ром ист. наук, проф. В. Наумовым, отмечалось, что в его работах поднимаются крупные и имеющие серьезное теоретическое значение проблемы. В первую очередь важно выделить работы по истории мелкобуржуазных партий, особенно партии социалистов-революционеров. По этой проблеме им опубликованы статьи «Из истории соглашения большевиков и левых эсеров», «В.И. Ленин о мелкобуржуазной сущности и политическом авантюризме программ и тактики эсеров», брошюра «Крах мелкобуржуазных партий в СССР» и другие, положительно оцененные в обзорных рецензиях. Перу К.В. Гусева принад-

лежат монографии «Крах партии левых эсеров», которая явилась первым крупным исследованием в этой области и была с большим интересом встречена научной общественностью. После нее была издана вторая, более крупная монография «От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров)» – первая книга, в которой прослеживается вся история крупнейшей мелкобуржуазной партии от возникновения до гибели. Работы К.В. Гусева привлекли внимание широкой научной общественности, они рецензировались всеми советскими историческими журналами, отзывы на его исследования появились в Польской Народной Республике, во Франции и в США.

Критики отмечали высокий уровень исследований К.В. Гусева, актуальность проблем истории нашей страны, оценивали их разработку как серьезный вклад в развитие советской исторической науки.

Известность молодого советского ученого шагнула далеко за границы страны. Он участвует в международных конференциях в США, Швеции, ФРГ, Дании, Франции и других странах. Рецензии на его публикации выходят во многих европейских и американских изданиях.

Так, в 1964 г. в Польше была опубликована рецензия Януша Радзивского на книгу К.В. Гусева «Крах левых эсеров», наделавшей много шума. Автор рецензии, оценивая это исследование, признавал, что это первый на эту тему крупный исторический труд, появившийся после длительного перерыва в Советском Союзе, что его следует «причислить к несомненно ценным и интересным».

В годы «холодной войны» тональность зарубежных рецензий изменилась, но даже тогда признавалась научная значимость работ К.В. Гусева. Так, американская исследовательница Хеер Ненси Уиттберг писала, что история левых эсеров поставила перед советскими властями серьезные проблемы, что в период после смерти Сталина вплоть до 1963 г. не было написано ни одной серьезной работы по этому вопросу и только в 1963 г. «появилась тонкая книга

К.В. Гусева, известного и консервативного авторитета по ранней истории партии»¹. Это исследование было опубликовано с расчетом на специалистов в данной области, его тираж не превышал 6000 экземпляров, но вызванный им широчайший интерес быстро перерос в обсуждение книги среди более широких кругов. О ней писали статьи в исторических журналах, тон ряда партийных изданий указывал на то, что обсуждение вышло за рамки среднего уровня. В марте 1964 г. книга стала предметом специального заседания редакции журнала «Вопросы истории» совместно с кафедрой истории советского общества Московского государственного университета.

Как представляется, К.В. Гусев поднял два чувствительных вопроса, относящихся к партии левых эсеров, угрожающей большевикам более других партий. Он затронул ее классовый состав, а также степень ее участия и период времени, в течение которого продолжалась ее совместная деятельность с большевиками. Анализ этих вопросов неизбежно приводил к пересмотру проблемы, суть которой заключалась в ответе на вопрос, представляют ли традиционные исторические доказательства убедительное и разумное объяснение существования однопартийного государства? Начиная с 20-х гг. в советской историографии не задавали подобных вопросов, и можно утверждать, что даже в 20-х гг. они не были основательно исследованы, потому что историки находились на слишком близком расстоянии, отделявшем их от событий.

При поверхностном рассмотрении исследование К.В. Гусева представляется совершенно ортодоксальным. В сноски включены ссылки на некоторые исследования, проводившиеся в 20-х гг., но значительно более часто встречаются цитаты из работ Ленина и упоминания официальных протоколов или других документов. Целью, на которую претендует К.В. Гусев, является внесение ясности в ошибочные представления в разоблачение фальсификации, совершенной западными и эмигрантскими историками эсеров, исправление того положения, при котором этот вопрос почти полностью

¹ Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. М.: Соцэкгиз, 1963.

игнорировался в СССР «с начала 30-х гг. до 1956 г. и даже позднее».

И несмотря на явное расхождение с К.В. Гусевым в подходах к проблеме, американская исследовательница признает, что «его выводы имеют радикальный характер».

Кирилл Владимирович к 70-м гг. стал одним из авторитетных и признанных специалистов по отечественной истории. В 1975 г. он был назначен заместителем председателя ВАКа СССР по общественным дисциплинам и работал в этой должности без малого десять лет. С 1984 г. по 1987 г. он – заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. С 1987 г. до последних дней жизни – профессор кафедры истории Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

К.В. Гусев – один из основоположников разработки новой фундаментальной проблемы отечественной истории – истории «непролетарских» партий России, автор 16 монографий, десятков научных статей общим объемом свыше 250 печатных листов. Он подготовил свыше 40 докторов и кандидатов наук.

Более 46 лет жизни Кирилл Владимирович отдал исторической науке, причем 40 из них он непрерывно учился и трудился в РАГС.

За ратный подвиг в годы Великой Отечественной войне К.В. Гусев награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени. За успехи в труде – орденом Знак Почета, орденом Трудового Красного знамени, девятью медалями.

Вся его жизнь была и остается примером бескорыстного и честного выполнения своего долга: солдата, ученого, учителя.

О.Г.Мальшева,
доктор исторических наук,
профессор, ученица К.В.Гусева

РОЛЬ К.В.ГУСЕВА В СОЗДАНИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ТРУДА «НЕПРОЛЕТАРСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ. УРОК ИСТОРИИ»

Мое первое, заочное, знакомство с Кириллом Владимировичем Гусевым состоялось еще в студенческие годы. В 1963 г. вышла в свет его монография «Крах партии левых эсеров», обратившая на себя самое пристальное внимание широкой научной общественности новаторской постановкой проблем неонародничества, оригинальными трактовками целого ряда сюжетов и вопросов истории эсеровской партии. Работая в это время над дипломом по истории народничества 70-х гг. XIX века, я самым внимательным образом проштудировал книгу К.В.Гусева, которая не менее 20 лет оставалась камертоном в деле разработки неонароднической проблематики, входила в обязательный список литературы для студентов и аспирантов исторических факультетов высших учебных заведений страны. Лишь спустя почти два десятилетия, в 1980 г., состоялось мое личное знакомство с К.В. Гусевым сначала в Научном совете по истории Октябрьской революции, членом президиума которого он являлся, а затем на научных конференциях по истории российских политических партий.

Высоко эрудированный, темпераментный и открытый к диалогу Кирилл Владимирович сразу же приковывал к себе внимание и огромной аудитории, и небольшого круга собеседников, с которыми щедро делился научными идеями и своими исследовательскими находками. Характерно, что он был одинаково равным и ровным как с именитыми академиками, так и с аспирантами и студентами. Доклады и сообщения К.В. Гусева, как правило, носили на научных конференциях постановочный теоретико-методологический характер, неизменно были как инновационными по содержанию, так и блистательными по форме. Органически чуждый догматизму и начетничеству, пустившими прочные корни в эпоху застоя и стагнации брежневского режима, Кирилл Владимирович,

являясь по образу мысли и действия «шестидесятником», акцентировал внимание слушателей на наиболее существенных и неразработанных проблемах, увязывая их, в свою очередь, с общеисторическим контекстом. Доклады и сообщения, с которыми выступал К.В. Гусев на конференциях, опубликованы, они до сих пор не утратили исследовательского интереса, ибо содержат не формальные, «дежурные» положения, а действительно оригинальные мысли и соображения по самому широкому спектру истории российских политических партий. Но надо воочию увидеть Кирилла Владимировича в роли докладчика на трибуне, поднимаясь на которую, он буквально преображался. Его выступления представляли собой органический сплав четкости мысли и неумного темперамента. Достаточно сказать, что Кирилл Владимирович так сильно раскручивал за дужку свои очки, что слушатели нередко замирали в напряжении, гадая, на какое расстояние он может случайно забросить их в аудиторию, и в кого они попадут.

Как правило, К.В. Гусев на конференциях выступал первым, сразу же после вступительного слова академика И.И. Минца, а вслед за ним делал доклад Л.М. Спирин. Может быть, мои наблюдения не совсем точны, но я (и не только я), постоянно ощущал присутствие интеллектуального творческого соперничества между Гусевым и Спириным. И этот «поединок» двух видных, тогда еще сравнительно молодых ученых, внесших крупный вклад в историю изучения политических партий России, не мог оставить аудиторию равнодушной, объективно способствовал повышению уровня дальнейшей дискуссии. В своих заключительных выступлениях К.В. Гусев и Л.М. Спирин, продолжая свой творческий спор, неизменно демонстрировали качество ярких полемистов.

Конференции, организованные Научным советом по истории Октябрьской революции, возглавляемым академиком И.И. Минцом, были подлинной научной школой как для уже маститых, так и еще начинающих исследователей. Именно после одной из научных конференций в г. Калинин, на которой подводились историографические итоги разработки ис-

тории политических партий России, и возникла оригинальная идея создания многотомного труда по истории политических партий России. Если вспомнить историографическую ситуацию начала 80-х гг. XX в., то уже сама по себе такая постановка вопроса о подготовке коллективного многотомного труда была безусловно инновационной. И К.В. Гусев со свойственным ему рациональным исследовательским чутьем не просто поддержал эту идею, но сразу же взял на себя руководство подготовкой данного труда. Примечательно, что качество крупного организатора науки были органически присущи К.В. Гусеву. Недаром на протяжении многих десятилетий он постоянно сочетал собственную научную и педагогическую деятельность с организаторской работой, занимая крупные и ответственные посты в системе высшего образования СССР.

Именно по инициативе К.В. Гусева вначале была создана небольшая группа для разработки плана-проспекта намеченного многотомного труда. Оригинальность его замысла состояла в том, что он должен был аккумулировать те исходные теоретические и методологические принципы и наработки, которые были сформулированы и апробированы в докладах и сообщениях в ходе работы целого цикла научных конференций, объединенных общим названием «История непролетарских партий России». С одной стороны, общий замысел книги вписывался в исследовательский план Научного совета по истории Октябрьской революции, а с другой – работа над ним предполагала привлечение к ней исследователей разных поколений, использование опыта академических учреждений и вузов, дальнейшую разработку теоретических, историографических, источниковедческих проблем, на которые было обращено внимание на научных конференциях.

Инициативной группе в составе О.В. Волобуева, В.И. Миллера, В.В. Шелохаева было поручено разработать план-проспект коллективной монографии, который затем был обсужден, откорректирован на заседании авторского коллектива и принят за рабочую основу. Данное и все последующие заседания авторского коллектива проходили под руково-

дством К.В. Гусева в его кабинете в ВАКе СССР. Именно с этого момента мое личное и творческое общение с Кириллом Владимировичем становится регулярным. Оно продолжалось вплоть до его кончины.

Авторов коллективного труда, а затем и редакторов издательства «Мысль», поражала и восхищала общая и профессиональная эрудиция К.В. Гусева, его умение четко формулировать задачи, предлагать наиболее оптимальное их решение, акцентировать внимание на наименее разработанных проблемах. К большому сожалению, лишь на предпоследних заседаниях коллектива в полную меру была осознана важность записи хода обсуждений глав и разделов труда, которые могли бы впоследствии стать ценным историографическим источником для всех исследователей истории политических партий России. В процессе дискуссий было высказано столько интересных мыслей и соображений, что данные краткие воспоминания, естественно, не могут (да и не претендуют) в полной мере отразить все тонкости и нюансы выступлений, комментариев, замечаний, суждений и оценок самого К.В. Гусева.

Первоначальный вариант плана-проспекта разрабатывался в двух «центрах» – О.В. Волобуев и В.В. Шелохаев (дооктябрьский период), К.В. Гусев и В.И. Миллер (период 1917–1920 гг.). Затем результаты предварительной работы были сведены воедино и вынесены на общее обсуждение авторского коллектива. Понимая, что от качества плана-проспекта в значительной степени будет зависеть и итоговый результат работы, К.В. Гусев акцентировал внимание на общетеоретических и «сквозных» исторических проблемах, которые и стали своего рода «каркасом» фундаментального труда. Взяв на себя задачу подготовки общепостановочной и теоретико-методологической части труда, К.В. Гусев сформулировал ряд исходных положений (в частности, периодизацию истории политических партий, отбор наиболее значимых организаций, определяющих вектор идейно-политической борьбы, место и роль национальных партий и т. д.), которые должны были быть отражены в исследовании.

Нельзя также не обратить внимание на его предложения по плану-проспекту, которые впоследствии были учтены авторами. Уже первое заседание показало, что К.В. Гусев является не только крупным теоретико-методологом, но и глубоким знатоком общей историографии по всем политическим партиям.

Монография, планируемая к изданию в двух томах (объемом примерно 80 п.л.) готовилась в сравнительно сжатые сроки. По мере завершения авторской работы над текстом начался самый интересный и творчески плодотворный этап коллективного обсуждения разделов и глав, причем сам К.В. Гусев проявил себя как пытливый и внимательный читатель, вникающий в малейшие нюансы, замечающий незначительные детали. Обсуждение проходили, как правило, следующим образом. Краткое вступительное слово с изложением творческого замысла предоставлялось автору, которому затем задавались уточняющие вопросы, после чего приступали к обсуждению. Ведя заседание, Кирилл Владимирович предоставлял каждому участнику диспута возможность выступить и отстаивать собственную точку зрения и лишь затем сам брал слово и подробнейшим образом всесторонне анализировал обсуждаемый текст, резюмируя, кстати, по ходу своего выступления и позиции участников. По сути, каждое такое обсуждение представляло собой своеобразную творческую лабораторию, обогащавшую участников новыми идеями и знаниями. Непременной нормой этих обсуждений была диалоговая форма общения, в результате каждый автор уходил творчески нацеленным не только на улучшение собственного конкретного текста, но и, самое главное, на теоретико-методологическое осмысление общих проблем истории политических партий России как целого. Не будет преувеличением сказать, что в ходе такого рода обсуждений вокруг К.В. Гусева сложилась подлинная школа ученых-исследователей, которые впоследствии не только внесли собственный вклад в отечественную историческую науку, но и впоследствии сами создали собственные научные школы.

Обсуждение продолжалось несколько месяцев. Заслуживает быть отмеченным обсуждение собственных текстов К.В. Гусева, который всегда тщательно относился к работе над ними. Несмотря на то, что К.В. Гусев был автором ряда уже опубликованных монографических исследований, при написании нового текста он привлекал значительный дополнительный материал, оригинально его структурировал. Характерно также, что он крайне уважительно относился к замечаниям, высказанным в ходе обсуждения, и при доработке текста непременно их учитывал.

Когда двухтомная рукопись была передана в издательство «Мысль», творческая работа над текстом продолжалась уже с участием консультантов Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС. На этой стадии К.В. Гусев твердо отстаивал свою позицию, что, заметим, требовало немалого мужества и убежденности в своей правоте. Правда, при этом пришлось пожертвовать двухтомником и согласиться на издание лишь одной книги. Напомним, что – незадолго до этого другое структурное подразделение ЦК КПСС – Отдел ЦК КПСС выступил инициатором разгрома «идеологически вредного» нового направления в отечественной исторической науке. Возможно, этим объясняется то, что фундаментальный труд «Непролетарские партии России. Урок истории» вышел в свет не в двух томах, а в одном.

В этой непростой ситуации редакционная коллегия согласилась на издание однотомника, принеся в жертву тщательно обсужденный и отработанный текст, исключая из издания целые параграфы, особенно посвященные истории национальных непролетарских партий. Разумеется, подобного рода сокращения, тем более проводимые в сжатом редакторском режиме, не могли не сказаться на содержательной стороне исследования. Однако в целом его исходный замысел был сохранен в первоначальном виде, и в этом несомненная заслуга К.В. Гусева. Твердость его позиции оказалась убедительным аргументом, что отечественная историческая наука способна к саморазвитию, пробила брешь в системе партийного диктата. Издание послужило началом формированию

самостоятельного направления – «История непролетарских партий России». В принципе это свидетельствовало, что монополия одного направления в исторической науке – «История КПСС» – прекратилась.

Обратим внимание современного читателя на то немаловажное обстоятельство, что, начиная с середины 20-х гг., в отечественной историографии интенсивно стала утверждаться сталинская интерпретация отечественной истории, особенно история большевизма. Не случайно название книг, брошюр, статей приобрели фактически однотипный характер: «Борьба большевиков против (за)...»; «Борьба КПСС (за)...». История же других политических партий как самостоятельная научная проблема, по существу, не разрабатывалась. Лишь с начала 60-х гг. ситуация стала понемногу меняться. Как уже было отмечено выше, в числе пионеров в деле самостоятельной разработки истории непролетарских партий выступил К.В. Гусев.

Отсутствие в названии коллективного исследования «Непролетарские партии России» слов «борьба против» свидетельствовало об определенных сдвигах, достигнутых в том числе и усилиями К.В. Гусева. Правда, пока не удалось отказаться от термина «непролетарские партии», хотя уже в 80-х гг. на этот счет такого рода предложения высказывались. Сам К.В. Гусев прекрасно осознавал идеологическую составляющую данного термина, но в тех конкретных условиях только такое название книги оказалось единственно приемлемым.

Выход в свет в 1984 г. исследования «Непролетарские партии. Урок истории» стало определенным, качественно новым явлением в отечественной историографии. Фактически было положено начало научной разработки системы политических партий России. На банкете, посвященном выходу книги, авторский коллектив выразил искреннюю признательность К.В. Гусеву за школу, которую авторы прошли под его руководством. В процессе создания книги сложились прочные научные и личные связи между многими ведущими специалистами в области изучения политических партий России.

В дальнейшем это способствовало активизации изучения политической истории как целого.

Конечно, с точки зрения современной историографической ситуации книге образца 1984 г., в целом основанной на марксистско-ленинской парадигме, можно предъявить ряд претензий. Однако в той историографической ситуации она безусловно символизировала значительным шагом вперед в разработке многих проблем политической истории России и, прежде всего, в создании принципиально новой основы в изучении политических партий. Выход в свет этого труда сыграл стимулирующую роль в теоретико-методологическом осмыслении целого комплекса проблем, связанных: во-первых, с оценкой и переоценкой дооктябрьской и советской историографии; во-вторых, с расширением исследовательской тематики; в-третьих, с осознанием необходимости перехода от изучения отдельных партий к изучению политической системы в ее целом.

Именно так понимал значение данного труда и К.В. Гусев, который рассматривал его, с одной стороны, как подведение историографических итогов, а с другой – как постановку новых исследовательских проблем, обусловленных вызовами современной эпохи. Он пристально следил за состоянием как отечественной, так и зарубежной историографии, настоятельно рекомендуя держать в центре исследовательского внимания весь комплекс теоретических и методологических проблем, которым сам уделял много времени и внимания. Беря в основу анализа совокупность марксистско-ленинских идей и положений, К.В. Гусев никогда не игнорировал инновационные идеи, содержащиеся в новейших исследованиях отечественных и зарубежных авторов. Следует особо подчеркнуть, что он чутко относился к работам молодых ученых, оказывая им всестороннюю поддержку. Несмотря на занятость административной и преподавательской работой, он умел держать в поле своего внимания практически весь комплекс научных разработок в области отечественной истории, которые осуществлялись в масштабах всей страны. Этому способствовал не только высокий пост заместителя

председателя ВАК СССР, но и его глубокая и искренняя заинтересованность в динамичном развитии отечественной исторической науки. По сути, Кирилл Владимирович был генератором многих оригинальных идей, умел эти идеи сам реализовывать, а также осуществлять значительные организационные функции в науке.

Будучи от природы коммуникабельным человеком, К.В. Гусев демонстрировал принципиальное отношение к любому делу. Это проявлялось и в большом и в малом: от разработки концепции крупного труда до ее реализации; от обещания написать рецензию до его исполнения в указанные сроки. В отличие от многих «чиновников от науки», которым готовили доклады, писали статьи и монографии многочисленные помощники, К.В. Гусев все делал сам: от сбора материала в архивах до написания и редактирования текста. Недаром он пользовался неизменным уважением со стороны исследователей самых разных поколений. В заключение отметим, что Кирилл Владимирович Гусев являл собой яркий пример подлинно гражданского служения отечественной исторической науки, внес в нее крупный вклад, который достоин самостоятельного историографического анализа.

© Шелохаев В.В.

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКТЕ И ПРОБЛЕМЕ ИСТИННОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Изучая и осмысливая жизнедеятельность и научное творчество К.В. Гусева, правомерно приходишь к выводу, что он был ученым не какого-то отдельного направления и тем более узкой сферы исторического познания. Обладая поистине энциклопедическими знаниями и широким кругозором, он, как уже отмечалось, проявлял глубокий интерес к различным отраслям гуманитарных наук. В многогранности его творческих способностей и таланта убеждались общественеды научных учреждений и высших учебных заведений страны в десятилетний период его деятельности в качестве

председателя Высшего аттестационного комитета СССР. Ученые, аспиранты и докторанты академии, других вузов и научно-исследовательских институтов неоднократно были свидетелями участия К.В. Гусева в научных дискуссиях по методологическим проблемам отечественной истории, философии и другим отраслям общественных наук.

Достаточно проанализировать лишь одну из его работ. Так, в начале 80-х гг. группа ученых-историков и философов, по инициативе профессора Гапоненко Л.С., руководившего в то время кафедрой отечественной истории, решили подготовить теоретико-методологическую работу по истории. В ее создании участвовали исследователи не только академии но и Московского государственного университета им. Ломоносова, института истории АН СССР, этнологии и антропологии и ряда вузов страны. Думается, будет уместно назвать отдельных авторов этой работы, хорошо знавших К.В. Гусева и сотрудничавших с ним многие годы. Это известные ученые М.П. Ким, И.Д. Ковальченко, Ю.В. Бромлей, М.И. Куличенко, Д.К. Шелест, Н.П. Французова, Л.М. Дробижева и другие.

Коллективный труд под названием «Историческая наука: вопросы методологии» был опубликован в 1986 г. Глава, написанная К.В. Гусевым называлась « Исторический факт и проблема истинности в исторической науке». Согласимся, что проблемы познания исторической действительности во всей ее противоречивости, многогранности, классификации исторических фактов и отражения их в совокупности в исторических исследованиях, а тем более установления истинности в исторической науке, были всегда и остаются поныне исключительно актуальными и во многом дискуссионными. На основе скрупулезного анализа теоретического наследия не только классиков марксизма-ленинизма, как было принято в то время, но и известных в мире историков и философов, как А.С. Лаппо-Данилевский, А. Гулыга, Фюстель де Куланджа, Ш. Ланглуа, К. Беккер, К. Ясперс и ряда других К.В. Гусев отразил в этой главе многие сложные аспекты изучаемой проблемы.

Прежде всего, он напомнил исследователям, что необходимо «отчетливо видеть разницу» между действительным историческим событием и его отражением в «вещественных памятниках, письменных и иных источниках» или уже имеющихся исторических сочинениях. А это, как отмечалось в работе, требует не только хорошей эрудиции, умения отличить истинный документ от ложного, от извращений и наслоений, но и необходимости определенной «реконструкции прошлого». Само прошлое «не дано исследователю непосредственно», и потому процесс его познания крайне сложен. Соглашаясь с определением понятия исторического факта как реально существовавшего процесса, К.В. Гусев считал его фрагментом исследуемой исторической действительности, воссозданным в процессе активной, творческой работы историка. Своей реконструктивной работой, взаимодополнением многих источников, их осмыслением, заполняя «белые пятна», исправляя искажения и счищая произвольные интерпретации, исследователи, по мнению ученого, «восстанавливают историческое событие как действительный факт»¹. Так, он обозначает подходы к раскрытию понятий «исторический факт» и «историографический факт», осмысливает вопросы о соотношении объективного и субъективного в оценках исторических фактов и их совокупности, выдвигает положения об «индивидуальности исторического факта» и необходимости его «типизации», анализирует различные точки зрения отечественных и зарубежных исследователей по рассматриваемым проблемам, корректно ведет с ними полемику. И нельзя не согласиться с мнением К.В. Гусева о том, что «полемика между историками разных направлений и философских взглядов служит одним из критериев проверки истинности исторического исследования»². Различие мнений исследователей зиждется в определенной степени на разнообразных принципах отбора исторических фактов, разнообразных методах их анализа, обобщения и обоснования выводов, отражающих взгляды и позиции авторов различных школ. Совокупные ре-

¹ Историческая наука: вопросы методологии. М., 1986. С. 131.

² Там же. С. 127.

зультаты всего этого познавательного процесса и позволяют, как правило, приближаться к доказательству существования объективной истины, к истинности исторических знаний в исторической науке.

Правомерно утверждение Кирилла Владимировича о том, что отношение к историческому факту и проблеме истинности исторического исследования менялось в зависимости от общего состояния исторической науки, методологии научного познания, уровня философской мысли. Исторический факт, по его убеждению, «многозначен» и должен «анализироваться в разных контекстах и связях», множественные подходы к его изучению «вследствие растущего объема знаний о прошлом, совершенствования методологии и методики исторического исследования, углубления и расширения перспектив» анализа прошлого. Односторонний подход к изучению и тем более к оценке исторических событий и фактов «могут привести к искажению подлинной картины исторического процесса»¹.

В данном контексте проблема всестороннего и глубокого изучения исторических фактов и событий предстает актуальной и поныне. Появление возможности более широкого и полного использования различных материалов и источников, особенно ранее недоступных, на первый взгляд, кажется, должно безусловно способствовать именно всестороннему изучению и осмыслению исторического процесса. Но автоматически это не происходит, ибо нередко исследование исторических фактов по-прежнему ведется односторонне. Если в советский период в исследованиях исторического прошлого крен был явно к «позитивным процессам», то в нынешних условиях – к негативным. Происходит в определенной мере замена совокупности одних фактов другими, как правило, шокирующе негативными. В условиях доминирования отрицательных фактов, одностороннего их толкования, без вскрытия причинно-следственных связей всего позитивного и негативного в многомерном историческом процессе, отсут-

¹ См.: Историческая наука: вопросы методологии. С. 133, 134.

ствия полноты исторических знаний, переосмысливание исторического процесса идет с трудом, нередко вновь искажается.

В рассматриваемой работе представляется исключительно важным еще одно положение, выдвинутое К.В. Гусевым. Он писал, что задача историка – показать как историческая необходимость прокладывает себе дорогу сквозь случайности. Ее решение, по мнению ученого, обязательно требует «...анализа зигзагообразного пути» исторического процесса, временных успехов или отступлений, которые убыстряют или замедляют темпы его развития. «Особенно важно, – подчеркивал он, – обращать внимание на возможности, скрытые в исторической действительности, не только на те тенденции, которые возобладали, но и на те, которые были подавлены и не получили простора для своего проявления». При этом он обращает особое внимание исследователей на то, что во всем многообразии единичных исторических событий и фактов, выявить и распознать общую закономерность за скрывающимися ее суть особыми историческими формами не просто¹.

На рубеже XX и XXI вв. произошли исторические события, которые не предсказывались почти никем, в том числе ни отечественными, ни зарубежными научными деятелями и политиками. Как формационные, так и цивилизационные подходы к анализу современных исторических событий не позволили прогнозировать предстоящие события даже на краткосрочный период, не говоря уже о более длительном историческом времени. Сегодня считается, что «открытия» разного рода закономерностей исторического процесса, в частности попытки обоснования прогрессивного характера его развития, смены общественно-экономических формаций и т. п. явления, исторической практикой не подтверждаются. Однако, думается, абсолютизация такого рода утверждений небесспорна. Вряд ли можно считать, что эти исторические

¹ См.: Историческая наука: вопросы методологии. С. 135.

события и явления уже состоялись и их истинность в исторической науке доказана.

Остановимся еще на одном и весьма интересном аспекте его работы. К.В. Гусев написал и опубликовал ее в условиях «идеологической борьбы» между двумя мировыми системами. В этой связи он отмечает, что в исторической науке идеологическая борьба идет главным образом вокруг истолкования, обобщения фактов; исторических концепций, определяющих понимание и объяснение фактов. Но, рассматривая точки зрения представителей «буржуазной» исторической науки, он при всей своей мировоззренческой принципиальности, не становится на путь огульного их отрицания или охаивания. Кирилл Владимирович был убежден, что идейная борьба может вестись только через творческую разработку проблем исторического развития, через анализ и обобщение исторического опыта и усиление внимания к методологическим проблемам исторического исследования. Одной из ведущих среди них, по его мнению, является проблема исторического факта и истинности в исторической науке.

Разумеется, данная проблема чрезвычайно широка и многогранна. Ее изучение теснейшим образом связано с теорией и практикой исторического познания, с его пониманием как многоэтапного, многостороннего, сложнейшего и противоречивого процесса в историческом времени и пространстве. Для результативного изучения этого процесса требуется проявление исторического таланта, в котором, по словам В.Г. Белинского, приведенных К.В. Гусевым, должны быть соединены строгое изучение фактов и материалов исторических, критический анализ, холодное беспристрастие с поэтическим воодушевлением и творческой способностью сочетать события, делая из них живую картину, где соблюдены все условия, перспективы и светотени.

В заключение – сугубо личное впечатление о Гусеве К.В. Более чем тридцатилетнее знакомство с ним, творческое изучение отечественной истории в его научной школе, результативное сотрудничество, содержательные и интереснейшие деловые встречи и контакты, да и просто незабывае-

мое человеческое общение с ним, думается, дает автору этих строк право утверждать, что Кирилл Владимирович был и остается в нашей памяти истинным мужественным житейским борцом, деятельностным человеком.

В своих «изысканиях в сумраке минувшего» он был неустойчивым и плодотворным, не искал проторенных дорог и тропинок. Имел твердый характер, собственный взгляд, убеждение и мировоззрение, обладал даром искреннего общения и сотрудничества со своими коллегами, с аспирантами и докторантами, со слушателями и соискателями; находился до последних дней своей жизни в постоянных поисках. Нельзя не отметить также его постоянную заботу о подготовке молодых способных научных кадров, издании качественных трудов по отечественной истории.

Его высокие служебные должности не меняли в нем человеколюбивой сущности. Он не смотрел на своих коллег свысока, никогда не демонстрировал им свое «властное положение», «не колол им глаза» своей персоной, а дарил творческую энергию и радость общения.

Поистине ничто человеческое, в лучшем смысле этого слова, ему не было чуждо.

© Тимофеев П.Т.

РОССИЯ НА ПУТИ К ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ. ИЗМЕНЕНИЯ НЕИЗБЕЖНЫ...

«В конце концов я убежден, что Россия
сделается конституционным государством
де-факто, и в ней, как и в других
цивилизованных государствах, возродятся
основы гражданской свободы».

С.Ю.Витте.

(Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 323).

В отечественной исторической публицистике в последнее время часто излагаются самые различные, порой прямо

противоположные точки зрения по поводу российского парламентаризма и представительных органов дооктябрьской России. Одни авторы убеждают читателей, что она была конституционным государством, другие отрицают наличие каких-либо элементов парламентской демократии. И дело тут не только в чрезвычайно возросшем в наши дни интересе к истории, но и в актуальности в современных условиях вопроса о степени развития демократии в России, об отношениях между исполнительной и законодательной властью, между самодержавием и представительными учреждениями. Настало время серьезно разобраться в проблеме, которой раньше советская историография или не придавала значения, или подходила крайне односторонне, и восстановить историческую реальность.

В середине прошлого века эта проблема привлекла внимание многих видных российских историков и побудила их исследовать эволюцию политических учреждений страны. Особое место в ряду этих учреждений занимали Земские Соборы. По мнению В.О.Ключевского, в литературе сложились на них два взгляда. Одни ученые видели в Земских Соборах только вспомогательное орудие администрации, никогда не выступавшее деятельным и самостоятельным двигателем политической жизни, никогда не имевшее собственного направления и поэтому не оказавшее никакого влияния на ход управления и законодательства. Сыграв свою кратковременную и малозначительную роль, Земские Соборы сами собой исчезли вследствие внутреннего ничтожества и чрезмерной слабости представительного начала в древней России. Другие, напротив, видели в них орган народной оппозиции, представлявший интересы народа и оказавший значительное влияние на законодательство и правительство в оппозиционном противобоярском направлении.

Ряд ученых пытались сравнить русские Земские Соборы с западноевропейскими представительными собраниями. Например, М.Ковалевский в «Очерках по истории политических учреждений в России» уже первые Земские Соборы рассматривал как своего рода парламент, представлявший раз-

личные слои общества. В подтверждение своей точки зрения, он привел социальный состав Соборов. На Соборе 1556 г. – первом, состав которого известен в деталях – класс служилых людей, известных под именем детей боярских и дворян, насчитывал 205 представителей, более половины всего числа присутствующих. Таков же был состав и позднейших Земских Соборов, но кроме того, на некоторых из них встречались выборные от низшего слоя местного дворянства, посылавшего в Москву от каждого города определенное число своих представителей для непрерывного пребывания там в течение трех лет. Их назначением было помогать центральному правительству в делах провинциального военного управления и распределения земель в вознаграждение за военную службу.

Очевидно, понимая уязвимость сопоставления Земских Соборов с уже действовавшими в мире парламентами, Ковалевский объяснял суженный характер парламентского представительства в России ее чрезвычайной обширностью и невозможностью вследствие этого выборным добраться до столицы менее чем за несколько месяцев. Следовательно, – считал он, – парламентское представительство не могло принять в России тот всеобщий характер, какой оно имело в Англии¹. Тем не менее при знакомстве с порядком деятельности Земских Соборов, начиная с избрания делегатов до принятия итогового документа – Земского приговора, просматриваются отдельные черты, характерные для тех или иных форм парламентаризма. Так, делегаты в Земский собор, избиравшиеся по сословиям, зачастую получали указы, где формулировалось мнение избирателей по главным вопросам, выносимым на Собор, от них же получали «кормовые» на все время пребывания в Москве. Земские соборы обычно проводились в Грановитой палате Кремля и открывались речью самого царя или одного из его секретарей, в которой излагались мотивы созыва Собора и оглашались вопросы, подлежащие его обсуждению. Обсуждение вопросов проводилось

¹ См.: Ковалевский М. Очерки по истории политических учреждений в России. СПб., 1910. С. 42, 399.

каждым сословием отдельно, а принятые решения соединялись в единый документ – Земский приговор. В сфере компетенции Соборов находились, безусловно, важные вопросы: согласно его мнению, решались вопросы войны и мира, ему принадлежало право избирать царя и т. д.

Однако, сопоставляя Земские соборы с представительными учреждениями Западной Европы, ученые-исследователи давно заметили и важные отличительные особенности. Пожалуй, самое цельное изображение устройства, деятельности и значения Земских соборов дано Б.Н. Чичериным в книге «О народном представительстве на Земских соборах Древней Руси». В ней он отмечает, что на Соборах не было и помину о политических правах, еще меньше допускалось их участие в государственном управлении, они всегда оставались чисто совещательным органом и не занимались законодательной деятельностью, которой отличались западные представительные собрания; на них не было общих прений, зачастую из соборных совещаний не выходило никаких постановлений, а подавались только отдельные мнения выборных по заданным правительством вопросам. Кроме того, Земские соборы созывались нерегулярно и лишь тогда, когда правительство имело в них нужду. Собираться же по собственной инициативе они не имели права. В итоге, Земские соборы были скудными и бесцветными даже в сравнении с Французскими Генеральными Штатами, которые из западноевропейских представительных учреждений имели наименьшую силу¹.

Великий российский реформатор Петр I никогда не пытался приобщить Земские соборы к своему делу. Эпоха, в которую гений Петра I связал Россию нитями оживленных сношений с европейскими державами, не был золотым веком представительного образа правления. На всем континенте в это время уже начался упадок совещательных собраний. Перестали созываться и Земские соборы. На примере Франции, Германии, Швеции Петр I видел, что лучшим союзником мо-

¹ См.: Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866.

наρχа были государственные чиновники, ничем не обязанные происхождению, выдвинувшиеся исключительно благодаря личным качествам.

На рубеже XVIII и XIX веков для наиболее влиятельных крупноземлевладельческих групп русского дворянства стал чрезвычайно притягательным пример Англии с ее высокой культурой и политическим благоустройством. Отсюда их стремление преобразовать русский государственный порядок с целью устранения «самовластия» и утверждения начал «истинной монархии». Под этим понималось устранение личного произвола с подчинением действий верховной власти основным действующим законам империи под активным контролем Правительствующего Сената, политическое влияние которого предполагалось усилить не только несменяемостью сенаторов, но и избранием их из состава правящих групп высшей дворянской бюрократии. Этот весьма умеренный конституционализм высшего слоя российского дворянства был довольно консервативен и имел главной целью закрепить в формах политической организации и «основного» законодательства, достигнутого в XVIII веке в виде «Жалованной грамоты дворянству» преобладание дворянства над государственной властью. Однако вопреки этим надеждам со складыванием абсолютизма в России теория представительного режима была надолго похоронена. Екатерина II, по собственному ее признанию, «обворовавшая» Монтескье и его «Дух законов», взяла из его книги только ту мысль, что в обширном государстве только самодержавие является естественной формой правления¹.

В конце XVIII – начале XIX вв. в отношении к конституционализму и представительным учреждениям фактически оформились два направления. Одно представляли авторы проектов из царского окружения, их цель заключалось в сохранении и укреплении самодержавия, сословной монархии. Иначе представляло себе реформы другое направление. Его представители предлагали либо вообще устранить самодер-

¹ См.: Сочинения Екатерины II. М., 1990. С. 15, 16.

жавие, либо резко ограничить власть императора. Оно было представлено А.Н. Радищевым, объявившим самодержавие «наипротивнейшим человеческому естеству состоянием» и утверждавшим, что в истории не было случая, чтобы царь добровольно уступил что-либо из своей власти. Но наиболее полно эти тенденции проявились в царствование Александра I.

Еще до того, как дворцовый заговор и убийство Павла I открыли ему дорогу на престол, Александр I намеревался «посвятить себя задаче даровать свободу и тем не допустить в будущем стать игрушкой в руках каких-либо безумцев»; такое дело было бы «лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законной властью, которая перестала бы существовать как только конституция была бы закончена и нация избрала бы своих представителей»¹.

В первые годы царствования, он говорил также о своем намерении созвать когда-нибудь в России представительное собрание, которому предполагал поручить выработку либеральной конституции для империи.

С этой целью в мае 1801 г. был создан негласный комитет из числа сподвижников Александра I, на заседаниях которого обсуждалась программа работ над проектом русской Конституции.

Ближайший соратник императора граф М.М. Сперанский подготовил свои предложения по созданию в России нового социального и политического строя «Настоящая система правления, – писал он, – не свойственна уже более состоянию общественного духа и настало время переменить ее и основать новый вещей порядок»². Суть его плана сводилась к разделению властей на законодательную, исполнительную и судебную, так как он полагал невозможным основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его. Задача осуществления строгого

¹ Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 155.

² Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов / План государственных преобразований графа М.М.Сперанского. М., 1900. С. 30.

равновесия между властями возлагалась им на специальное учреждение – Государственный совет. Законодательным органом, в соответствии с его планом, должна была стать Государственная дума, состоящая из делегатов, избранных губернскими собраниями. Сперанский считал целесообразным создание Дум четырех степеней: областной, окружной, губернской и государственной при четком разделении компетенции каждой из них. Исполнительной властью, по его плану, наделялись высшие чиновники – министры, которые подчинялись в судебном отношении правительственному собранию. Сенату Сперанский оставил только судебные функции, считая нецелесообразным наделение его законодательными правами.

Предложенный Сперанским образец управления при кажущейся его прогрессивности был основан на неделимой самодержавной власти: ни законодательная, ни исполнительная власти, не имея никакой собственной силы, не могли предпринять каких-либо действий без воли государя.

Сперанский, таким образом, сделал отчаянную попытку соединить разделение функций властей и введение народного представительства, что поставило бы Россию в один ряд с другими европейскими странами, не умалив при этом ничуть силы самодержавия. Таков в общих чертах был его план, которому не суждено было осуществиться.

Представляется очевидным, что соратники Александра I, и в первую очередь Сперанский, задумавшие создать в России новую политическую систему, были конституционалистами, отсюда и их стремление воспроизвести характерные черты всякого либерального права – введение народного представительства, разделение властей, ответственность министерств перед судом и т. д. Но эти начинания встретили яростное сопротивление реакции, под напором которой император вынужден был отступить, постепенно переходя на все более консервативные позиции. Аристократия не могла простить Сперанскому и того, что он был «выскочкой», сыном простого священника. Уже в 1812 г. представителям придворной группировки удалось внушить императору по-

дозрения к любимцу, он был обвинен в шпионаже в пользу Наполеона и сослан в Пермь. Идея представительного собрания не стала реальностью. Функции, отводимые им Думе, перешли к Государственному совету, который в результате стал ведать законодательными, финансовыми, административными и судебными вопросами. Отдельные изменения – создание министерств, Кабинета министров и др. ничуть не приблизили страну к конституционному государству. Да, в России были введены некоторые учреждения европейского типа, но при этом, они были лишены свойственного им духа. Вместо живого политического организма, основанного на принципах народного суверенитета, был создан громадный дорогостоящий бюрократический механизм, пользующийся почти бесконтрольной и безграничной властью.

Великая Французская буржуазная революция положила начало новому периоду мировой истории – периоду революционного разрушения отжившего феодального строя и установления новой системы буржуазно-демократических отношений. В первой четверти XIX в. в России, как и в других странах, феодально-крепостнический строй и неограниченная самодержавная власть все более тормозили историческое развитие. Наиболее прогрессивная и просвещенная часть общества ясно это понимала и признавала необходимость для России следовать за европейской цивилизацией в деле развития политической системы и установления демократических начал в обществе. «От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, – писал глава Южного общества декабристов П.И. Пестель, – от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции нет двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразований заставляет, так сказать, везде умы клекотать»¹. А французская газета «Конституционалист» в свою очередь, констатировала, что Россию захватило всеобщее мировое движение.

¹ Всемирная история. Т. VI. М., 1959. С. 162.

Впервые в России парламентские и конституционные идеи, рождавшиеся в обществе в связи с необходимостью ограничения самодержавия, были поставлены декабристами в прямую зависимость друг от друга. Они подготовили два конституционных проекта: «Русская Правда» Пестеля и Конституция Никиты Муравьева. По «Русской Правде» самодержавие подлежало уничтожению, страна провозглашалась республикой с однопалатной парламентской системой, исполнительной властью наделялась избираемая парламентом Державная Дума из пяти членов, блюстительной – Верховный собор. Конституционный проект Никиты Муравьева был более умеренным. Будущая революционная Россия виделась ему конституционной монархией с федерацией областей. Законодательная власть отводилась двухпалатному парламенту, исполнительная – наследственному императору как верховному чиновнику российского государства.

Несмотря на существенные различия между этими конституционными проектами – более радикальным Пестеля и более умеренным Никиты Муравьева, оба они были носителями идей установления в России парламентского строя, разделения властей, предоставления избирательных прав.

Реакция, наступившая после разгрома на Сенатской площади восстания декабристов, надолго заставила замолчать лучшие умы России, мечтавшие о конституционных преобразованиях. Проекты декабристов, появившиеся в результате глубокого изучения прошлого России, ее особенностей и творческого анализа существовавших в мире политических систем, намного опережали свое время и резонанса в обществе не получили. Общество оказалось не готово к их восприятию. Только знаменовавшее кризис всей государственной системы поражение в Крымской войне, заставило серьезно задуматься даже наиболее преданных Николаю I государственных деятелей над необходимостью серьезных перемен. Так, один из идеологов николаевского двора М.Н. Погодин писал: «Прежняя система отжила свое. Свобода! Вот слово, которое должно раздаться на высоте самодер-

жавного престола»¹. Существующую в России систему государственного управления подверг серьезной критике 40-летний курлянский губернатор П.А. Валуев в записке «Драма русского во второй половине 1855 года». Несовершенство системы, впрочем, не было секретом и для царя. В предсмертном обращении к сыну Николай I сказал: «Сдаю тебе команду не в порядке».

Национальный подъем, начавшийся после Крымской войны, пробудил к общественной жизни целую плеяду даровитых, талантливых людей различных политических направлений и интересов. В этот период серьезно заявляет о себе либеральная общественность. В начале 60-х гг. XIX века на общем фоне преобразований, начатых Александром II, все громче звучат голоса о необходимости политической реформы. Именно этим временем датирована еще одна записка Валуева, ставшего к этому времени статс-секретарем, в которой он прямо говорит о том, что трудно будет постоянно отклонять просьбы общества о некотором участии в делах законодательных и ввиду невозможности отклонить эти просьбы окончательно, будет лучше их предупредить. По его словам, стремление различных слоев общества к участию в делах законодательных и вопросах государственного управления, проявлялось и в постановлениях дворянских собраний, и в различных проектах самоуправления, в частности, в форме доктрины о земствах, и, наконец, в повышенном интересе к истории Земских соборов. «В сущности, – писал Валуев, – эта мысль всегда и везде одна и та же. Она заключается в том, что во всех европейских государствах разным сословиям представлена некоторая доля участия в делах законодательства и в делах государственного управления, и если так везде, то так должно сбыться и у нас»².

Валуев предложил проект устройства собрания представителей, избираемых местными земскими собраниями, огра-

¹ *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. М., 1874. С. 180.

² *Дневник Валуева П.А., министра внутренних дел.* М., 1961. Т. I. С. 635.

ничив их участие в делах государственного управления совещательными функциями. Дальнейшее развитие эти начала получили в его записке в ноябре 1863 г., в которой земские представители назывались уже «государственными гласными» и должны были образовывать отдельный съезд численностью 200 человек, 1/5 из которых назначалась бы высочайшей властью, остальные избирались бы губернскими земскими собраниями. Съезд государственных гласных, по мнению автора записки, никоим образом не посягал на самодержавие, но созыв его имел бы важное значение, поставив государственную власть в определенные законом рамки и создав большой простор общественному мнению. Проект политических преобразований, предложенный Валуевым, с очень большой натяжкой можно было назвать конституционным, но и он был неприятен Александру II, и решительно им отвергнут.

В 70-е гг. темпы проведения крупномасштабных преобразований, начатых отменой крепостного права, постепенно замедлялись и одновременно усиливалось наступление власти не только на революционное, но и на либеральное движение. Впрочем, это вызывало, скорее обратный эффект, никак не способствуя приостановлению «брожения умов», ратующих за немедленное обновление общественного строя.

Проект Валуева, как и другие проекты, подготовленные «наверху», не был обнародован, и обществу, за исключением узкого круга приближенных к престолу, известен не был. А «внизу» влиятельное революционное движение – народники – предложило другое решение проблемы изменения государственного строя России. В отличие от декабристов они не предлагали избрать парламент, не вносили каких-либо проектов конституции или схем будущего государственного и общественного устройства. Идеологи крестьянской революции из «Земли и воли» заявили, что революционеры-народники принимают «неизменную программу» народных революционеров-социалистов Пугачева и Разина: отнятие земли у помещиков и бояр, изгнание, а иногда и истребление начальства и представителей государства и учреждение «казачьих

кругов», т. е. вольных автономных общин с выборными, ответственными, сменяемыми представителями народной воли. Позже несколько точнее сформулировала свою программу «Народная воля». «Мы полагаем, – писали народовольцы, – что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным собранием, избранным свободно всеобщей подачей голосов при инструкции от избирателей», но далее следовала оговорка: это, конечно, далеко не идеальная форма изъясления народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практике и мы считаем поэтому нужным остановиться именно на ней»¹.

Иной вариант политического переустройства, основанный на анализе общественно-политической ситуации в стране, предложил в своих письмах и записках на имя министра внутренних дел Тимашева, один из высокопоставленных царских чиновников того времени.

«Конституция необходима, – писал он, – потому, что этого требует логика истории. Но как перейти к ней?

Если дать полную, честную конституцию народу, который живет совершенно без законов, или по законам, искаженным до неузнаваемости, то он ошалевает и окажется львом, выпущенным из клетки, где его умирляли раскаленным железным прутот и – горе окружающим!

Если дать полуконституцию, вроде турецкой или Наполеона III, то она неминуемо вызовет революцию: одна часть народа также ошалевает, другая останется недовольна, направить первую сообразно к своим интересам и анархия неизбежна.

Остается создать переходное состояние, которое удовлетворит всех, надолго успокоит умы, позволит правительству справиться, упрочить внешнее могущество, решить внутренние политические и инороднические вопросы, привести в порядок финансы... даст время приготовиться уже при косвенном содействии народа к передаче части власти в руки то-

¹ См.: *Богучарский В.Я.* Из истории политической борьбы в 70–80-х годах XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. С. 452, 459.

го же народа. Во время этой переходной эпохи выработается сама собой конституция не турецкая, не английская, а чисто русская, которая как составленная совокупно правительством и народом, будет прочна и на столетия, как в Англии, обеспечит внутреннее благоденствие страны»¹.

Следует заметить, что изложенную выше точку зрения разделял довольно широкий слой либерально настроенных чиновников и интеллигенции которые, оставаясь убежденными сторонниками самодержавия, ясно понимали невозможность сохранения существующего строя без проведения преобразований в политической области.

Настроения этой части общества последовательно отстаивал умный и энергичный политический деятель Лорис-Меликов, ставший в феврале 1880 г. сначала председателем Верховной распорядительной комиссии, затем министром внутренних дел. Видя противоречия между неограниченной самодержавной властью с мощной бюрократической системой, с одной стороны, и просвещенной частью общества – с другой, он писал: «Необходимым условием для успешного выполнения предстоящих правительству задач составляет привлечение выборных представителей общественных учреждений к участию в совещательном обсуждении или подготовительной разработке некоторых особенно важных правительственных законопроектов». Аргументируя свое предложение, он доказывал, что со многими важнейшими вопросами, в первую очередь экономическими, центральная бюрократия без опроса и участия лиц, ближе знающих местные условия и народные нужды, не в силах будет справиться.

Проект политических преобразований сводился к учреждению при Государственном совете «Общей комиссии», в которую вошли бы представители земств и городов и ряд назначенных правительством лиц и его с еще большей натяжкой, чем проект Валуева можно расценивать как конституционный. Так же как Валуев, Лорис-Меликов, допуская привлечение общественных представителей к участию в подго-

¹ ГАРФ. Ф. 677. Оп. I. Д. 510. Лл. 8, 9.

товительных законодательных работах с правом совещательного голоса, был глубоко убежден, что это не составит никакого ограничения самодержавной власти, от которой всецело зависело утвердить, изменить или вовсе отвергнуть проект. Более того, это не составит в сущности ничего нового, а только правильно организует то, что уже на деле существует¹.

К февралю 1881 г. Лорис-Меликову удалось склонить императора к решению, которое он отвергал все годы своего правления – введению представительного правления. 28 февраля 1881 г. он подписал манифест, который вводил в государственном аппарате представительное начало. Впервые за многовековую историю Россия вплотную приблизилась к преобразованиям в политической области. В результате осуществления проекта Лорис-Меликова в Государственном совете должен был быть введен основной западноевропейский принцип – народное представительство. И хотя преобразований Государственный совет вряд ли мог считаться парламентом, он вполне мог стать его зародышем и предшественником.

Обнародование царского манифеста о введении представительного начала в управлении предполагалось 2 марта 1881 г. Однако, убийство Александра II за день до опубликования, и наступившая после этого реакция вновь отодвинули исполнение этого проекта на неопределенный срок. Александр III, напуганный трагической гибелью отца и размахом революционного движения в стране, желая покончить с либеральными настроениями в обществе изменил политическую ориентацию в пользу реакционных преобразований, ставивших своей задачей усиление роли поместного дворянства. В 1885 г. в высочайшем манифесте по поводу столетнего юбилея Жалованной грамоты дворянству прямо говорилось о необходимости сохранения за поместным дворянством, как и в прежние времена, первенствующего положения в делах ратных, местного самоуправления, в суде и т. д. «Во

¹ ГАРФ. Ф. 677. Оп. I. Д. 538. Лл. 3, 4.

всем этом слышится поворот правительственной политики, – писал в своем дневнике Государственный секретарь А.А. Половцев, – Это прекрасно, но и в эту сторону не надо пересаливать»¹.

В результате непримиримой борьбы с либеральной бюрократией, стоявшей на весьма умеренных позициях и одержанной в результате победы, к власти пришли реакционеры: Победоносцев, Толстой, Катков, Мещерский и др., видевшие в «великих реформах» 60–70 гг. главное зло и причину неудовлетворительного состояния России. На фоне общественного безмолвия пышно расцветает административный произвол, проявлявшийся в деятельности как высших и центральных государственных учреждений, так и представителей местной администрации – губернаторов. В целях установления полного единомыслия, была проведена ревизия состава Государственного совета, превратившая его в учреждение, послушно штампующее представленные для обсуждения проекты.

Со смертью Александра III в 1894 г., казалось, должна была наступить оттепель, забрежить рассвет. Но политический курс молодого царя на отличался от отцовского. Он также видел свою основную задачу в сохранении незыблемости самодержавия, решительно выступал против любых реформ. На первой же встрече с приехавшими поздравить его со вступлением на престол делегатами с мест, намекнувшими на необходимость привлечения общественных сил к управлению государством, император посоветовал им бросить «напрасные мечтания».

Однако внутренняя обстановка, сложившаяся в стране в результате сокрушительного поражения в русско-японской войне, подорвавшей благосостояние империи и престиж ее на мировой арене, первая русская революция поставили царизм перед необходимостью политических преобразований. В начале 1905 г. император поручил министру внутренних дел

¹ Дневник Государственного секретаря А.А. Половцева. М., 1966. Т. I. С. 316.

Булыгину составить проект рескрипта о привлечении выборов от народа к законодательству.

Булыгин предложил следующую форму участия населения в законосовещательной деятельности: призвание выборных от населения на более или менее продолжительный срок для обсуждения не отдельных, разрозненных законодательных предположений, а всей их совокупности. Он предложил три варианта такого участия:

1) в виде включения в состав Государственного совета по всем или нескольким Департаментам избранных от населения лиц, которые участвовали бы в рассмотрении законодательных предположений на тех же основаниях, что и члены Государственного совета;

2) в виде образования из избранных от населения лиц при Департаментах Государственного совета или наряду с ними в составе сего Совета особых подготовительных комиссий;

3) в виде образования при Государственном совете или наряду с ним особого, состоящего из избранных от населения лиц законосовещательного учреждения, на предварительное обсуждение которого предавались бы законодательные предположения ведомств, восходящие через Государственный совет к верховной императорской власти¹.

Предпочтительным оказался третий вариант, и 6 августа 1905 г. в высочайшем манифесте было провозглашено: «признать за благо учредить Государственную думу и утвердить положение о выборах в Думу». Отдавая должное значимости этого манифеста, не следует забывать, что Дума предполагалась лишь как законосовещательное учреждение. Уже статья I «Учреждения Государственной думы» устанавливала, что она создается «для предварительной разработки и обсуждения законодательных предположений, восходящих по силе основных законов через Государственный совет к верховной государственной власти»². Избирательные права, согласно манифесту, предоставлялись лишь лицам, владеющим

¹ См.: РГИА. Ф. 1282. Оп. I. Д. 1193. Л. 6.

² См.: Государственная Дума в России. М., 1957. С. 32.

собственностью, следовательно, более половины населения России их не имели. Булыгинская дума, таким образом, была лишь полумерой, неспособной удовлетворить даже либеральную часть общества. Созыв ее был сорван Всероссийской октябрьской политической стачкой.

По просьбе царя, лихорадочно искавшего выход из сложившейся ситуации, один из самых выдающихся политических деятелей последнего царствования С.Ю.Витте, проанализировав ситуацию, пришел к выводу, что существует только одна альтернатива – или военная диктатура, или конституция, причем, по мнению близких к царю лиц, например, его дяди великого князя Николая Николаевича, сил для установления военной диктатуры в тот момент у престола не было. Будучи убежденным монархистом, Витте в то же время понимал неизбежность модернизации государственного строя, понимая ее как приспособление самодержавия к современному этапу общественного развития.

С его подачи получил распространение производящий впечатление экстравагантности термин «социализация монархии». Витте как высокообразованный политик не видел в возникновении социалистических идей ничего противостественного и рассматривал их как выражение жизненных устремлений масс, делая при этом необычный вывод. Россия и Европа, по его убеждению, стояли перед выбором между социализмом и самодержавием, поскольку только две эти формы могли удовлетворить массы. Лучшим являлось «самодержавие, сознающее свое бытие в охране интересов масс, сознающее, что оно зиждется на интересах общего, или социализма, существующего ныне лишь в теории»¹. Буржуазный парламентский строй нежизнеспособен и мог быть, по его мнению, лишь переходной стадией к более совершенному общественно-монархическому или социалистическому. Таким образом, Витте, исходя из тезиса об абсолютной свободе верховной власти, давал свое обоснование охранно-попечительской политике и функциям самодержавия.

¹ Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 26.

Витте был уверен, что ход исторического процесса неудержим, и идея гражданской свободы восторжествует, если не путем реформы, т. е. спокойно и разумно, то путем революции через потоки крови. Чтобы избежать такого поворота событий, как искренний монархист, преданный деятель Николая II, к нему в глубине души привязанный и его жалеющий, Витте уговорил царя согласиться на введение народного представительства с большими полномочиями, чем это предполагалось по манифесту от 6 августа 1905 г. 17 октября 1905 г. император подписал подготовленный под руководством Витте манифест, обещавший «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, свободы собраний и союзов. Был провозглашен выборный парламент – Дума и дано торжественное обещание, что никакой закон не вступит в силу без ее одобрения, а выборным от народа будет обеспечена возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий властей¹.

Представляется бесспорным, что манифест 17 октября 1905 г. является интереснейшим документом последнего царствования в России. Он не был столь уж радикальным и не превращал российское самодержавие в подобие британской монархии, поскольку царь сохранил свои prerogatives в части обороны, иностранных дел, а также исключительное право назначать и смещать министров. В то же время этот манифест продвинул Россию с огромной быстротой по тернистому пути исторического прогресса, стоившего Западной Европе нескольких веков нелегкой истории. Многие годы оценки его значимости были самыми различными, подчас прямо противоположными. У одних он вызывал разочарование, у других – самые радужные надежды. Так, у значительной части либеральной интеллигенции в тот момент появилась уверенность, что Россия, наконец, обрела конституцию и отныне массовое движение войдет в мирное русло парламентской борьбы. Аналогичная точка зрения высказывается, отдель-

¹ См.: Учреждение Государственной думы. СПб., 1905. С. 64–65.

ными авторами и сегодня. Так ли это? Был ли манифест 17 октября 1905 г. первой российской Конституцией? Весьма проблематично. Шагом к установлению конституционной монархии – он был бесспорно. Но оценивая степень его конституционности, необходимо помнить, что вскоре после него, 11 декабря 1905 г. был опубликован царский указ об изменении Положения о выборах в Государственную думу, сохранивший куриальную систему выборов, их многоступенчатость, не всеобщий и не равный характер.

Во-вторых, в манифесте 17 октября, наделившем Думу законодательными правами, ни слова не говорилось о второй палате парламента. Однако высшие царские чиновники, и прежде всего Витте, считали необходимым создание такой палаты, призванной быть противовесом Думе и стоящей между ней и государем. Манифестом от 20 февраля 1906 г. Государственный совет был преобразован из совещательного органа в верхнюю палату российского парламента, получившую законодательные права равные с правами Государственной думы. При этом половина членов Совета по-прежнему назначалась царем, в основу выборов остальных была положена сохранявшаяся в стране система. Крупные землевладельцы избирали 74 из 98 членов Совета, духовенство, православная церковь – 6, столько же Академия наук и университеты. Торгово-промышленная буржуазия была представлена 12 членами, рабочие и крестьяне своих представителей в верхней палате не имели. Члены Государственного совета избирались на девять лет, при этом за царем оставалось право досрочного роспуска выборных членов и назначения новых выборов. Состав его был своего рода гарантией, что неприемлемые для царизма законопроекты, вышедшие из Государственной думы, силы закона не обретут.

И, наконец, самое главное. Когда первый российский парламент был все-таки созван, и показал с точки зрения правительства весьма строптивый характер, одним росчерком царского пера он был закрыт и объявлены выборы во II Думу. Эта Дума оказалась несколько иной по своему составу, но и она разделила участь своей предшественницы: слишком

много «неудобных» вопросов задавалось царскому правительству слишком всерьез поверили депутаты в свободу слова и демократию, в возможность разрешить парламентским путем острейшие проблемы общества.

3 июня 1907 г. был объявлен царский указ о роспуске II Государственной думы. Этот акт укладывался в рамки существовавшего законодательства. Однако одновременно с ним был опубликован новый избирательный закон, резко ограничивший избирательные права граждан. Но в соответствии с манифестом 17 октября 1905 г. единолично менять избирательный закон царь не мог. Следовательно, принятие им этого закона фактически прекращало действие манифеста. Таким образом, даже если согласиться с тем, что манифест от 17 октября 1905 г. был первой российской Конституцией, 3 июня 1907 г. можно считать датой окончания ее действия.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что идея народного представительства в России, которой суждено было осуществиться только в начале XX столетия, возникла не на пустом месте, она была выношена, выстрадана всем ходом развития исторического процесса страны и ее общественной мысли. Россия, казалось бы, несколько раз подходила к ограничению абсолютной монархии в лице выборных органов. Однако следует помнить, что все проекты государственных преобразований, предлагавшиеся сверху, преследовали одну цель: сохранение незыблемости самодержавного строя.

Общественная мысль России на протяжении многих десятилетий разрабатывала идею ограничения абсолютной монархии и введения парламентского строя. Наиболее отчетливо это проявлялось в конституционных проектах декабристов. У пришедшего им на смену поколения революционеров-демократов развитие идеи борьбы с самодержавием приняло иное направление, в котором парламентаризму отводилось крайне незначительное место. По-видимому, это и стало причиной того, что демократические традиции в российском обществе в отличие от западных стран не сложились.

Был ли в России парламентский строй? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя. К моменту падения самодержав-

вия парламентской страной в классическом понимании этого слова Россия так и не стала, но и отрицать появление весьма существенных элементов парламентского строя – предоставление избирательных прав населению, создание выборного представительного органа – нельзя. По всей видимости, следует вести речь о самобытности «российского парламентаризма», сложившегося в конкретно-исторических условиях при сохранении пережитков монархического строя и феодально-крепостнической системы, но это предмет для отдельного обстоятельного разговора.

© Гусев К.В.

© Мальшева О.Г.

ЭСЕРЫ-ЦЕНТРИСТЫ И ПРЕДПАРЛАМЕНТ

Предпарламент, или Временный совет Российской Республики, работал в Петрограде с 7 по 25 октября 1917 г. Учреждение временного парламента еще до открытия Учредительного собрания обуславливалось необходимостью срочного решения насущных государственных проблем. В целом события в России от февраля по октябрь 1917 г. не исключали перспективы парламентского пути развития страны. Особенности этого периода, как отмечал К.В. Гусев, с точки зрения их влияния на судьбу российского парламентаризма очень важны, так как являются неотъемлемой частью его истории¹.

Эсеры, численность которых летом 1917 г. составляла около 1 млн человек, были сторонниками парламентской республики. На состоявшемся 14–22 сентября 1917 г. Демократическом совещании они поддерживали план создания временного парламентского учреждения – Предпарламента.

¹ См.: Гусев К.В. От роспуска IV Государственной думы до разгона Учредительного собрания / Проблемы отечественной истории: Сборник научных статей. М., 1999. Вып.5. С. 3–4.

Осенью 1917 г. разногласия в партии социалистов-революционеров, существовавшие и раньше, обострились еще больше. По свидетельству лидера центра партии социалистов-революционеров В.М. Чернова, действовали не одна, а по меньшей мере три партии и, соответственно, три Центральных Комитета¹. Противоречия между правыми и левыми эсерами сглаживались центристами, взгляды которых по разным вопросам также отнюдь не всегда совпадали.

Центристы определяли официальный курс партии. В редакцию печатного органа ЦК партии социалистов-революционеров «Дело народа», издававшегося тиражом до 300 тысяч экземпляров, входили В.М. Зензинов, В.В. Лункевич, Н.И. Ракитников, Н.С. Русанов, В.М. Чернов, секретарь редакции С.П. Постников. Редакционные статьи издания выражали позицию Центрального Комитета по всем важнейшим проблемам.

Вопрос об отношении к Предпарламенту, его правах и обязанностях имел для партии принципиальное значение. Эсеры-центристы считали, что новое учреждение может стать народным парламентом, если сумеет своей деловой организацией создать себе необходимое влияние в массах революционной демократии².

Предполагалось, что временный парламент станет органом контроля над властью. Формы и границы этого наблюдения активно обсуждались, определившись в пользу придания Предпарламенту реальных контрольных функций. Такие ожидания обуславливались соотношением общественных групп, стоящих за ним, превосходством сил революционной демократии. Осуществление контроля увязывалось с необходимостью выработки организованной демократией реальной деловой программы.

Выяснялись обязанности временного парламента. Ожидалось, что Предпарламент будет «недремлющим оком»

¹ См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. Февраль-октябрь 1917г. М., 2000. С. 14; Партия социалистов-революционеров (правых или центра). Тамбов, 1921. С. 14.

² См.: Дело народа. 1917. 26 сент.

революционной демократии, ее деловым центром, связанным с ней «живыми нитями деловых интересов». Такое положение обязало бы временный парламент не только требовать от правительства отчета, подвергать критике его законодательные предположения, соотносить их с программой 14 августа, но и, главное, разрабатывать эту программу, раскрывать ее истинный смысл, детали и «неукоснительно оказывать давление на власть». 26 сентября 1917 г. газета «Дело народа» отмечала: «... фракции нашей партии необходимо немедленно приступить к самоорганизации и работать над программой, – она теперь в предпарламенте имеет незаменимую трибуну для агитации, раскрывая все революционное содержание партийной программы и решительно противопоставляя демагогии революционное дело...».

Эсеры-центристы отнюдь не считали, что революционная демократия приобрела в виде Предпарламента нечто самодовлеющее и не собирались, поэтому, успокаиваться на достигнутом. Допуская возможные изменения состава нового учреждения и его «юридического лица», политический центр партии социалистов-революционеров находил принципиально важным, чтобы сохранилась сама идея Предпарламента и трансформировалась только в сторону образования делового центра революции. Это помогло бы демократии перейти от слов к действиям, бороться в парламентском учреждении за скорейший созыв Учредительного собрания, заключение мира и в то же время сплотиться «...на почве государственной работы; она здесь получит возможность организовать и подготовиться к тому моменту, когда ей, быть может, придется взять на себя всю ответственность за судьбы страны...»¹. Перспектива формирования однородного демократического правительства рассматривалась, таким образом, как вполне реальная.

Всестороннему анализу эсеры-центристы подвергли подготовленное Юридическим совещанием при Временном правительстве Положение о Временном Совете Российской

¹ См.: Дело народа. 1917. 26 сент.

республике (Предпарламенте), опубликованное 3 октября, назвав документ «куцей конституцией нового высшего государственного установления». Особое недовольство вызвало отсутствие упоминаний о законодательных и других «суверенных» правах Совета Республики. ЦК партии эсеров критиковал «нарочитое ограничение прав» временного парламента. «Казалось бы, ... правительство, для усиления своего авторитета, для упрочения своего положения в стране, должно было, наоборот, расширить компетенцию Совета Республики, на который только оно и может опереться и который может наделить его, наконец, реальной властью»¹. Высказывалось предположение, что правительство прислушалось к мнению цензовых элементов, для которых сила и авторитет Предпарламента, большинство в котором принадлежало социалистической демократии, непременно должны были быть аннулированы.

В.М. Чернов считал, что Совет Российской Республики был также обесцвечен юридически, как Временное правительство обесцвечено персонально. «Совет не будет иметь права запросов, – он будет иметь лишь право вопросов ...

Совет не будет иметь права утверждения и отвержения законов – он будет лишь иметь право рассмотрения и суждения о законах ...

Совет не будет иметь права законодательной инициативы – он будет лишь иметь право сообщать правительству свои законодательные соображения ...

Совет не будет знать ответственного перед ним правительства, – он должен довольствоваться необходимостью для правительства считаться с ним, как с фактической силой»². Чернов отмечал, что фактическая сила, авторитет Предпарламента могли бы определиться революционным самоощущением нового учреждения, если бы сам Временный Совет признавал себя силой. Лидер эсеров-центристов с сожалением констатировал, что временный парламент не

¹ Дело народа. 1917. 5 окт.

² Чернов В.М. Листки из политического дневника // Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999. С. 85.

имел единства настроения, был разорван на противоречиво настроенные части, болен властебоязнью и поэтому лишен всякого революционного самоощущения. В результате проведенной компромиссной работы «Предпарламент остался лишь в качестве совещательного учреждения, чем-то вроде земских соборов при самодержавии (по формуле «правительству – силу власти, земле – силу мнения»). Он даже не получил право запросов»¹.

Тем не менее центристы партии социалистов-революционеров призывали революционную демократию не воспринимать новую конституцию Временного Совета Российской республики как незыблемый основной закон. «Совет возник не по соизволению правительства, а в силу высшего права, права революции, в которой решающий голос принадлежит демократии, создавшей само нынешнее Временное правительство. Черпая свою силу в господстве в стране демократии, социалистическое большинство Совета Республики не только может, но и обязано взять на себя великую задачу творческой работы во всех областях политической и хозяйственной жизни, подчиняя себе деятельность Временного правительства»². Эсеры-центристы считали, что страна находится на краю гибели и поэтому было бы преступно ограничивать размах своей деятельности установлениями, исходящими от власти, учрежденной самой демократией.

В качестве первоочередных действий, по мнению эсеров-центристов, революционная демократия должна была настоять на издании законов об организации государственного контроля над промышленностью и об упорядочении земельных отношений. Законопроекты, регулировавшие эти основные отрасли народного хозяйства, были уже разработаны в Экономическом совете и Главном земельном комитете. ЦК партии эсеров выражал уверенность в том, что Временное правительство исполнит все требования Предпарламента, направленные на спасение страны от ги-

¹ Чернов В.М. Перед бурей. Минск, 2004. С. 342.

² Дело народа. 1917. 4 окт.

бели, так как, лишенное его поддержки и доверия, правительство «не продержится и одного дня».

Признавалось жизненно необходимым, чтобы сама революционная демократия приступила, наконец, к непосредственному устройению хозяйственной жизни страны, приблизившись вплотную к вопросам войны и мира. Чисто словесную политическую борьбу резолюциями предлагалось прекратить. Агитационно-пропагандистская роль постоянно выносимых резолюций на различных съездах и собраниях, по любым вопросам политики и экономики, оценивались как «уже сделавшая свое дело». Народ ждал претворения этих многочисленных резолюций в жизнь.

Эсеры-центристы предполагали, что Временный Совет Российской республики самым фактом своего существования будет способствовать проведению необходимой творческой работы. Революционная демократия должна была, опираясь на право, через вновь созданный государственный орган, использовать весь правительственный механизм в целях спасения страны, а Временное правительство – стать исполнительным органом Совета Республики.

Трагедия русской революции, в соответствии с утверждениями ЦК партии социалистов-революционеров, состояла в том, что правительство и принятые им законы слишком долго носили временный характер. Затянувшийся промежуток между фактической переменой российского уклада жизни и правовым оформлением случившегося, в ожидании открытия Учредительного собрания, придавал неустойчивость создавшимся отношениям. Требовалась немедленная опора в виде полномочного, авторитетного органа общественного мнения и воли. Таким народным представительством стал Временный Совет Российской республики, «наспех сколоченный» и поэтому несовершенный.

7 октября 1917 г. эсеры-центристы приветствовали открытие Предпарламента. Несмотря на все оговорки, страна получала более устойчивую и всенародную базу государственной власти. «Какие отрицательные свойства ни были бы присущи Совету, его, несомненно, положительным качест-

вом является то, что личное или узкогрупповое усмотрение членов Правительства Совет поставит под широкий и гласный контроль общенародного мнения, хотя бы и в том формально несовершенном виде, в каком его предусматривает «конституция» Совета»¹.

Революционные периоды не могут довольствоваться источниками права и власти, присущими нормальным, мирным периодам государственного развития. Возникает потребность в экстраординарном, чрезвычайном правотворчестве – общественном, народном провозглашении. Общественное провозглашение неоднократно в истории человечества играло роль суррогата нормального законодательства. Такую же роль должен был играть Временный Совет Российской республики, стать в переходный период русской революции трибуной или рупором, пользуясь которыми отдельные классы, группы, партии и другие организованные слои российского населения могли провозглашать свои требования². Приветствуя Предпарламент в связи с началом его деятельности, ЦК партии эсеров в то же время требовал, чтобы преемник Временного Совета – Учредительное собрание – было созвано не позднее назначенного дня, т. е. 28 ноября.

Умеренная часть партии социалистов-революционеров осудила объявленный большевиками бойкот Совету Республики, считая такое решение большевистской фракции не только ошибочным, но и преступным для интересов революции и рабочего класса. Допуская, что план превращения Предпарламента в законодательный орган, перед которым Временное правительство было бы ответственно и стало бы по отношению к нему исполнительным органом, утопичен, эсеры-центристы не видели необходимости в отказе от всероссийской трибуны. Бойкот государственного представительного органа, по их мнению, никогда не приносил пользы ни одной рабочей партии, поскольку неизбежно лишал ее общенародной кафедры.

¹ Дело народа. 1917. 8 окт.

² См. там же.

«Необходимо помнить, что мы живем в революционную эпоху, когда события чрезвычайной важности быстро следуют одно за другим и могут наступать совершенно неожиданно. И поэтому никто не может сказать заранее, какую роль уготовила история Совету Республики»¹. ЦК партии эсеров обязанность социалистических партий видел в обеспечении представительства трудовых масс во всех общественных и государственных учреждениях, всюду выступая от их имени и требуя проведения мероприятий, диктуемых положением народа.

Раскол демократии на два враждебных лагеря – крестьянство и передовые слои городского пролетариата – эсеры считали крайне опасным для революции. «Чего достигают большевики своим бойкотом? Они стремятся изолировать часть пролетариата от всей остальной его массы, от всего крестьянства, от всей, вообще, революционной демократии»². На большевиков возлагалась ответственность за смятенное положение в революции различных слоев демократии, разрушение единства революционного фронта. Звучали призывы к сохранению сплоченности демократии, против изоляции пролетариата, способствующей возможному поражению революции.

Вскрывались и анализировались причины происходившего. «У большевиков есть оправдание – вера в скорое пришествие мировой пролетарской революции, первые раскаты которой им уже чудятся даже в империалистической Германии. Мы не менее их полагаем силу революционной демократии в ее международном действии, в ее выступлении в международном масштабе. Но мы не знаем, когда это выступление будет иметь место»³. ЦК партии эсеров считал, что строить тактику сегодняшнего дня на вере в неизбежное наступление мировой революции завтра, могут только фанатики-интеллигенты, измышляющие в своих кабинетах

¹ Дело народа. 1917. 8 окт.

² Там же.

³ Там же.

теории социальных революций, или политические авантюристы.

Эсеры-центристы не причисляли себя ни к тем, ни к другим. В Предпарламенте они намеревались использовать позицию своей партии в интересах рабочего класса, настаивать на проведении закона о передаче земель сельскохозяйственного значения в ведение земельных комитетов, немедленно приступить к организации государственного контроля над промышленностью, способствовать решению проблем фронта и тыла. К числу важнейших причислялся вопрос о внешней политике, приближении демократического и честного мира.

Эсеры продолжали обсуждение созданного учреждения и осмысление очередных задач революционной демократии. Они считали, что с открытием заседаний Временного Совета Российской республики длительный кризис русской революции вступил в новую фазу. Идея временного парламента возникла в спорах о том, кому должна принадлежать власть, как она должна быть сконструирована, перед кем ответственна. Организовавшийся совещательный орган на практике оказался весьма далек от идеала. Однако, признавая противоречия между идеей и ее реализацией, демократы призывались к работе в Предпарламенте сплоченной силой, с определенной программой, чтобы трансформировать его в орган народно-революционного законодательства и контроля. «Для революционной демократии нет иного пути. Она должна превратить Совет Республики в полномочный революционный парламент, сделать его «мозгом нации», ареной великой борьбы и великого труда, центром, где будут сосредоточиваться все коренные запросы народных масс и откуда по всем радиусам – «от Поволжья до Белого моря» и еще дальше – будут расходиться яркие импульсы массового действия»¹.

Основные задачи революционной демократии в Предпарламенте определялись следующим образом: оборона

¹ Дело народа. 1917. 11 окт.

страны, вооруженная самозащита революционного народа от внешней вооруженной силы; проведение революционной внешней политики, проникнутой идеей всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения народов и их мирового демократического союза; планомерная организация народного хозяйства и обусловленной им финансовой политики, использование в революционно-государственных целях всех естественных богатств страны, всего капитала; интенсивное развитие культурно-просветительной работы в ее широком, демократическом значении; разрешение важнейших социальных проблем – обеспечение рабочих условиями нормального материального существования, урегулирование земельных отношений и т. д.; революционно-демократическая внутренняя политика, создание или преобразование самого аппарата управления страной.

Оговаривались условия проведения такой политики. «Представители революционной демократии должны прочно опереться на толщи народных масс, хотя бы это и грозило разрывом с цензовыми элементами. Их задача – не замыкаться в узкие рамки состава Совета Республики, а привлечь к делу спасения страны все необходимые для этого силы, все органы местного самоуправления и все демократические организации. ... При этом Совету Республики придется, быть может, встать перед вопросом о своей собственной реорганизации или о пересоздании верховной власти. Наши товарищи не должны их бояться: слишком крупная ставка – жизнь и смерть революционного народа – поставлена на карту¹.

Существовало понимание, что эти задачи трудно осуществимы и немного времени дано Совету Республики. Однако в революционный период дни приравняются к месяцам. От осуществления текущих задач зависело, соберется ли Учредительное собрание или нет, и сможет ли, собравшись, вести свою работу. Таким образом, в связи с от-

¹ См.: Дело народа. 1917. 12 окт.

крытием Предпарламента, эсеры-центристы видели свою главную задачу в проведении революционно-демократических мероприятий, соответствующих «почетному и тяжелому посту вождей революционной страны».

В.М. Чернов, присматриваясь к работе нового представительного органа, сводившего партии лицом к лицу, отмечал, что никакой реальной коалиции в Предпарламенте не получилось. Первую же речь М.С. Аджемова он назвал «совершенно определенно контрреволюционным выступлением». «О Милюкове я и не говорю, старую березу в дугу не согнешь. Но всего лучше было выступление Струве. ... он первый решился взять быка за рога: с трибуны предпарламента воздал хвалу государственному преступнику, мятежному генералу, чье имя стало символом вооруженного подавления народной стихии, – генералу Корнилову. И почти все цензовики откликнулись на это – шумной овацией»¹.

Чернов сетовал на отсутствие в России вросшего в жизнь прочного, как хроническая болезнь, парламентаризма, вместо которого есть только «предпарламент из папьемаше». Главный теоретик партии социалистов-революционеров давал свой политический прогноз: «Мы еще переживаем революционный период. У нас либо парламент делается органом революции – либо революция пройдет мимо парламента и даже через него; пусть, споткнувшись о него, она разобьется насмерть, но что же делать!»².

Уход из состава правительства военного министра генерала А.И.Верховского, доложившем о положении армии на закрытом заседании двух комиссий Предпарламента, Чернова явно удручал. «Так утрачена правительством единственная величина, нарастающая популярность которой могла бы возместить тающую популярность Керенского. Единственная крупная сила, составляющая приятный контраст с общим фоном безличностей, – отпала ...»³.

¹ Чернов В.М. Перед бурей. Минск. С. 91.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 95.

Чем дальше продолжалась работа Совета Республики, тем острее становился для ЦК эсеров вопрос о его действительности, необходимой для высшего государственного учреждения в период всеобщей разрухи. При всей внешней обстановке деловитости и значения, с докладами министров и образованием целого ряда комиссий по разработке действительно неотложных вопросов, реальные итоги по-прежнему не спешили выходить за пределы резолюций, разделяя их обычную судьбу¹.

В таком же направлении складывались взаимоотношения Предпарламента и Временного правительства. 18 октября 1917г. в газетах было опубликовано письмо председателя Совета Республики Н.Д. Авксентьева с просьбой сообщить Предпарламенту перечень законодательных мероприятий, которые правительство предполагало внести на его рассмотрение. Вопрос о том, почему правительство не сообщило этого раньше, одновременно являлся и запросом о взаимоотношениях между правительством и временным парламентом.

Также 18 октября пресса сообщала, что в заседании Временного правительства проходило обсуждение внесенного министром земледелия С.Л. Масловым, членом партии социалистов-революционеров, законопроекта, регулирующего земельные отношения на местах. При всей важности законопроекта, особенно для политики эсеров, обсуждение его не выносилось за стены министерского кабинета. Эсеры расстраивало, что проведение законопроекта в жизнь затягивалось вновь в то время, когда стихийно разраставшееся аграрное движение на местах взывало к неотложности его проведения. Обсуждение таких вопросов в обстановке, исключавшей участие представителей демократии, вновь поднимало вопрос о задачах временного парламента и линии поведения, способной оправдать его существование.

¹ См.: Дело народа. 1917. 19 окт.

Эсеры-центристы считали, что Предпарламент, как придаток к верховному бюрократическому управлению, вершившему дела помимо него, никакой ценности собой не представлял. Исчезал смысл его существования. Проявившиеся особенности обнаружились еще при формировании Временного Совета, когда общественность была отодвинута на второй план и подчинена правительству. «И сейчас остается единственный выход для Совета Республики – ответственность и законодательная инициатива.

В самом деле, с чем подходим мы к Учредительному собранию? В состоянии полной государственной разрухи и при полном отсутствии выполненной подготовительной работы, от которой Учредительное собрание могло бы исходить в своем великом труде создания новой России. От тех восьми месяцев, что отделяют начало революции до созыва Учредительного собрания, у нас не остается ничего, кроме сознания, что они прожиты. ... И преступно сейчас терять дни, когда надо наверстывать потерянные месяцы»¹. Совет Республики, задуманный как действенная сила, должен был соответствовать своему назначению. Демократы стремились к преодолению бюрократизации верховного управления страной, прохождению законопроектов через Совет Республики, а не изолированному рассмотрению их правительством.

Эсеры считали, что представители демократии в Предпарламенте должны обнаружить свою волю к творчеству, проявлять законодательную инициативу, настойчиво проводить необходимые законопроекты. «Передача земли в ведение земельных комитетов, отмена смертной казни, активная внешняя политика, – все это пока – слова. От представителей демократии в Совете Республики зависит претворить их в дело»².

25 октября газета «Дело народа» сообщила о выступлении большевиков. Эсеры-центристы тогда еще не предполагали масштабности грядущих изменений. Они были

¹ Дело народа. 1917. 19 окт.

² Там же.

весьма довольны, что в результате обсуждения предложений, сделанных накануне А.Ф.Керенским в Совете Республики для борьбы с подготовлявшимся восстанием, прошла резолюция коалиции из меньшевиков, меньшевиков-интернационалистов, группы левых с.-р. и большинства с.-р. фракции. «Мы можем приветствовать в общем эту резолюцию, как доказательство существования здорового революционного инстинкта, обнаруженного группами трудовой демократии, сплотившимися для защиты нового строя. ...

Нас, принципиальных с.-р., должно особенно радовать, что одним из двух центральных требований резолюции является пункт о передаче земель земельным комитетам, т. е. торжественное признание коалицией той аграрной программы, провозглашение и проведение в жизнь которой будут неувядаемой заслугой партии социалистов-революционеров ... «¹.

25 октября 1917г. около часа дня в Мариинский дворец, где заседал Временный Совет Российской республики, явились вооруженные части Измайловского полка, матросы Гвардейского экипажа и команда крейсера «Полярная звезда». Во главе вооруженных частей находились офицеры. Под угрозой расстрела, членам Совета Республики предписывалось прекратить заседания и покинуть Мариинский дворец.

Н.Д. Авксентьев предложил членам Предпарламента принять постановление Совета старейшин, выражавшее решительный протест против насилия, и покинуть зал заседания. Член фракции социалистов-революционеров Гутман выступил с внеочередным заявлением, требуя от Совета Республики продолжения его занятий. Голосованием предложение Гутмана было отклонено при большинстве 58 голосов против 46 и нескольких воздержавшихся². После этого члены временного парламента стали расходиться из Мариинского дворца.

¹ Дело народа. 1917. 25 окт.

² См. там же. 26 окт.

26 октября печатный орган ЦК партии эсеров информировал своих читателей о состоявшемся в Петрограде восстании большевиков, объявлении Временного правительства низложенным. «Социалисты-революционеры не должны приложить своей руки к тому великому преступлению против дела революции, которое совершают большевики. ... Наш долг – мобилизовать все свои силы и стоять на страже дела революции».

Два дня спустя, 28 октября, ЦК партии эсеров сформулировал свою позицию более внятно. Участие в «большевистской демагогии» признавалось неприемлемым, но еще меньше их устраивала перспектива калединского усмирения. «Мы должны немедленно образовать однородное социалистическое министерство – без большевиков и цензовых элементов – с программой:

- 1) ликвидация большевистской авантюры, которая немедленно лопнет, как мыльный пузырь, при первом соприкосновении с суровыми фактами;

- 2) передачи всех земель сельскохозяйственного назначения в ведение земельных комитетов;

- 3) энергичной политики в пользу скорейшего заключения мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов;

- 4) неотложного созыва Учредительного собрания.

Лишь такое правительство имеет шансы предотвратить гражданскую войну, собрать вокруг себя всю трудовую демократию, не ослепленную большевистской демагогией или начинающую прозревать и понимать истинную цену всех большевистских обещаний»¹.

Итак, эсеры-центристы, еще 24–25 октября убежденные в объединении всех групп социал-демократов и социалистов-революционеров, принявших в Предпарламенте совместную резолюцию против притязаний большевизма, постепенно осознавали неоправданность своего оптимизма. Отнюдь не вся трудовая демократия противостояла боль-

¹ Дело народа. 1917. 28 окт.

шевикам. Левые эсеры, взращенные партией социалистов-революционеров, стали ближайшими союзниками партии большевиков.

В.М. Чернов, отстаивавший план создания однородного социалистического правительства, без цензовых элементов, сам во многом способствовал успеху большевистской партии. Как, впрочем, и многие другие вожди революционной демократии. Еще 21 сентября Г.В. Плеханов отмечал: «... чем больше компрометировалась идея коалиции, тем более приближалось торжество Ленина. В настоящее время Ленину остается сделать только несколько шагов, чтобы восторжествовать окончательно.

Я не знаю, догадается ли он поблагодарить т.Церетели, когда будет с триумфом шествовать по широким улицам Петрограда. Вероятно, нет»¹. Не меньшей благодарности, безусловно, был достоин и лидер эсеров-центристов В.М. Чернов.

© Руднева С.Е.

ЭСЕРЫ УРАЛА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Исследователи истории российских политических партий отмечают резкое снижение численности и политической активности эсеров между двумя буржуазно-демократическими революциями². Да, действительно, репрессии со стороны власти, начавшаяся Первая мировая война значительно обескровили политические партии, в том числе и партию социалистов-революционеров. Но работа по восстановлению и укреплению своих организаций ими велась, в част-

¹ Единство. 1917. 21 сент.

² См.: *Катцегович И.С.* История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975; *Нарский И.В.* Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. Ч. 1–2. Челябинск, 1995.

ности и на Урале. Новые архивные данные указывают на то, что, помимо организационной работы, эсеры Урала осуществляли нелегальную борьбу с властью. Особенно активно их политическая деятельность проявлялась в массовых легальных организациях.

Накануне Первой мировой войны сильные эсеровские организации действовали на крупнейших заводах Урала: Мотовилихинском, Ижевском, Воткинском, существовали в Уфе, Перми, Нижнем Тагиле, Лысьве и многих других уральских городах и рабочих поселках.

Организация социалистов-революционеров на Мотовилихинском заводе Пермской губернии была одной из самых сильных и сравнительно многочисленных¹. В первой половине 1914 г. она насчитывала более 50 членов. Рабочие каждого цеха были объединены в кружки, во главе каждого из них стоял наиболее сознательный рабочий. Организация имела свой гектограф, печать «Уральской организации Партии социалистов-революционеров» и свой Устав.

В п. 1 Устава подчеркивалось: «Членом Уральской организации считается всякий принимающий программу Партии, подчиняющийся ее постановлениям и участвующий в одной из местных организаций»². Определение п. 1 Устава совпадало с формулировкой п.1 Устава ПСР, принятого на I съезде партии в 1906 г. В уставе мотовилихинских эсеров перечислялись обязанности руководящего комитета, технической комиссии и членов партии.

Руководящим органом, по Уставу Уральской организации, являлось общее собрание членов организации, на котором вырабатывалась программа действий, улаживались возникающие недоразумения, как между различными организациями, так и между отдельными ее членами. На общем собрании тайным голосованием выбирался руководящий комитет в составе трех человек. В его обязанности входило: а) проведение в жизнь постановлений, как местной организации, так и других партийных организаций (областной, ЦК,

¹ ГАРФ. Ф. ДП, 00. 1914. Д. 9. Ч. 56. Л. Б. Л. 6–6 об., 11–12.

² Там же.

Совета партии и общего партийного съезда), б) организация финансовой и технической комиссии; в) организация кружков, массовок и т. д.

Техническая комиссия занималась печатанием и распространением прокламаций, брошюр, хранением и рассылкой литературы. В Уставе указывалось, что каждый член организации ПСР не только платит членские взносы, но и обязан «распространять партийную литературу, вести устную пропаганду, ознакомлять окружающих с программой и тактикой Партии, призывать к активной борьбе под ее знаменем, деятельно проводить в жизнь все партийные постановления, организовывать кружки, заводить новые связи и т. д.»¹.

В отличие от общепартийного Устава Устав Уральской организации ПСР был более демократичен. В случае разногласий меньшинство на общем собрании имело право апеллировать к окружному и областному комитетам, но при этом «до рассмотрения последними спорного вопроса постановления большинства обязательно для всех членов организации»².

До войны эсеровские организации существовали также на Ижевском и Воткинском заводах Вятской губернии. В Ижевскую организацию ПСР, сформировавшуюся в 1913 г., входили рабочие П.Н. Хохлов, М.Н. Данилов, П.С. Лекомцев, М.И. Дрокин и др. Во главе ее стоял В.И. Прошутин, имеющий связи с Сибирью и С.-Петербургом³.

16 апреля 1914 г. на собрании рабочих Ижевского завода, где обсуждался вопрос о праздновании 1 мая, эсер С.Х. Федосеев роздал 135 программ от имени партии социалистов-революционеров, начинавшихся словами «Кружок Ижевских рабочих самозащиты» и содержащих экономические требования кружка: о повышении заработной платы, о 8-часовом рабочем дне, об отмене штрафов и т. д.⁴. Подго-

¹ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1914. Д.9. Ч.56. Л.Б. Л.6–6об., 11–12.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф.ДП,00. 1913. Д.9. Ч.56. Л.2 – 2 об.; ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1457, б., Л.73.

⁴ ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1457 б. Л. 74.

товленная кружком программа политических призывов не содержала¹.

К 1913 г. сложилась группа социалистов-революционеров на Воткинском заводе. В нее входили И. Левин, члены профсоюза М. Шадрин, Соколов, М. Замараев и др.² Она имела связь с сарапульским эсером

А.В. Ксенократовым, который являлся негласным редактором издающейся в Сарапуле левой газеты «Кама»³.

Осенью 1912 г. эсер А.И. Бовькин организовал в Перми группу социалистов-революционеров, насчитывающую до 20 человек. Она функционировала в форме кружка самообразования, при этом ставила цель: «кроме самообразования, путем легальной работы привлечь возможно большее число участников, приобрести взносами материальные средства и создать партийную типографию»⁴.

В отличие от названных эсеровских организаций, членами Уфимской организации были в основном учащиеся Землемерного училища, Учительского института и Духовной семинарии. Уфимская организация социалистов-революционеров имела свой Устав. Осенью 1914 г. из-за параграфа Устава, согласно которому местный коллектив должен был подчиняться всем директивам ЦК, в организации произошел раскол. Против этого пункта «восстал» Яков Севастьянов, вероятно посчитавший, что не все директивы ЦК являются правильными и выполнимыми на местах и что такая постановка вопроса ведет к ограничению самостоятельности. Я.Севастьянова поддержали В. Красноперов, Иван Толстов (Николаев), Лидия Данилова и др. Они вышли из состава организации. Остались в ней Н. Шмелев,

П. Никаноров, К. Сперанский, не поддержавшие своих товарищей⁵.

¹ ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1503. Л.53.

² ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1356. Л.9.

³ ГАКО. Ф.714. Оп.1. Д.1503. Л.4 – 4 об.

⁴ ГАПО. Ф.161. Оп.2. Д.167. Л.156 – 157.

⁵ ГАРФ. Ф.ДП.00. 1914. Д.9. Ч.86. Л.Б. Л.13 – 13 об.

О существовании эсеровской организации в Нижнем Тагиле до войны свидетельствует следующий факт: во время обыска 8 февраля 1914 г. на квартире горнозаводского техника Н.К. Алексеева были найдены: 4 талонные книжки для сбора денег на Нижнетагильскую окружную организацию партии социалистов-революционеров, постановление Кушвинской группы социалистов-революционеров, революционная переписка, отчет по кассе Кушвинской организации партии социалистов-революционеров¹. Нижний Тагил был центром окружной организации социалистов-революционеров, которая объединяла несколько групп и, в частности, Кушвинскую группу эсеров.

Одним из фактов, подтверждающих существование на Лысьвенском заводе Пермской губернии организации социалистов-революционеров, является сообщение охранки (март 1913 г.): «до настоящего времени сохранилась партия социалистов-революционеров, которая имеет ответвления в прилегающих к заводу селах», а кроме того, сведения об издании и распространении гектографированной газеты «Лысьвянин»².

Империалистическая война на время ослабила деятельность эсеров. Многие партийные организации были разгромлены или ослаблены в результате арестов и призывов в армию. Однако вскоре волна патриотизма, подогреваемого правительством, начала спадать, и рабочие, крестьяне стали проявлять все усиливающееся недовольство поражениями армии и ухудшающимся положением с продовольствием.

Работа по восстановлению партийных организаций началась уральскими эсерами уже осенью 1914 г. В сентябре-октябре 1914 г. В.М. Астапов, «известный социалист-революционер», работающий машинистом на прессовальне в Мензелинском уезде Уфимской губернии, часто приезжал в Воткинский завод. На заводе он вел пропаганду о необходимости создания организации эсеров, говорил о том, что в Вятке социалисты-революционеры организовались и уже начали

¹ ЦДНИСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 285. Л. 23.

² ГАРФ. Ф. ДП, 00. 1913. Д.9. Ч.56. Л.4; ГАПО. Ф. 229. Оп. 2. Д. 12. Л. 4 – 4 об.

свою работу¹. Действительно, вяткинские эсеры, воссоздав свою организацию, установили связь с центром. В ноябре 1914 г. в Вятке был задержан охранкой конверт из Москвы, адресованный в редакцию «Вятская речь», с двумя прокламациями: 1) «Программа партии социалистов-революционеров» с пометкой внизу «Издание Харьковской организации Партии социалистов-революционеров. Октябрь 1914 г.» (Программа была утверждена Съездом партии в январе 1906 г.); 2) прокламация под названием «На очереди» с эпиграфом «Побежден лишь тот, кто признает себя побежденным» и с пометкой «Московская группа социалистов-революционеров. Октябрь 1914 г.». В прокламации говорилось о том, что «пришел час работать над воссозданием партии социалистов-революционеров, которая использует подъем духа для ниспровержения существующего в России государственного строя, подняв после освобождения от натиска германцев знамя революции с лозунгом «Земля и воля»»².

На учете у царской охраны в январе 1917 г. было 46 эсеров, работающих на Воткинском заводе. На Ижевском заводе трудилось в это время 57 человек, принадлежащих к партии социалистов-революционеров и находящихся под надзором охраны. В самом уездном центре Сарапуле (именно в этот уезд входили данные заводы) проживало 20 эсеров. Таким образом, только в одном Сарапульском уезде Вятской губернии накануне Февральской революции на учете охраны находилось 125 эсеров³.

В 1915 г. наряду с большевистскими организациями восстанавливаются эсеровские организации в Екатеринбурге и в Перми; в 1916 г. – эсеровская группа на Лысьвенском за-

¹ См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1971. Т. 1. С. 209–210.

² ГАРФ. Ф. ДП, 00. 1914. Д. 9. Ч. 17. Л. А. Л. 1; ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. Д. 497. Л. 113.

³ ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1688. Л. 22–27.

воде. Во время войны функционируют эсеровские организации в Шадринске и Шадринском уезде, Златоусте¹.

Состав эсеровских организаций был преимущественно рабочим. В то же время эсеры, исходя из своих программных положений, стремились вовлечь в свои ряды трудовое крестьянство и революционно-социалистическую интеллигенцию. Наличие организаций, хотя и небольших по численности, позволяло эсерам вести революционную работу в массах, сочетая легальные и нелегальные формы борьбы с существующим строем.

© Габдулхаков Р.Б.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ВЛАСТИ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX в. все более отчетливо проявлялись экономические, социальные, политические предпосылки падения монархического строя России. Значительная часть общества спокойно и даже равнодушно воспринимала надвигавшийся кризис самодержавной власти. Возрастала массовая оппозиционность к этой власти, не способной решать внутренние и внешнеполитические задачи, поставленные новым временем.

Существует разное мнение историков по вопросу падения российской монархии, вылившееся в научный спор. Одни утверждают, что в России, раздираемой социально-экономическими противоречиями, государственные реформы не имели бы успеха и все начинания в этом плане были оттеснены демократическим движением масс, имевших свое представление об обществе и государстве. Они считают революцию в стране неизбежной, а реформистскую альтернативу не

¹ ГАРФ. Ф. ДП, 00. 1915. Д. 167. Ч. 56. Л. 4 об.; ЦДНИСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 43. Л. 122 об.; ЦДНИСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 169. Л. 8–9; ЦДНИЧО. Ф. 526. Оп. 2. Д. 288. Л. 10 об.

осуществимой¹. Другие, напротив, убеждены, что реформаторский путь был возможен, но не осуществлен из-за ограниченности взглядов и действий императора и правящих кругов. Элита российской империи оказалась неспособной реформировать политическую систему в условиях модернизации страны и начала мощных революционных потрясений.

Не без оснований в научных работах последних лет говорится об отсутствии ряда условий, без которых правительственные реформы «не воспринимались различными группами населения как необходимые и желательные, . . . оказались социально неэффективными и привели к усилению социальной напряженности в стране»². Обострилась проблема взаимоотношений общества и власти.

С наступлением нового века стало заметным усиление политических течений в России и стремление различных слоев общества к объединению в политические партии и союзы. Менялось общественное сознание, росли конституционные и революционные настроения. В обществе явно увеличилась социальная напряженность, накалялась конфронтация либеральных и радикальных сил с консерватизмом.

В первые два десятилетия противостояние между обществом и властью не прекращалось. В этих условиях, как справедливо отмечается в исторических исследованиях, каждое течение – консерватизм, либерализм и социализм «правомерно рассматривать в нескольких ипостасях: как стиль мышления; как систему духовных, в том числе моральных и нравственных ценностей; как направление социально-политической мысли; как образ социально-политической деятельности; как тип и разновидность реальной исторической практики»³.

¹ См.: *Леонов С.В.* Октябрьская революция и демократия в России / Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 14.

² *Лубский А.В.* Российская государственность в начале XX века: кризис легитимации. / Россия XIX – начала XX века. Ростов н/Д., 1997. С. 91.

³ *Журавлева Л.К., Журавлев В.В.* Общественно-политические движения в России: конфликт истории и современности / Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001. С. 97.

Общественные движения разных направлений отразились на создании и деятельности массовых организаций в первые годы XX в. В 1905 г. появились профессиональные организации рабочих. В области Войска Донского к лету 1907 г. насчитывалось 28 профсоюзов, которые создавались легально и нелегально, поскольку владельцы предприятий и власти препятствовали объединению рабочих. В это время в России в целом было зарегистрировано 1170 легальных и нелегальных профсоюзов. На Дону они сформировались в крупных промышленных центрах: Ростове – 13, Таганроге – 5, Новочеркасске – 5. Такие союзы возникли на рудниках и шахтах, объединявшие горнорабочих¹.

В профсоюзы первоначально входило от 50 до 400 членов, затем их число увеличивалось. Такие как союз железнодорожников включали в свой состав 24 тыс. рабочих и служащих не только ростовских железнодорожных мастерских, но и всей Владикавказской дороги. Наиболее крупными профессиональными объединениями были ростовские металлисты, табачники, деревообделочники, таганрогские металлурги, кожевники, шахтеры рудников. В свои союзы объединились и небольшие коллективы: портные, портовые грузчики, мельничные рабочие, печатники и др.

Задачей профсоюзов являлось решение экономических и социальных проблем рабочих и служащих, их воспитание. Но профсоюзы все более втягивались в политическую борьбу, за что сразу же подверглись гонениям со стороны властей. В марте 1906 г. российское правительство издало «Временные правила об обществах и союзах», установившие ограничения в создании и деятельности профсоюзов. Таким образом, профессиональные организации только возникли и сразу же вступили в противоречивые отношения с местной и центральной властью. К тому же рабочие союзы притесняли и хозяева.

За беспартийные профессиональные организации повели борьбу социалисты разных политических течений.

¹ См.: Профессиональные союзы рабочих России 1905 – февраль 1917 гг. Перечень организаций. Ч. 1. М., 1985. С. 9, 88–95.

IV (объединительный) съезд РСДРП, проходивший в апреле-мае 1906 г., призвал низовые партийные группы оказывать содействие рабочим в организации профсоюзов. Вместе с этим съезд признал профсоюзы как беспартийные организации, нейтральные по отношению к партии. Однако такой точки зрения придерживались умеренные социалисты (меньшевики), леворадикалы (большевики) стремились завоевать идейное руководство в рабочих организациях и вели борьбу с нейтральностью.

Спад революционного движения с 1907 г. привел к сокращению числа профсоюзов. В городах области Войска Донского, где управленческий порядок был жестче, чем в других губерниях, 8 союзов были закрыты и регистрация новых резко ограничивалась. Легально существовало 20 профсоюзов¹. Хотя департамент полиции предписывал местным властям строго следить за составом профсоюзов и не допускать связей между профсоюзами и социал-демократической партией, профорганизации находились под нелегальным руководством социал-демократов. Активную работу в них вели и эсеры.

Для оформления легального существования профсоюза требовалось учредителям (3-5 рабочих инициаторов) подать заявление старшему фабричному инспектору Донской области, который рассматривал его с точки зрения соответствия «Временным правилам о профессиональных обществах», давал свое заключение и далее направлял просьбу рабочих атаману войска и в «Областное Войска Донского по городским делам присутствие». «Присутствие» разрешало или запрещало под каким-нибудь предлогом регистрацию общества. В проекте устава обязательно первым пунктом указывалась цель создания профсоюза, определялся способ его деятельности. Например, «Общество имеет целью объединить рабочих печатного дела для выяснения своих экономических нужд,

¹ См.: История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 г. Ростов н/Д., 2001. С. 388.

улучшения условий труда своих членов и содействия их умственному и нравственному развитию»¹.

Профсоюзы выясняли размеры заработной платы и условий труда в области данной профессии, выдавали пособия своим членам в случаях болезни, утраты трудоспособности, престарелости и в случае смерти их семьям. В тяжелой послереволюционной обстановке профсоюзы Дона вели работу по трудоустройству, повышению заработка, оказанию медицинской помощи членам союза и их семьям, безработным, занимались организацией культурно-воспитательных мероприятий. Они добивались разрешения на организацию библиотек, читален, публичных лекций, чтений, курсов, проведения собеседований с общеобразовательной целью и для выяснения вопросов, связанных с профессиональными интересами. «Присутствие» разрешило включить в устав такой пункт, но без слов «публичных лекций, чтений курсов»².

Профессиональное движение было связано с движением всего рабочего класса. Профсоюзы участвовали в создании рабочих кооперативов, культурно-просветительных обществ, обществ взаимопомощи, трезвости и др.

В связи с трудностями регистрации рабочих союзов в 1907–1912 гг. несколько донских профессиональных организаций существовали нелегально. Так, ростовский профсоюз деревообделочников, работавший тайно, только в 1910 г. добился регистрации³. Но поскольку члены союза принимали активное участие в забастовках и союз выступил организатором в выработке экономических требований рабочих бильярдной фабрики, то власти снова поставили вопрос о его закрытии⁴.

Отстаивая рабочие требования, профсоюзы часто вступали в конфликты с фабричной инспекцией, присутствием по городским делам и казачьими властями. Что касается шах-

¹ ГАРО (Государственный архив Ростовской области). Ф. 685. Оп. 1. Д. 429. Л. 1–2.

² ГАРО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 404. Л. 73.

³ Профсоюзы на Дону. Ростов н/Д., 1923. С. 12.

⁴ ГАРО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–3.

терских профсоюзов, то они еще чаще находились в конфликтных отношениях с горной инспекцией и войсковым атаманом. Рассматривая почти все демократические общества рабочих и служащих, под каким бы названием они не предлагались организаторами, властные структуры сдерживали их, затягивали регистрацию или вовсе отказывали в ней. Названия обществ были разными и властям становилось труднее предъявлять претензии к учредителям и отказывать в легальном существовании народных объединений.

В годы оживления массового движения появились такие общества, как «народных развлечений при Сулинском металлургическом заводе», «Донское горно-техническое» в Александровск-Грушевске, таганрогский яхт-клуб для плавания на парусных, моторных и гребных судах; появились другие спортивные общества, музыкальные и литературные. Но главное их значение для широких масс заключалось в праве объединяться, устраивать соревнования, вечера, беседы.

В архивном фонде «Областного Войска Донского по городским делам присутствия» хранится довольно много дел об усилении профессионального и общенародного движения в предвоенные годы, свидетельствующих о нежелании рабочих иметь в своих организациях, и тем более в правлениях, представителей администрации¹.

Активное участие в массовом движении принимали женщины-работницы, служащие, учащиеся. Они вступали в профессиональные союзы и различные общества, политические партии вместе с мужчинами. Отдельные женские объединения создавались для прачек и домашней прислуги, но они не регистрировались как профсоюзы и существовали на правах обществ взаимопомощи. Значительное количество женщин ходили на курсы по домоводству, воспитанию детей, где велись беседы на разные интересующие их темы. Эти организации посещали женщины-члены подпольных социал-демократических ячеек и групп. К их числу относилась Е.Я. Куранова, работавшая на бумажной фабрике Ростова,

¹ ГАРО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 433. Л. 4; Д. 423. Л. 2; Д. 425. Л. 3; Д. 472. Л. 1, 13.

куда полиция свозила конфискованную литературу, служившую для социал-демократов пропагандистским материалом. Работница табачной фабрики П.И. Бавленцева распространяла газеты, которые местные власти считали запрещенными. В Таганроге работу с массами вели члены социал-демократической организации Е. Волошина, Зоя Стрибуль и др.¹.

В демократическое движение начала века втягивалась и учащаяся молодежь. Появившиеся в 1902 г. нелегальные кружки учащихся в гимназии и училищах при содействии ростовских социал-демократов объединились в «Южнорусскую группу учащихся средних школ». В группе вели работу С. Бричкина, А. Скрынников и др. Первый съезд этой группы дал наметки программы их деятельности и обратился с воззванием к учащимся, в котором говорилось о борьбе народа с самодержавной властью: «Движение разрастается вширь и вглубь, захватывая все новые слои общества (крестьянство, студенчество, земство). Не могли ему остаться чуждыми и мы, учащиеся средних школ»². «Южнорусская группа» выпускала листовки, призывавшие к участию в демократическом движении, и распространяла их в 11 городах Юга страны. Это тревожило местные власти, усиливавшие надзор за учебными заведениями.

Общественные организации имели разные формы и создавались для решения социальных и экономических задач. Они вступали во взаимоотношения с органами власти. В предвоенные годы на Дону развернулось страховое движение масс. 23 июня 1912 г. появился новый закон о страховании рабочих, по которому страховались не все, а только часть наемных работников и только в случаях болезни и увечья. Работавшие на предприятиях и в учреждениях, недовольные этим законом, предъявляли требования не только местной власти, но и царскому правительству, обращались к социал-демократическим депутатам Думы. Они добивались введения страхования во всех случаях: безработицы, по старости,

¹ Сквозь ветры века. Ростов н/Д., 1988. С. 73, 75, 88.

² История Дона. Ростов н/Д., 1974. С. 112.

вдовства, сиротства. Однако ограниченный страховой закон все же вводился в жизнь, и большая масса людей труда фактически до начала войны находилась в состоянии противоборства с властями.

По закону создавались больничные кассы как страховые организации. Рабочие и служащие стремились не допустить в руководство ими представителей хозяев и городских властных учреждений. Рабочим не разрешалось проводить собрания и обсуждать закон. Но они это делали явочным порядком, решительно ставили вопрос о распространении страхования на все 13 млн, а не только на 2,5 млн наемных рабочих страны.

В борьбу за страховые организации вступили не только рабочие и служащие крупных фабрик и заводов Донской области, но и трудившиеся мелких предприятий и ремесленных мастерских. Так, портные Ростова на собрании приняли резолюцию и направили ее депутатам Думы: «Не возлагая никаких надежд на IV Государственную думу, мы все-таки предлагаем социал-демократической фракции внести наш рабочий законопроект, дабы с трибуны Государственной думы раздались по всей России рабочие требования и таким образом ознакомились с ними широкие рабочие массы»¹.

В 1913 г., несмотря на запреты владельцев, полиции и фабричных инспекторов, на ростовских, таганрогских предприятиях и рудниках прошли бурные рабочие собрания по проблемам страхования, обсуждению уставов больничных касс. В знак протеста против полицейских притеснений и арестов уполномоченных страховиков были объявлены страховые стачки.

Преодолевая все препятствия, рабочие использовали страховой закон в создании больничных касс для защиты своих интересов. К лету 1914 г. по сведениям фабричной и горной инспекций в области была открыта 81 касса, охватывавшая более 90 тыс. членов². Далее велась работа по укруп-

¹ Правда. 1913. 31 марта.

² ГАРО. Ф. 455. Оп. 3. Д. 417. Л. 2–47.

нению их, объединению отрядов работников нескольких профессий, что усиливало страховое движение.

Демократические организации вступали во взаимоотношения с властью не только по экономическим и социальным вопросам, как было разрешено уставами. Они активно обсуждали внутренние и внешние политические проблемы. Крупные профессиональные и страховые организации донских металлургов, металлистов, железнодорожников, табачников, шахтеров в 1912–1914 гг. вели работу против надвигавшейся мировой империалистической войны из-за захвата чужих территорий. На эти организации оказывали влияние партии социалистов и каждая в своем идейном направлении.

Несмотря на резкие ограничения властными органами деятельности массовых объединений трудящихся, обсуждение вопросов роста военной промышленности, милитаризации многих отраслей народного хозяйства и гонки вооружений, не прекращалось. Хотя в массовых организациях было немало сторонников войны, идущих вслед за кадетами, большинство же выступало против планов милитаристской буржуазии и правительства. На предприятиях Дона распространялась речь кадетского лидера П.Н. Милюкова, призывавшая весь народ, независимо от имеющихся противоречий с властью, направить усилия на одоление внешнего врага – австро-германского блока: «В этой борьбе мы едины; мы не ставим условий, мы ничего не требуем. Мы просто кладем на весы нашу твердую волю победы»¹.

В поддержку лозунгов «Все для войны! Все для победы!» выступило руководство профсоюзов сельскохозяйственных машин «Акса́й», Нитнера, табачных фабрик, печатников и др. Леворадикальной ориентации придерживались союзы и страховые объединения многих рудников и шахт, железнодорожников, металлургов. Они вели антивоенную работу в среде рабочих и других слоях населения. На предприятиях области распространялась антивоенная листовка Петроградского комитета РСДРП, призывавшая не сражаться

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 395.

за чужие интересы и не поддаваться на уговоры, не забывать свое дело, не забывать, «что наш враг – русское самодержавное правительство».

Среди социалистов не было единства взглядов на характер надвинувшейся войны и отношение к ней было разным. Это не могло не сказаться на действиях демократических беспартийных организаций, за которые вели борьбу политические партии. В составе этих организаций находились члены разных партий. Основная масса трудящихся заявляла: «Мы не хотим войны». Однако война началась.

В первые дни мобилизации рабочих на фронт в Ростове, Таганроге, рудниках прошли антивоенные митинги с резкими протестами против политики правительства и поведения местных властей. Для разгона массовых скоплений шахтеров применялась сила. На помощь полиции прибыли воинские части. В собравшийся народ в Макеевке стреляла сотня казаков. Были убиты 13 человек и 17 ранены¹. В знак протеста на многих фабриках и заводах Дона начались антивоенные забастовки с решительным осуждением местной власти. После этих событий 24 июля 1914 г. царь объявил Донскую область на военном положении, но антивоенные настроения нельзя было подавить силой.

В условиях начавшейся войны власти усилили репрессии по отношению к общественным организациям. Часть их была закрыта, некоторые работали полулегально или легально. И все же профсоюзы металлистов, кожевников, деревообделочников, портных, шахтеров продолжали работу в трудной военной обстановке, когда за неповиновение отправляли на фронт или в тюрьмы. В Ростове был создан женский клуб во главе с работницами М.И. Янсон, А.В. Симоновой. Больничные кассы работали, хотя 6 тоже были закрыты за настоячивые социальные требования во время войны. В сложных условиях шел процесс объединения больничных касс в более крупные. В 1915 г. в области их насчитывалось 36. В Ростове существовали 2 крупные кассы.

¹ ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 342. Л. 67; Оп. 2. Д. 466. Л. 186.

Массовые организации в военное время призывали рабочих и служащих к забастовочной борьбе за улучшение экономического и правового положения народа, испытывавшего все бедствия. Значительная часть их поддерживала противоправительственные выступления леворадикалов. Но и при этом в некоторых организациях рабочие считали нужным увеличивать производство снарядов, добычу угля, обеспечивать фронт всем необходимым до победного конца войны. Сказывалось влияние идей либералов, умеренных социалистов на решениях правлений беспартийных организаций. Однако и либералы, начиная с лета 1915 г., отчасти пересмотрели свои позиции и стали критиковать деятельность царского правительства.

В декабре 1916 г. распространялось обращение Ростово-Нахичеван-ского комитета РСДРП к рабочим и работницам с призывом готовиться к выходу на улицы для борьбы с самодержавием и буржуазией, которые пытаются уничтожить самостоятельность и самосознание в народе: «Но не спасут их казармы с тюрьмами и цепями, не скуют они народный гнев и негодование ... Уже близится час расплаты ...»¹. Война обострила противоречия в обществе и привела к падению империи. Самодержавная форма власти изжила себя. Она не допускала парламентарных форм правления, не проявила политической гибкости в управлении страной и регионами. Поражение в войне ускорило распад российской государственности. В феврале 1917 г. пала самодержавная монархия.

К этому времени государство и общество находились в состоянии глубокого кризиса, требовалась перестройка системы управления и всей общественно-политической структуры в стране и области. Власть утратила духовно-нравственный авторитет, резко не соответствовала интересам почти всех социальных групп населения. В донском казачьем крае сложилась напряженная социально-политическая обстановка. Налицо был конфликт власти и общества.

¹ ГАРО. Коллекция листовок. № 100.

Демократические организации выражали ценностные ориентации масс и приняли активное участие в устройстве новых властных структур, процессе формирования демократического общества. В условиях объявленных политических свобод число массовых организаций за первые два послереволюционных месяца возросло. Беспрепятственно регистрировались новые профсоюзы, фабрично-заводские комитеты и другие общества, увеличивалось количество их членов. В Ростове насчитывался 21 профсоюз, в Таганроге – 10, в Новочеркасске – 7, в Азове – 8¹. По учету фабрично-заводской инспекции, в итоге по области значилось 46 профсоюзов, ранее существовавших и вновь зарегистрированных. Кроме того, десятки профсоюзов работали на рудниках и шахтах, относящихся к ведению горной инспекции.

Весной и летом 1917 г. профсоюзы провели несколько акций протеста против предпринимателей, не уступавших социально-экономическим требованиям рабочих и служащих и, прежде всего, введению 8-ми часового рабочего дня. Они участвовали в общественно-политической жизни региона, послали своих представителей в местные Советы рабочих и солдатских депутатов. Около 100 депутатов от массовых организаций и, главным образом, от профессиональных союзов, вошли в состав Советов – представительных общественных организаций, боровшихся за власть. Из этого числа 30 депутатов Советов были направлены в Общественный исполнительный комитет Ростова, сформированный как орган, располагавший функциями исполнительной власти².

Буржуазные гражданские комитеты в революционной обстановке полевели, объединились с представителями демократических организаций в составе Общественного комитета, передали руководящую роль в комитете социалистам (меньшевикам и эсерам), но стремились обеспечивать свой порядок. Донская буржуазия поддерживала Временное правительство в продолжении войны, что противоречило интересам народа. Демократические организации заняли позицию

¹ ГАРО. Ф. 151. Оп. 3. Д. 204. Л. 2.

² См.: Ростовская речь. 1917. 9–10 марта.

противостояния и с новой властью в центре и на местах. Они решительно противодействовали реализации объявленного займа для продолжения войны. Назрел апрельский политический кризис Временного правительства, охвативший и донские структуры власти.

По-прежнему женщины-работницы активно участвовали в демократическом движении, отстаивали свои экономические и политические права, входили в политические партии. Они работали в составе Общественных исполкомов и Советов городов области. Женщины Новочеркасска и Сулина создали свои союзы, организующие библиотеки, лекции, клубы, вечерние образовательные курсы и т. д. Женские организации вели борьбу за охрану материнства и детства. Эта работа активизировалась после решений III Всероссийской конференции профсоюзов, обсудившей вопрос «Профсоюзы и женский труд» в июле 1917 г.

Страховое движение рабочих масс после победы революции приумножило свои ряды. Больничные (страховые) кассы являлись центрами организационной и воспитательной работы с массами. Они объединялись в крупные территориальные кассы по районам или в целом по городам Донской области. Так, все страховые учреждения Ростова и Нахичевани-на-Дону к лету создали одну общегородскую кассу «Надежда». Эти демократические организации требовали от властей всех уровней введения полного социального страхования всех видов наемного труда и для всех видов потерь трудоспособности. Вместе со всем демократическим движением страховые учреждения выступали против ведения войны.

Рабочая и учащаяся молодежь и в это время создавала свои кружки и группы. В новых условиях молодые люди разных сословий объединились и создали Временный комитет молодежной организации и подготовили проект устава Союза молодежи Ростова. В инициативную группу по оформлению Союза вошли рабочие И. Горохов, С. Зубов, студент университета Г. Толмачев, гимназист В. Дунаевский, ученик реального училища В. Толмачев. Профсоюзы и фабзавкомы поддерживали молодежь. Один из завкомов прислал Союзу мо-

лодежи список молодых рабочих, направленных в Союз. При этом в письме говорилось, что рабочие «горячо приветствуют комитет Союза молодежи, предвидя его благородные цели подготовки достойных граждан свободной России. Поэтому мы, рабочие, через свой заводской комитет обещаем поддерживать эту организацию как морально, так и материально»¹.

В июле Союз молодежи оформился и к осени насчитывал в своих рядах свыше 500 человек. Учащаяся и работающая молодежь требовала введения 8-часового дня труда (6-ти часового для подростков), повышения заработной платы, всеобщего образования для детей до 16-летнего возраста. Союз участвовал в рабочих забастовках и митингах².

Общественные организации по своему социальному составу были разными. Они объединяли массу рабочих и служащих, часть средних слоев населения и интеллигенции. Будучи беспартийными, профсоюзные, женские, молодежные, страховые и другие организации имели в своих рядах представителей политических партий и находились, таким образом, под влиянием социалистических партий разных направлений.

Массовые объединения людей труда, разнообразные формы союзов и обществ сыграли большую роль в сплочении трудящихся, их воспитании и борьбе за экономические и политические права граждан с самодержавной властью. Почти постоянно профсоюзы и общества, предъявлявшие требования, находились в состоянии конфликта с властными органами. Демократические организации пытались снять остроту конфликтов, решить социальные и политические проблемы без применения силы со стороны властей.

После Февральской революции массовые организации Дона активно участвовали в политическом движении. Лишь на короткое весеннее время общественность вступила во взаимодействие с новой демократической властью пока шли выборы управленческих структур, формирование их составов

¹ Революцией призванные. Ростов н/Д., 1977. С. 34.

² Борьба за власть Советов на Дону. Сб. док. Ростов н/Д., 1957. С. 123.

и определение принципов деятельности. Летом и осенью снова наступило противостояние избранных Общественных исполкомов и Советов с государственной местной властью. Наметились альтернативные пути решения острых вопросов: реформы сверху или революционная смена власти снова выдвинувшаяся на передний план. Властная система Временного правительства как в центре, так и на местах была неэффективной и ее деятельность не отвечала интересам основной части населения.

© Трусова Е.М.

СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ МОРДОВИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК

Ученикам всегда в той или иной работе важна поддержка Учителя, причем не авторитетом, а указанием дороги, которой стоит следовать.

При написании кандидатской диссертации о деятельности эсеровских организаций на современной территории Мордовии мне во многом помогли работы Кирилла Владимировича Гусева: «Партия эсеров: от мелкобуржуазной революции к контрреволюции», «Крах мелкобуржуазных партий в СССР», «От соглашательства и контрреволюции: очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров (в соавторстве с Х.А. Ерицян)», «Рыцари террора», «Виктор Чернов (штрихи к портрету)» и т. д.

Именно труды К.В.Гусева во многом определили подходы при написании и других моих работ.

Перефразируя известное изречение В.И. Ленина, можно сказать, что любое государство только тогда чего-нибудь стоит, если оно умеет защищаться. Защита устоев самодержавия от деятельности революционных партий в условиях усиливающегося раздражения малоимущих слоев населения требовала очень высокой организации соответствующих карательных органов. Следует отметить, что Отдельный корпус

жандармов, призванный бороться с противниками правящего режима, практически на всем протяжении дооктябрьского периода в значительной мере соответствовал своему предназначению.

По воспоминаниям видного деятеля политического сыска А. Спиридовича, перевестись полицейским или военным чином в корпус жандармов было очень трудно. Отбор офицеров был настолько строг, желающих было так много, что без протекции попасть на жандармские курсы было практически невозможно¹.

Агентурные сведения, данные наружного наблюдения и перлюстрация (негласный просмотр корреспонденции) являлись тремя главными источниками осведомления политической полиции. После обысков и арестов сведения эти пополнялись их результатами и показаниями арестованных.

Очень успешно работала внутренняя агентура, т. е. члены революционных организаций, которые по тем или иным причинам давали политической полиции сведения о деятельности своих организаций и отдельных их членов. Они назывались секретными сотрудниками («сексотами»), у своих же шли под именем провокаторов.

Не все они числились на службе в отделении, значились по платежным ведомостям. Не жандармы создавали азефов, малиновских и им подобных, вводя их как агентов в революционную среду. Их формировала сама революционная среда. «Переубеждать и уговаривать арестованных революционеров приходилось редко: предложений услуг было больше, чем спроса...»².

Фактически все дела, связанные с революционной деятельностью, строились на доносах различных должностных лиц (сельский староста, чины волостного правления и т. д.) и рядовых обывателей, движимых различными мотивами (от заслуживающей уважения обычной преданности самодержавию до корыстных устремлений выслужиться перед начальством).

¹ См.: *Спиридович А.* Записки жандарма. М., 1930. С. 30.

² Там же. С. 5.

Эти доносы подкреплялись свидетельскими показаниями привлеченных к дознанию; как правило, в группе всегда находилось одно или несколько лиц, наиболее «чистосердечно» раскаившихся в содеянном и спешащих как можно полнее информировать власти о случившемся. За смягчение наказания или освобождение от него этот «революционер» доносил не только на своих вчерашних товарищей, но и «стукал» по широкому кругу вопросов. Кроме того, по наущению полиции он был вынужден провоцировать подозреваемых на те или иные противоправные действия. Когда «компромат» скапливалось достаточное количество, жандармы решали, дать ли делу ход, что сулило различные должностные поощрения, либо завербовать еще одного «сексота». Таким образом, порочный круг предательства все больше расширялся, вовлекая в свою орбиту новые и новые жертвы. Причин, приводивших людей к сотрудничеству с политическим сыском, было много, но мотивы чаще всего были корыстными: лишь единицы шли на это, движимые любовью к «профессии» или преданностью монархии.

Принципы работы жандармерии, описанные А. Спиридовичем, и его оценка готовности членов революционных групп сотрудничать с «синими мундирами» в полной мере соответствует революционной практике эсеров Мордовии. Можно с уверенностью сказать, что работа наиболее деятельных эсеровских организаций здесь проходила под бдительным присмотром жандармерии и ее секретных агентов, наблюдавших изнутри или на близком расстоянии практически за каждым шагом революционно настроенных элементов.

Первая же сложившаяся эсеровская группа при мельнице Мальшева в с. Куликовка Инсарского уезда Пензенской губернии (период активной работы – ноябрь 1902 – март 1903 г.) послужила учебным полигоном для отработки методов проникновения полиции в нелегальные организации. Вопреки мнению А. Спиридовича здесь была предпринята неудачная попытка внедрения в группу полицейского чина: урядник Бормотов, присланный Тамбовским губернским жандармским управлением, пытался трудоустроиться на

мельницу и шумно выражал свою революционность, но, разоблаченный членами группы, в целях личной безопасности быстро отбыл по месту службы¹. После этого жандармы пошли по наиболее распространенному пути – привлечению к сотрудничеству попавших в поле зрения членов группы, что вскоре и принесло плоды. В начале 1903 г. инсарский уездный исправник запрашивал у пензенского губернатора на денежные расходы 30 рублей. Он докладывал, что содержит при пожарном дворе бывшего служащего при мельнице Малышева Серафима Шварева (бывшего до сотрудничества с полицией одним из активных распространителей нелегальных изданий в группе), кроме того «крестьянин д. Парц Никонор Никитин (считавшийся в этом населенном пункте самым большим смутьяном – *И.К.*) дал немало полезных сведений по делу Малышева и Калинина и поныне продолжает содействовать в розыске виновных»².

В дальнейшем присутствие в составе эсеровской группы секретного осведомителя стало почти обязательным.

Так, в период первой российской революции в работе ардатовской группы, возглавляемой Михаилом Косолаповым, «деятельное участие» принимал «сексот» по кличке Владимирский. По поручению руководителей группы он распространял нелегальную литературу, участвовал в разработке планов проведения террористических актов, одновременно уточнял распределение обязанностей в организации, ее связи с Казанским и Симбирским комитетами ПСР, источники получения нелегальной литературы, финансов, оружия³. Редактор эсеровской газеты «Самарский курьер» Петр Смирнов (конспиративная кличка «Некормленный»), скрывавшийся от жандармов по селам Ардатовского уезда, попал в зону внимания сотрудника полиции, более того просил Владимирского принять участие в готовящейся экспроприации, чем и ускорил свой арест⁴.

¹ ЦГАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 12. Л. 29.

² ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7462. Л. 39.

³ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 921. Л. 117; Д. 772. Л. 51.

⁴ Там же.

21 октября 1907 года агент полиции крестьянин с.Редкодубье Ардатовского уезда Максим Салыгин, написал письмо руководителю судосевской эсеровской группы Павлу Гусеву с просьбой о привлечении его к революционной деятельности¹. Цель акции – поиск крупной партии оружия, поступившей в распоряжение группы.

Впрочем, «иудин хлеб» доставался непросто. 27 февраля 1907 г. в Симбирске был убит Иван Долгов, по приговору Симбирского комитета ПСР «за шпионство и растрату партийных денег»². В июне 1907 г. в с. Судосево убит местный крестьянин Василий Аринушкин, принадлежавший к боевой дружине группы и не без основания заподозренный в сотрудничестве с полицией³. В октябре 1908 г. был убит крестьянин с. Судосево Павел Чабанов «за его показания по делу об убийстве Аринушкина и содействие с его стороны полиции при поимке бежавшего из Симбирской тюрьмы Подмарева»⁴. Однако меры устрашения не привели к ожидаемому результату: уже в начале 1909 года, как минимум два члена группы, из которых сотрудник Мазанов был наиболее близок к руководству группы, были связаны с жандармами и давали им всю необходимую информацию⁵.

В 1909 г. список лиц, несущих агентную службу, по Краснослободскому уезду составлял 5 человек, по Инсарскому – 7⁶. В 1909–1910 годах по Ардатовскому уезду большой объем информации жандармы получали от агента по кличке Яичник⁷. В 1911 году агент Вольский привел к провалу группы эсеров в г. Саранске и в с. Б.Вьясс Саранского уезда, большинство из которых было арестовано⁸.

¹ ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 776. Л. 281.

² Там же. Д. 725. Л. 2.

³ Там же. Д. 921. Л. 40.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 904. Л. 246–247.

⁶ ГАПО. Ф. 202. Оп. 1. Д. 6. Л. 51.

⁷ ГАУО. Ф. 981. Оп. 1. Д. 851. Л. 32.

⁸ ГАПО. Ф. 802. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–4.

Конечно пребывание в ссылке, на каторге, в тюрьме, иные формы притеснений вносили в жизнь социалистов-революционеров тяжелые, порой трагические тона, но следует признать, что отношение карательных органов самодержавия к противникам государственного строя не выходило за рамки существовавших законов и были порой достаточно либеральными. Так, арестованные за организацию собрания в с. Тавла Саранского уезда эсеры Николай Тутенков и Николай Козлов в ноябре 1905 года, находясь в саранской тюрьме, объявили голодовку, выдвинув требования получения книг, газет, горячей пищи, двухразовых ежедневных прогулок, регулярных свиданий с родными и друзьями, разрешения переписки. Первоначально их запросы были удовлетворены частично, но голодовка продолжалась и требования все были выполнены полностью¹.

После разгрома «Рузаевской республики» (г. Рузаевка в 1905 г. более недели был в руках восставших) арестованных железнодорожников во главе с А.П. Байкузовым должны были отправить в пензенскую тюрьму. При посадке в переполненный общий арестантский вагон с супругой Байкузова стало плохо, и невзирая на слабые протесты казаков и жандармов, арестованные покинули вагон, зашли в зал первого класса вокзала и потребовали доктора. Лишь после того, как больной была оказана необходимая медицинская помощь, найден, подцеплен, к составу, оборудован и протоплен вагон – «теплушка», что задержало отправление поезда на 3 часа, арестанты отправились к месту назначения².

К 1917 г., благодаря усилиям отдельного корпуса жандармов ни партия социалистов-революционеров, ни оба крыла российской социал-демократии не представляли реальной угрозы правящему режиму. Тем не менее Февральская революция привела к падению одной из наиболее старых правящих династий в мире, что на фоне приведенного выше утверждения выглядит несколько парадоксальным. Но здесь

¹ См.: Архив и рукописный фонд НИИЯЛИЭ при Совете министров РМ. И-1274. Л. 23.

² ЦГАРМ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 9. Л. 61.

нет противоречия: карательные органы смогли нейтрализовать революционные партии, но не в их силах было остановить внутреннее разложение самодержавия, обусловленное бездарным правлением безвольного Николая II, военными поражениями в русско-японской и первой мировой войнах, развалом милитаризованной экономики, все более возрастающим недовольством населения существующим положением вещей.

Партия социалистов-революционеров, много сделавшая для пробуждения политической активности самых широких масс, в борьбе с царскими чиновниками потерпела к этому времени серьезное поражение, которое при ином развитии событий могло стать окончательным. Но Февральская революция свершилась, определенное участие в ней приняли и имевшиеся еще партийные силы, но в целом эсеры, как и меньшевики, оказались коллективными «Михаилом Романовым», на голову которого в начале века после долгих лет гонений нежданно-негаданно свалилось бремя власти. Былые заслуги, помноженные на расторопность и оперативность партийных функционеров, находившихся в то время в Петрограде, позволили эсерам и меньшевикам встать во главе Петроградского Совета, рабочих и солдатских депутатов.

Примерно такая же ситуация была и в Мордовии, где к концу марта почти все ключевые посты оказались в руках эсеров. Впереди была бурная осень 1917 г.

© Капитонов И.В.

ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ И БОЛЬШЕВИКИ НА V ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ

Сегодня в условиях складывающейся в стране многопартийности актуальными являются вопросы изучения истории различных партий в России, их социальной основе, программных и тактических установках, их взаимоотношениях, формах и методах применяемой ими политической борьбы. Если советская историография уделяла преимущественное

внимание большевикам, целиком оправдывая их политику, то сегодня предметом исследования становятся и многие другие партии, начиная от крайне правых, кончая всевозможными анархическими группами и группировками.

В широком спектре политических партий, некогда существовавших в стране, особое место принадлежит эсерам, претендовавшим на выражение интересов крестьянства, которое составляло подавляющее большинство населения России. В революционных событиях 1917 г. партия эсеров стала, пожалуй, самой массовой и влиятельной. В основном от взаимоотношения этой партии с большевиками зависела судьба революции в России.

Уже в сентябре 1917 г. в партии эсеров сложилось левое крыло, которое, разделяя в целом ее программные установки, расходилось с нею в понимании тактики достижения целей и задач революции, а именно: проведение в стране аграрной реформы, вопрос об установлении мира, организация власти и пр. По многим позициям это левое крыло сближалось с большевиками, а после взятия последними на вооружение ряда пунктов эсеровской аграрной программы возникли даже благоприятные условия для сотрудничества между левыми эсерами и большевиками. Левые эсеры поддержали большевистский переворот в октябре 1917 г. и установление советской власти. В ноябре того же года левое крыло эсеров выделилось в отдельную партию – партию левых социалистов-революционеров (интернационалистов) – ПЛСР (иногда – ПЛСРИ). После некоторых колебаний левые эсеры вошли в правительственную коалицию с большевиками.

Короткая история этой коалиции в обстановке острейшего политического кризиса, охватившего Россию в революционную эпоху, взаимного противостояния, экстремизма и нетерпимости, весьма поучительна. Кульминационной точкой столкновения двух партий стал состоявшийся в июле 1918 г. V Всероссийский съезд Советов.

Нельзя пожаловаться на отсутствие исторических исследований, в которых так или иначе затрагивается этот съезд. Напротив, их количество весьма велико. Отсюда – оп-

ределенные трудности в оценке степени изученности истории его созыва и проведения, анализа принятых на нем документов. О V съезде Советов писали все, кто занимался изучением становления советской системы, советского государства, советского законодательства, конституционного права и многих других сюжетов, касающихся первых месяцев существования советской власти.

На тему взаимоотношений большевиков и левых эсеров трудов значительно меньше и большинство из них, созданных советской историографией, целиком и полностью оправдывало теорию и практику большевизма как в отношении крестьянства, так и в отношении партии эсеров, как правых, так и левых. Последние изображались главным образом в качестве партии мелкобуржуазной оппозиции, взгляды которой были настолько неверными и вредными, что неминуемо должны были обернуться крахом. Лидеры и вожди партии в отличие от большевиков обычно наделялись отрицательными чертами, а о многих фактах их биографии просто умалчивалось, в том числе и о заслугах перед революционным движением¹. Зачастую просто игнорировался тот факт, что мятеж левых эсеров находился в неразрывной связи с созывом Все-

¹ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1968. Т. 3: Март 1917–1920 г., кн. 2; март 1918–1920 г. *Гусев К.В.* Крах партии левых эсеров М., 1963; *Он же.* Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М., 1966; *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне М., 1968; *Он же.* Крах одной авантюры. М., 1971, *Ионкина Т.Д.* Всероссийские съезды Советов в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1974; *Шестак Ю.И.* Тактика большевиков по отношению к партии левых эсеров и отколовшимися от нее партиями «революционных коммунистов» и «народников-коммунистов». М., 1971; *Он же.* Большевики и левые течения мелкобуржуазной демократии. М., 1974; *Он же.* Банкротство эсеров-максималистов // Вопросы истории. 1977. № 1; Банкротство мелкобуржуазных партий России в 1917–1922. Ч. 1–2. М., 1977; Непролетарские партии в России в 1917 г и в годы Гражданской войны. М., 1980; *Спирина М.В.* Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М., 1987 и др.

российского съезда Советов, с помощью которого эта партия надеялась изменить систему власти в стране.

В качестве типичного примера дискредитации левых эсеров можно назвать работу Д.А. Чугаева¹. Автор, показывая обстановку в стране накануне V съезда Советов, борьбу большевиков за решение продовольственной проблемы, с контрреволюционными заговорами и мятежами, в том числе левых эсеров 6-8 июля 1918 г., стремился всячески занижить степень влияния этой партии, не пренебрегая подтасовкой фактов и цифр. По его мнению, уже до своего вооруженного выступления против большевиков левые эсеры потерпели полный крах, что, вообще говоря, было далеко от истины.

Непосредственно V съезду Советов была посвящена монография А.С. Румянцевой, проникнутая тем же духом². Недостатком как этой, так и других работ является отсутствие детального анализа состава съезда, его представительности. На веру безоговорочно принимались цифры, представленные мандатной комиссией съезда, руководимой большевиками. Между тем, как свидетельствует стенографический отчет съезда, по поводу избранных на него делегатов и предоставлении им права решающего голоса между большевиками и левыми эсерами шла ожесточенная борьба. Научная объективность требовала хотя бы изложить аргументы противоположной стороны.

Из других исследований, посвященных V съезду Советов, следует выделить работу Л.И. Егоровой³. В заслугу ей следует поставить то, что она первая почувствовала недостатки официальных данных мандатной комиссии съезда и попыталась уточнить их по материалам, отложившимся в архиве. На этой основе она попыталась пересмотреть численный состав делегатов, их социальное происхождение, пар-

¹ См.: Чугаев Д.А. Борьба за упрочение Советской власти. М., 1951.

² См.: Румянцева А.С. V Всероссийский съезд Советов и принятие первой Советской Конституции. М., 1958.

³ См.: Егорова Л.И. К вопросу о составе V Всероссийского съезда // Ученые записки. МГПИ им. В.И. Ленина. 1967. № 250.

тийный стаж, профессиональную принадлежность, образование, участие в предыдущих съездах Советов. К сожалению, эффект от проделанной автором работы оказался невелик, так как характер архивных источников требовал иных методологических и методических подходов при их анализе, которые стали возможны лишь в последующие годы.

С объявлением в 1985 г. перестройки и гласности открылись более благоприятные возможности для объективного освещения роли и места различных политических партий в революционном процессе. В связи с этим была затронута и история партии левых эсеров, их взаимоотношений с большевиками. С новых позиций была рассмотрена история правительственной коалиции большевиков и левых эсеров¹. Большое значение придавалось возвращению из прошлого «забытых» имен. Не могла не привлечь внимание трагическая личность Марии Спиридоновой – пламенной революционерки, одного из лидеров партии левых эсеров². В различных изданиях была опубликована серия документов, подробно освещающих обстоятельства ее жизни и гибели от рук НКВД, а также судьбы ее соратников по борьбе³. В 1993 г. вышел в свет биографический словарь, посвященный политическим деятелям России 1917 г.⁴. В нем подобающее место отведено объективному, неискаженному изложению взглядов всех партийных лидеров, в том числе вождей левых эсеров: В.А. Алгасова, А.А. Измайлович, Б.Д. Камкова, В.А. Карелина, И.К. Каховской, А.Л. Колегаева, М.А. Натан-

¹ См.: *Разгон А.И.* Правительственный блок большевиков и левых эсеров (окт. 1917 – янв.1918) / Исторические записки. Т. 117. М., 1989.

² См.: *Безбережьев С.В.* М.А.Спиридонова //Россия на рубеже веков. Исторические портреты. М., 1991; *Гусев К.В.* Эсеровская богородица. М., 1992; *Лавров В.М.* Мария Спиридонова: террористка и жертва террора. М., 1996

³ См. например: Красная книга ВЧК. Т. 1–2. М., 1989; *Неизвестная Россия. XX век. Вып. 2.* М., 1993 и др.

⁴ См.: *Политические деятели России. 1917.* Биографический словарь М., 1993.

сона, П.П. Прошьяна, М.А. Спиридоновой, А.М. Устинова и других. Большим достоинством этой книги стала публикация Приложений, где в краткой форме было дано описание состоявшихся в 1917 г. съездов, конференций и т. п., принятых на них решений, были приведены списки выступавших и содержание их выступлений. В 1994 г. был опубликован учебник «История политических партий России»¹, где на основе использования ранее недоступных, большей частью архивных материалов была, пожалуй, впервые прослежена судьба различных партий после прихода к власти большевиков. В ней есть глава «Разбитые надежды», посвященная левым эсерам, написанная Л.М. Овруцким и А.И. Разгоном. Следует заметить, что чисто партийный подход, избранный авторами учебника, повлек за собой утрату целостности изложения истории борьбы различных политических сил в стране после октября 1917 г. Историк В.М. Лавров последовательно рассматривал левых эсеров и их вождей на крестьянских съездах, на съездах своей партии². К сожалению, в его трудах осталась неразработанной история борьбы большевиков и левых эсеров на Всероссийских съездах Советов. В результате кульминационный пункт схватки этих партий на V Всероссийском съезде Советов и ее последствия, связанные с установлением однопартийной диктатуры большевиков, остался вне поля зрения исследователя.

Подводя итог изучению взаимоотношений двух партий: большевиков и левых эсеров, нельзя не прийти к следующим выводам. Во-первых, несмотря на несомненное продвижение вперед в изучении этой темы, достигнутое в последние годы, остается еще немало плохо исследованных вопросов. Более того, в последнее время наблюдается своеобразный откат от изучения истории радикальных социалистических партий в России на фоне усиления внимания к истории партий буржу-

¹ См.: История политических партий России. М., 1994.

² См.: Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М., 1996; *Его же*. Партия Спиридоновой (Мария Спиридонова на левозерских съездах). М., 2001.

азного и монархического толка. Это не оправдано, так как левые партии в политической борьбе 1917–1918 гг. играли гораздо более весомую роль. Во-вторых, даже по сравнению с другими социалистическими партиями, бросается в глаза меньшая изученность истории партии эсеров, в том числе и ее левого крыла. В-третьих, что касается изучения V Всероссийского съезда Советов, то можно высказать мнение, что его историческое значение в историографии явно недооценено с точки зрения развития общей ситуации в стране, межпартийной борьбы, этапов становления однопартийной диктатуры большевиков и методов ее проведения в жизнь. В-четвертых, история политических партий и движений, тесно связанная с изучением массовых общественных процессов, сегодня остро нуждается в новых подходах и методах исследования, позволяющих связать воедино анализ состояния общества, формирования на этой основе общественных движений и институтов, выделения политических группировок и элит, постоянно возникающие между ними конфликты и столкновения. Такой подход может быть осуществлен, если шире использовать различные новые методики исследования, в том числе обращение к базам и банкам данных.

Еще в середине 80-х гг. в семинаре профессора В.З. Дробизева на основе применения компьютерной технологии была начата разработка материалов съездов Советов как массового источника и, прежде всего, анкет делегатов¹. В работе принимала участие большая группа студентов МГУ и МГИАИ. Был создан банк данных, куда вошли и материалы V Всероссийского съезда Советов. Этот банк и сегодня можно использовать для исследования и уточнения многих вопросов того драматического эпизода советской истории, который связан с борьбой большевиков и левых эсеров, и попытаться по-новому осветить его, используя некоторые преимущества современной технологии обработки массовых источников. Смысл создания банков как раз и состоит в том,

¹ См.: *Бородкин Л.И., Соколов А.К.* Опыт создания базы данных на основе анкетных сведений о делегатах съездов Советов // *История СССР*. 1984. № 2.

что оно позволяет исследователям оперативно и неоднократно обращаться к данным и на их основе решать самые разнообразные цели и задачи.

Основная цель данной статьи состоит в том, чтобы на основе созданного банка данных а также стенографического отчета съезда, изданного по горячим следам событий, других источников, введенных ныне в научный оборот, дать объективный анализ причин краха коалиции большевиков и левых эсеров, превращения советской системы в однопартийную диктатуру РКП(б), подвергнуть проверке некоторые устоявшиеся стереотипы, в частности: действительно ли левые эсеры утратили влияние в стране летом 1918 г., как утверждала советская историография, из кого все-таки состояли фракции большевиков и левых эсеров на съезде, правильно ли, что большевики представляли из себя партию рабочего класса, а левые эсеры – партию мелкой буржуазии, и какие, на деле, различия по составу, по своим заслугам перед революцией существовали между этими партиями, стояли ли большевики стояли ближе к интересам крестьянства, чем левые эсеры и другие¹.

¹ См.: Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стенографический отчет, 4–10 июля 1918 г. М., 1918.

Отчет включает в себе тексты выступлений, резолюций, позволяет получить представление о ходе работы съезда. В «Приложениях» содержатся приветственные телеграммы из разных городов страны в адрес съезда, постановления местных съездов Советов в связи с проведением Всероссийского съезда, протоколы заседаний Мандатной комиссии, статистические данные о составе съезда, составленные на основе разработки материалов мандатной комиссии (погубернский список делегатов с решающим голосом с указанием партийности, распределения делегатов по возрасту, национальности, социальному положению и др. признакам). Вместе с тем круг этих сведений, по сравнению с возможностями извлечения информации из анкет, ограничен, имеется много неточностей в данных, пробелов, на что указывалось в докладе председателя мандатной комиссии В.Максимовского. В связи с эти они не могут считаться надежным и достоверным источником.

Лидер большевиков В.И. Ленин, оценивая историческую обстановку, сложившуюся накануне V Всероссийского съезда Советов, писал: «Необыкновенно тяжелое, трудное и опасное положение в международном отношении, необходимость лавировать и отступать, период выжидания новых взрывов революции, мучительно долго зреющий на Западе; внутри страны период медленного строительства и беспощадного «подтягивания», длительной и упорной борьбы, пролетарской суровой дисциплинированности с угрожающей стихией мелкобуржуазной распушенности и анархичности, — таковы, вкратце, отличительные черты особой, переживаемой нами, полосы в социалистической революции»¹.

Действительно, тяжелейшее состояние экономики, полная хозяйственная разруха, вызванная многолетней войной, социальный развал и хаос, политическая неустойчивость, начавшаяся гражданская война — вот те проблемы, которые со всей остротой ставили перед правящей партией вопрос о необходимости дальнейшего утверждения своей власти. Важной вехой на этом пути должен был стать V Всероссийский съезд Советов, призванный закрепить конституционные основы нового общественного и государственного строя. При этом следует принять во внимание, что в тот период съездам Советов, самым высшим и авторитетным представительным форумам, придавалось огромное значение как призванным освящать и фиксировать все происходящие изменения.

Короткий по историческим меркам отрезок с октября 1917 г. по июль 1918 г., когда был созван указанный съезд, был чрезвычайно насыщен большими событиями и стал для большевиков временем тяжелых испытаний, острых столкновений со своими политическими противниками и оппонентами. По времени этот отрезок совпадает с периодом советской многопартийности. Наряду с большевиками в Советах работали меньшевики, эсеры, анархисты, представители других партий. Особое место в истории первых месяцев советской власти принадлежит партии левых эсеров.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 206–207.

История взаимоотношения большевиков с левыми эсерами, их сотрудничества и разрыва, не будет полностью ясной, если не принять во внимание вопрос о том, почему от эсеров отделилось их левое крыло, состоявшее из более молодых, радикально настроенных и решительных революционеров, насколько глубокими были расхождения между главной и «отпочковавшейся» партиями в программных и тактических вопросах.

В этой связи уместно упомянуть, что партия эсеров с момента своего выхода на политическую арену в начале XX в., никогда не была однородной, и главной причиной этого были не идейные разногласия, а различия в области тактики политической борьбы.

Еще накануне первой русской революции среди эсеров сформировалась течения максималистов, которое призывало к немедленным революционным действиям. Максималисты постоянно сохраняли свое обособленное положение в партии эсеров. На выборы на V Всероссийский съезд Советов максималисты шли отдельно.

В то же время различные эсеровские течения неоднократно подчеркивали свою приверженность программным установкам своей партии, верность идеалам «крестьянского социализма» как особого пути революционного преобразования России. По словам лидера ПСРЛ М.А. Спиридоновой, «Крестьянство не только материал для истории, не только пережиток известного строя, подлежащий глубочайшей социологической трансформации, и даже уничтожению, но класс будущего, жизнеспособный и устойчивый исторически класс, несущий миру и новый строй и новую правду»¹.

«Трудовой народ» или «трудовая демократия» в лице крестьянства, рабочих и интеллигенции должны были, по эсеровским представлениям, противостоять проискам помещиков, буржуазии и реакционного государственного аппарата. Признавая превосходство городских рабочих над крестьянами как более подвижного, активного и агрессивного клас-

¹ Наш путь. 1918. № 1. С. 17.

са, эсеры, как левые, так и правые, делали упор на связь русских рабочих с деревней, что по их мнению, было залогом рабоче-крестьянского единства.

Левые эсеры разделяли общий эсеровский взгляд на то, что социализм – это демократический общественный строй. Главным его источником должна была стать социализация земли, которая означала, во-первых, отмену частной собственности на землю, превращение ее в общенародное достояние без права купли-продажи; во-вторых, передачу ее в распоряжение различных органов народного самоуправления; в-третьих, организацию пользования ею на «уравнительно-трудовых» началах с помощью собственного труда, единоличного или в товариществах. В борьбе за претворение в жизнь социализации земли левые эсеры отличались особой решительностью и настойчивостью.

В отношении методов политической борьбы некоторые отличия от эсеровской программы имелись у левых эсеров. Признавая большую роль Учредительного собрания, они всячески подчеркивали, что вести борьбу надо в формах, соответствующих конкретным условиям русской действительности. Этим объясняется большее тяготение левых эсеров по сравнению с остальными членами партии к Советам как форме организации масс. Отсюда же их склонность к более радикальным способам действий.

Быстрому размежеванию в рядах эсеровской партии способствовало обострение обстановки в стране. Уже осенью 1917 г. М.А. Спиридонова заявила, что «левые эсеры смотрят на власть так же, как большевики, и думают, что единственным спасением России является переход власти к Советам»¹. В низовых Советах еще до Октября стал формироваться блок большевиков и левых эсеров. Левые эсеры сотрудничали с большевиками в военно-революционных комитетах. Примечательно, что первым председателем Петроградского ВРК, чьими силами, собственно, и был осуществлен Октябрьский переворот, был левый эсер П.Е. Лазимир.

¹ См.: Спиридонова Мария Александровна // Политические деятели России. 1917 С. 301.

Позднее во всех своих выступлениях лидеры партии всячески подчеркивали большой вклад левых эсеров в свержение Временного правительства и переход власти к Советам. Однако в тот момент среди них не было единства по отношению к действиям большевиков. Большинство левозеро-вских руководителей настаивали на необходимости соглашения всех демократических сил и создании коалиционного социалистического правительства. Как говорил Б.Д. Камков, «... мы хотели, чтобы новая власть была признана если не всей революционной демократией, то хотя бы ее большинством. ... Наша задача ... связать порванную цепь, объединявшую два фронта русской демократии»¹. Организационный разрыв со старой партией был ускорен решением ее ЦК об исключении из партии тех, кто «запятнал» себя сотрудничеством с большевиками. В ответ на это левые эсеры в спешном порядке приступили к образованию самостоятельной партии.

Первый (учредительный) съезд партии левых социалистов-революционеров проходил в Петрограде 19–28 ноября 1917 г. Съезд оказался немногочисленным и во многом случайным, лишний раз подчеркивая свойственную тому времени организационную неразбериху и общественную нестабильность. На съезде получили мандаты с правом решающего голоса члены левозеро-вской фракции ВЦИК и делегаты проходившего одновременно Второго (чрезвычайного) съезда крестьянских Советов, а также солдаты – участники конференции военных организаций левых эсеров. Всего насчитывалось 69 делегатов с правом решающего голоса, представлявших, как было выяснено позже, 38 эсеро-вских организаций, в том числе, из 8 губерний и 22 городов, и всего 25 тыс. членов партии из почти миллионного ее состава². Это не соответствовало даже реальному представительству левых эсеров в Советах. Так, по данным на момент созыва Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депу-

¹ Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М., 1918. С. 43.

² См.: История политических партий России. М., 1994. С. 350.

татов только в Советах состояло более 60 тыс. левых эсеров, Третьего съезда – более 80 тыс.¹.

Несмотря на призывы некоторых делегатов «не рвать связи», «не спешить с разрывом», «повременить», «дождаться общепартийного съезда», возобладали курс на разрыв. Его выразила М.А. Спиридонова, которая выступила с резкой критикой руководства партии за отрыв от эсеровской программы и заявила, что в эту партию входят лица, «чуждые социализму»². Ход съезда, как и большинство эсеровских мероприятий того времени, оставляли впечатление сумбурности, хаотичности. Тем не менее по основным вопросам тактики партии были выработаны решения. Съезд признал, что массы идут за большевиками, и констатировал, что, «как ни чужды нам их грубые шаги», следует быть с ними в тесном контакте. Задачей момента является «повсеместное утверждение трудовой демократии» или «диктатуры демократии», которая «... не остановится перед применением репрессий против ... врагов революции». Вместе с тем отмечалось, что «диктатура демократии» не нуждается в системе террора и отмечает ее как путь дезорганизации власти. Более того, выступивший на съезде Б.Д. Камков отметил противоречия между большевиками и левыми эсерами, в основе которых лежит попытка большевиков утвердить «диктатуру пролетариата», а «наше требование – диктатура демократии». В то же время он высказался за тесный блок обеих партий, за расширение его той частью «революционной демократии», которая должна понять ошибочность своей позиции. Мы, – говорил он, – «общими усилиями создадим такую власть, по отношению к которой никто не мог бы сказать, что эта власть отдельной партии, ... но власть революционной демократии»³. С этой точки зрения левых эсеров можно вполне срав-

¹ См.: *Ионкина Т.Д.* Всероссийские съезды Советов в первые годы пролетарской диктатуры. С. 143.

² Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров... С. 34.

³ Там же. С. 39–46, 73.

нить с якобинцами эпохи Французской революции, на что, кстати, они сами нередко намекали.

Большое место в работе съезда занял вопрос об отношении к Учредительному собранию. Съезд указал, что Учредительное собрание должно в первую очередь решить вопросы о мире, о земле, о рабочем контроле. Всякую попытку превратить Учредительное собрание в орган борьбы с Советами съезд счел «посягательством на завоевания революции». В этом случае ему необходимо оказать «самое решительное противодействие»¹. Это решение стало основой политического демарша, который позже, в январе 1918 г., был предпринят большевиками и левыми эсерами в отношении Учредительного собрания.

Обусловив членство в новой партии принятием основных принципов программы эсеров, утвержденной в 1905 г., съезд приступил к выбору ее руководящих органов. Больше всего голосов (69) получил старейший член партии, в прошлом активный участник народнического движения, последовательный сторонник сближения с большевиками М.А. Натансон. Из молодых членов партии на выборах в ЦК ПЛСР больше всего голосов (более 60) получили М.А. Спиридонова, Б.Д. Камков, А.Л. Колегаев, В.А. Карелин, А.М. Устинов. Меньше голосов получили лица, имевшие не столь значительные заслуги перед революционным движением, например: В.А. Алгасов (57), П.П. Прошьян (42) и другие². Вместе с тем в условиях довольно неожиданного возникновения новой партии, ее авторитет и влияние во многом зависели от деятельности ее вождей, их политической активности, а также личностных и организаторских качеств. Как бы то ни было, несмотря на организационные издержки, на политической арене возникла довольно мощная сила, влияние которой в стране постоянно возрастало и заставляло считаться с собой.

Решения Первого съезда ПЛСР создали основу для сотрудничества большевиков и левых эсеров. Впрочем, перегово-

¹ Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров... С. 75.

² См. там же. С. 77.

воры об участии последних в советском правительстве велись и ранее, еще в момент осуществления Октябрьского переворота. Но тогда левозсеровские лидеры не сочли возможным пойти на этот шаг. Б.Д. Камков объяснял это так: «Мы понимали, что не поможем делу, если в эту чисто большевистскую власть вольем одного или двух левых эсеров, ... что мы косвенно являемся виновниками ... гражданской войны, которая была неизбежна и которая ныне действительно имеет место»¹. Тем не менее левые эсеры приняли участие в деятельности новых советских учреждений. Обладая третью мандатов, они получили пропорциональное представительство в Президиуме ВЦИК, его постоянных комиссиях. На паритетных началах они делили руководство с большевиками его важнейшими отделами. Так, работой иногороднего отдела руководили Я.М. Свердлов и В.А. Алгасов, агитационного – В. Володарский и И.К. Каховская, по национальному вопросу – М.С. Урицкий и П.П. Прошьян, крестьянскую секцию ВЦИК возглавляла М.А. Спиридонова.

Будучи сторонниками более четкого распределения функций внутри советской системы, левые эсеры настаивали на подконтрольности деятельности СНК, заставляя его держать ответ за превышение власти. Так, 4 ноября 1917 г. они сделали запрос о неправомерном издании декретов и иных актов без предварительного их обсуждения и санкции ВЦИК; 14 ноября – об одностороннем, пробольшевистском освещении избирательной кампании по выборам в Учредительное собрание, 21 ноября – об издании декрета СНК о роспуске Петроградской думы без рассмотрения и утверждения его ВЦИК и т. д. По поводу этих запросов проходили бурные дебаты, ставившие большевиков в неудобное положение. Дважды на сессиях ВЦИК ставился вопрос о доверии СНК. Располагая большинством, большевики с трудом, но все же справлялись со своими оппонентами.

Левые эсеры испытывали определенные «парламентские» иллюзии в отношении Советов. Из этого исходила

¹ Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров... С. 43.

предложенная ими платформа реформирования ВЦИК. Согласно ей, этот орган должен превратиться в некое подобие парламента – «Народный совет», по выражению левых эсеров. Правительство должно назначаться ВЦИК и быть ответственным перед ним; все декреты правительства, за исключением мелких актов, подлежат предварительному обсуждению во ВЦИК. Левые эсеры, в качестве условия для коалиции, предложили передать им комиссариаты: земледелия, по военным делам, юстиции, путей сообщения, внутренних дел. Наркомы должны были назначаться без права отвода лица, утвержденного левозэсеровской фракцией ВЦИК.

Предложения левых эсеров были в основном приняты большевиками и составили так называемый Наказ-Конституцию о взаимоотношениях ВЦИК и СНК, принятую 18 ноября 1917 г. Было сделано одно исключение – отвергнуто право ВЦИК приостанавливать действие любого, принятого ранее декрета. Левые эсеры расценили Наказ как крупную победу на пути становления в России подлинной демократии, «освященного веками парламентаризма»¹.

В соответствии с соглашением левые эсеры возглавили наркоматы: земледелия (А.Л. Колегаев), почт и телеграфов (П.П. Прошьян), местного самоуправления (В.Е. Трутовский), юстиции (И.З. Штейнберг), государственных имуществ (В.А. Карелин); В.А. Алгасов и А.И. Бриллиантов получили статус «наркомов без портфеля» и входили в состав коллегий НКВД (первый) и НКФ (второй). Оба на заседаниях СНК обладали правом решающего голоса. Отдельное место было отведено для левого эсера в составе коллегии Наркомвоенмора, но оно так и осталось вакантным². За левыми эсерами оставался ряд постов заместителей наркомов, участвующих в работе СНК. Особой активностью в работе СНК отличались Колегаев, Алгасов, Трутовский, Прошьян, Штейнберг. Так, Прошьян быстро добился прекращения саботажа служащих почтового ведомства, наладил его работу. Ленин высоко оценивал его деятельность, отмечая, что в

¹ История политических партий России. С. 354.

² См.: История политических партий России. С. 355.

группе наркомов левых эсеров он «выделялся сразу глубокой преданностью революции и социализму», что на заседаниях СНК он нередко «становился решительно на сторону большевиков-коммунистов»¹. Разумеется, не обходилось без трений, но, говоря словами самого Прощяна, работа «в конце концов у нас совершенно спаялась»².

Одним из ключевых наркоматов был Наркомзем, возглавляемый левыми эсерами. Именно ему предстояло осуществить грандиозную земельную реформу, не менее значимую, чем отмена крепостного права в России. Нарком А.Л. Колегаев вместе с другим левым эсером, специалистом по земельному вопросу И.А. Майоровым, разработали законопроект о социализации земли. Большевики, по идее, были противниками этого закона. Как говорил Ленин на Чрезвычайном съезде Советов крестьянских депутатов: «Нам говорят, что мы против социализации земли и что поэтому мы не сумеем договориться с левыми эсерами. Мы отвечаем на это: да, мы против эсеровской социализации земли, но это не мешает нам быть в честном союзе с левыми эсерами. Сегодня или завтра левые эсеры выдвигают своего министра земледелия и, если он проведет закон о социализации, мы не будем голосовать против. Мы воздержимся»³. Однако «честный союз» оказался не совсем честным. Большевики стремились всячески расширить рамки вмешательства в хозяйственную жизнь деревни. При принятии закона на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г. им удалось добиться снятия любого упоминания о земствах, земельных комитетах и прочих органах крестьянского самоуправления. Их место заняли Советы, получавшие все права пользования и распоряжения землей. Как выразился Колегаев «Получился закон не о социализации, а о национализации земли»⁴.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 384.

² См.: История политических партий России. С. 355.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 167.

⁴ Кабанов В.В. Народный комиссар земледелия / Первое советское правительство. М., 1991. С. 292.

Как уже отмечалось, большинство левых эсеров выступило за роспуск Учредительного собрания, хотя, казалось бы, идея его созыва способствовала бы единению всех демократических сил. Возможно, сказалось недовольство результатами выборов, которые стали известными в момент организации партии. Эсеры шли на выборы в Учредительное собрание единым списком, и, как потом выяснилось, избранными оказались всего 40 депутатов левых эсеров. Вместе с тем один из лидеров партии, В.А. Карелин стремился предотвратить его роспуск, искал пути соглашения с эсеровским большинством. На заседании фракции левых эсеров – членов Учредительного собрания он настаивал на том, чтобы в Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, провозглашавшую Россию республикой Советов, которую намечено было предложить для утверждения Учредительному собранию, были внесены изменения компромиссного характера, произведено смягчение некоторых формулировок¹.

Время до марта 1918 г. было периодом довольно плодотворного сотрудничества большевиков и левых эсеров. Последние чутко улавливали политическую эволюцию крестьянства, расширяя свое влияние и свою социальную базу. Местные Советы, осуществляя закон о социализации земли, буквально в течение нескольких месяцев конфисковали в пользу крестьянских обществ помещичьи, церковные и другие частновладельческие земли. Взамен большевики обеспечили себе поддержку левых эсеров в национализации банков и промышленных предприятий, централизацию народного хозяйства через аппарат ВСНХ.

Первая крупная трещина между большевиками и левыми эсерами наметилась в связи с заключением Брестского мира. На IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов 14–16 марта 1918 г. левоэсеровская фракция голосовала против его ратификации и отозвала своих наркомов из правительства после заключения мира.

¹ См.: *Карелин В.А.* Политические деятели России. Пг., 1917. С. 140.

В апреле 1918 г. собрался Второй съезд ПЛСР. Его представляли 48 513 членов партии от 29 губерний. Не сумели прибыть на съезд делегаты 22 губерний. Главный вопрос, ради которого он созывался, попытка ответить на вопрос о сотрудничестве с большевиками или о переходе в оппозицию. На съезде стали раздаваться резкие критические высказывания в адрес РКП(б), обвинения в узурпации правительством прав ВЦИК. Отмечалось возрастание абсентеизма масс на выборах, высказывалось недовольство избирательной системой, которая является многоступенчатой и недемократичной, лишаящей права голоса значительную часть трудящихся и дискриминирующей крестьянство. О сложностях работы с большевиками говорила Спиридонова. Она напомнила съезду о бесконечных спорах по каждому пункту закона о социализации земли и о поправках, которые грозили «уничтожить весь смысл, весь дух нашей социализации земли». В завершение она заявила: «пролетариат... не может в настоящее время претендовать на роль боевого авангарда в решении судеб нашей русской истории... Советскую власть укрепить до конца и развить все социальное содержание нашей революции должно крестьянство»¹.

О необходимости сорвать Брестский мир, развязать партизанскую войну против германского империализма говорил Прошьян².

Возражение левых эсеров вызывала политика централизации, проводимая большевиками, курс на укрепление централизованных государственных институтов. Левые эсеры выступили за проявление творческой инициативы на местах, образование на территории России советских республик. Курс большевиков на создание регулярной Красной Армии на основе всеобщей воинской обязанности также встретил

¹ Политические деятели России. 1917. Приложения. 1918 г. 17–25 апреля. Второй съезд Партии левых социалистов-революционеров-интернационалистов. С. 410.

² См. там же.

противодействие. «Мы за армию добровольную, волонтерскую», – подчеркивал один из делегатов¹.

Наибольшей непримиримостью к большевикам отличались речи Камкова и Штейнберга. Первый обвинил РКП(б) в навязывании стране мира, который отдал ее на разграбление. Второй сосредоточил внимание на деградации Советов. Он утверждал: «... наши советские органы развращаются все больше и с каждым днем. Вино власти многим так ударило в голову, что мы почти не умеем с этим справиться... Создается впечатление, что за деньги все можно сделать, что никогда партийные синекуры и кумовство не были так сильны, как теперь, что создается особая советская, я бы сказал, преторианская бюрократия. Советское дело делается не народными массами, а специально поставленными людьми, которые превращаются в «профессионалов власти». Мы имеем демократическую бюрократию, но с худшими задатками, чем старая бюрократия, которая боялась, по крайней мере, Бога и начальства, а эти считают себя и Богом, и царем, и начальством. Все горе в том, что Советская республика еще не родилась, что до сих пор она заменяется диктатурой даже не пролетариата, а верхушек его – отдельных партий и лиц» Надо полагать, что юрист высокого класса, теоретик в области уголовного права имел основание так говорить. В заключение своего выступления он одобрил выход левых эсеров из СНК и сказал: «Большевики умели дерзать в момент политического перелома. В этом их достоинство, их сила. Должны уметь дерзать и мы». Его дополнил один из делегатов съезда: «... в настоящий момент партия большевиков разрушается, гниет... А раз так, – мы должны концентрировать свои силы, чтобы быть в состоянии взять в свои руки власть»².

Подобные речи встретили неоднозначную реакцию. Жестче других отреагировал на высказывания А.М. Устинов. Он назвал сторонников Камкова предателями левозеро-ско-

¹ См.: Политические деятели России. 1917. Приложения. 1918 г. 17–25 апреля. Второй съезд Партии левых социалистов-революционеров-интернационалистов. С. 411.

² См. там же. С. 410.

го дела. Он утверждал, что в коалиции левые эсеры вовсе не были «несчастливыми просителями в большевистской передней...», когда мы были у власти, мы не раз заставляли большевиков принимать решения», угодные ПЛСР, и призывал оставаться в коалиции¹. М.А. Натансон в своем выступлении отметил, что большевики честно выполняли взятые на себя обязательства, не мешали левым эсерам проводить социализацию земли². О том, что не время идти на разрыв с большевиками, говорила Спиридонова: «Нам разрывать свою связь с большевиками – это значит... подкосить советскую власть» и добавила: «... когда мы из СНК вышли, то этим самым..., может быть, осудили себя на гибель»³.

Под влиянием подобных выступлений съезд принял компромиссную резолюцию. С одной стороны, он подтвердил правильность позиции левых эсеров по вопросу о ратификации Брестского мира и выхода их представителей из СНК, с другой, – в ней говорилось, что выход ни в коей мере не должен к подрыву советской власти и что съезд санкционирует оставление всех работников – членов партии во всех учреждениях и коллегиях народных комиссариатов и других органов⁴.

Съезд избрал новый ЦК партии. В его состав не вошли наиболее последовательные сторонники блока с РКП(б), в том числе В.А. Алгасов и А.М. Устинов. Председателем Президиума ЦК ПЛСР стал Б.Д. Камков, его заместителями В.А. Карелин и П.П. Прошьян, секретарем ЦК – И.З. Штейнберг, все – наиболее антибольшевистски настроенные лидеры ПЛСР.

Дальнейшее развитие борьбы большевиков и левых эсеров характеризовалось резким обострением экономической и политической ситуации в стране. Германия и ее союзники,

¹ См.: Политические деятели России. 1917. Приложения. 1918 г. 17–25 апреля. Второй съезд Партии левых социалистов-революционеров-интернационалистов. См. там же.

² См. там же.

³ Там же.

⁴ С. 410.

несмотря на мир, продолжали политику экспансии, отрезав от Советской России ряд важных в промышленном и сельскохозяйственном отношении территорий. На Дону и Кубани началось восстание против советской власти. Поднял мятеж чехословацкий корпус. Различные партии всячески пытались сорвать Брестский мир. Против него продолжала бороться мощная оппозиция внутри самой РКП(б) в лице левых коммунистов. На Украине и в Белоруссии разворачивалось повстанческое движение против оккупационных войск, вызывавшее о помощи. Лишенные сырья и военных заказов остановились фабрики и заводы, увеличилась безработица. Над районами, находившимися под контролем советской власти, витал голод. На первый план выходила проблема продовольственного снабжения городов и потребляющих губерний Центра и Северо-Запада.

Для централизации всего продовольственного дела 27 мая 1918 г. был издан декрет ВЦИК о реорганизации Наркомпрода и местных продовольственных органов в соответствии с задачей укрепления продовольственной диктатуры. По декрету, все продовольственное дело было централизовано Наркомпродом. Из города в деревню направлялись специальные вооруженные отряды (продотряды) с целью насильственного изъятия у крестьян хлебных «излишков». Владение каждым «лишним пудом» хлеба рассматривалось в тот момент как «величайшее государственное преступление». Чтобы облегчить проведение своей крайне непопулярной меры, большевики придали ей форму классовой борьбы между кулаком и бедняком. С этого времени РКП(б) начинает активно вторгаться в деревню, которая раньше была сферой деятельности левых эсеров. Поскольку собственных кадров у большевиков там было маловато, они приступили к организации комитетов деревенской бедноты (комбедов), чтобы обеспечить социальную поддержку проводимых мероприятий. Как писал председатель ВЦИК Я.М.Свердлов «Если мы действительно сможем создать свои крепкие организации, объединяющие трудовое крестьянство, сознающие всю ответственность, которую они берут на себя в деле удушения кулацких

элементов в деревне, если действительно нам удастся создать также крепкие, мощные организации беднейшего крестьянства, то мы свою задачу выполнили так же, как по отношению к городу»¹.

Как выглядела продовольственная диктатура на практике, дает представление выдержки из инструкции Наркомпрода для продотрядов: «... Отряд является в деревню, устраивает сход из деревенских бедняков и бывших фронтовиков и предлагает им избрать Комитет из 5–7 человек, которому передается вся власть... Отдается приказ, чтобы владельцы хлеба вывезли свои излишки в течение 3-х дней на ближайший ссыпной пункт, с предупреждением, что всякий, кто хлеб уничтожит или спрячет, будет объявлен государственным изменником и расстрелян тут же. Хлеб должен сдаваться по твердой цене... Тотчас удовлетворяется деревенская беднота, которой хлеб выдается бесплатно... Отряд оставляет на месте человек 30-50, смотря по необходимости, и уходит в следующую деревню, где продельывает то же самое. Лица, оказавшие вооруженное сопротивление, отрядами расстреливаются на месте»².

Такого рода акции не могли не вызвать возмущения и сопротивления в крестьянской среде, в том числе вооруженного. Фактически своими действиями большевики спровоцировали разрастание гражданской войны. Наиболее прямо это выразил Троцкий, провозгласив лозунг: «Да здравствует гражданская война!». В ответ по всей стране поднимаются крестьянские восстания. Эсеры и меньшевики, не только осудили продовольственную политику большевиков, но встали на путь активной борьбы против советской власти. Они приняли участие в организации заговоров, мятежей, террористических актов, в создании ряда антисоветских правительств на территории России. В ответ эти партии были признаны антисоветскими и контрреволюционными на основании постановления ВЦИК от 14 июня 1918 г., где говорилось об исключении представителей правых эсеров и меньшевиков из состава

¹ *Свердлов Я.М.* Избранные статьи и речи. М., 1944. С. 74.

² История политических партий России. С. 400.

ВЦИК и Советов, как партий, «изобличенных в организации вооруженных выступлений против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами – на Дону с Калединым и Корниловым, на Урале с Дутовым, в Сибири с Семеновым, Хорватом и Колчаком, и, наконец, в последние дни с чехословаками и примкнувшими к последним черносотенцами»¹. Согласно этому постановлению, единственной партией, способной реально противостоять большевикам в Советах, остались левые эсеры.

Левые эсеры справедливо опасались, что «борьба с кулаком» выльется в войну против всего крестьянства. Противопоставление деревенской бедноты всем другим слоям, трудовому крестьянству в целом казалось левым эсерам бессмысленным и даже кощунственным. Комбеды они называли не иначе как «комитетами лодырей». Первые же походы продовольственных отрядов в деревню вызвали, как и предсказывали левые эсеры, ближе стоявшие к мужику, «поножовщину», разрушили выборную советскую власть, заставили крестьян отшатнуться от большевиков. Была и другая причина враждебности к ним левых эсеров. К тому времени левые эсеры сумели подчинить своему влиянию многие низовые Советы, и передача власти комбедам на местах фактически подрывала значение этого факта.

Резко негативно отнеслись левые эсеры и к постановлению ВЦИК от 14 июня, принятое несмотря на протесты их представителей. Они полагали, что исключение из Советов эсеров и меньшевиков недопустимо, во-первых, по формальным причинам. Вопрос об этом является прерогативой только съезда Советов. Во-вторых, утверждали они, нет оснований «устанавливать участие партий в контрреволюционных попытках как партий».

28 июня 1918 г. собрался Третий съезд ПЛСР. Он представлял 85 тыс. членов партии, однако, по подсчетам мандатной комиссии, их было не менее 300 тыс. Если даже сделать скидку на некоторое преувеличение этой цифры, все же оче-

¹ Декреты Советской власти. Т. II. М., 1960. С. 430–431.

видным является рост численности и влияния партии, в то время как авторитет РКП(б), несомненно, снизился. ПЛСР, действительно, «набрала силу», как утверждала Спиридонова. Съезд прошел под знаком резкой конфронтации с большевиками. В решениях съезда отмечалось: «Повышенная централизация, увенчивающая систему бюрократических органов диктатурой, применение реквизиционных отрядов, действующих вне контроля и руководства местных Советов, культивирование комитетов бедноты... все эти меры создают поход на Советы крестьянских депутатов, дезорганизуют рабочие Советы, вносят путаницу классовых отношений в деревне...»¹ Съезд дал директиву ЦК всемерно способствовать расторжению Брестского договора. В заключительном слове Камков призвал к вооруженному восстанию против большевиков: «Нужно вновь поднять революционное восстание крестьянства и рабочих для восстановления попранных прав революции. В этой борьбе мы, левые эсеры, сыграем главную и решающую роль. Мировая революция придет путем нашего восстания против германского империализма»².

Съезд избрал новый ЦК, состав которого сократился за счет сторонников блока с РКП(б). В частности, был выведен из состава ЦК бывший нарком земледелия А.Л. Колегаев. Роль главного идеолога партии перешла к Камкову. К тому времени в ярого противника большевиков превратилась Спиридонова, которая использовала всю свою энергию для организации различных акций, направленных против их политики. «Внутренним строителем, основной пружиной, стержнем партии левых эсеров», по определению той же Спиридоновой, стал Прошьян³.

Одновременно ПЛСР берет на вооружение старую эсеровскую тактику организации тайных заговоров и индивидуального террора. 24 июня на заседании ЦК было принято решение «организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма».

¹ История политических партий России. С. 364.

² Политические деятели России. 1917. С. 138.

³ Там же. С. 264.

Для руководства ими было образовано Бюро в составе Л.Б. Голубовского, И.А. Майорова, М.А. Спиридоновой. При этом указывалось, что эти действия должны рассматриваться как борьба против политики Совета народных комиссаров «и ни в коем случае как борьба против большевиков». Подобная формулировка может объясняться тем, что еще достаточно крепкими были нити, связывавшие большевиков и левых эсеров. Как писала позднее членам партии из своего заточения Спиридонова: «... не забывайте все же никогда, товарищи, и в агитации, и в борьбе с большевиками ни того, что они уже сделали великое дело, что за границей весь мир поднимается под их флагами; ни того, что у нас и у большевиков общие враги и общие друзья»¹.

Однако в тот момент выступление против политики СНК объективно означало и выступление против проводимой большевиками политики. Большие надежды левые эсеры возлагали на предстоящий V Всероссийский съезд Советов. Выборы на него, которые происходили на местах, внушали основания для оптимизма. Предполагалось, что СНК и большевики, входившие в него, под натиском общественных настроений, выражаемых левыми эсерами, вынуждены будут изменить свою политику. Однако есть свидетельства, что уже до съезда в ряде мест левые эсеры совместно с другими партиями участвовали в восстаниях против большевистской власти. Немалый авторитет в этот период партии левых эсеров в деревне привел к тому, что в результате развернутой ими агитации в ряде губерний, в том числе Смоленской, Самарской, Саратовской, Витебской многие даже уездные Советы отказались от создания комитетов бедноты. Кое-где началась вооруженная борьба с комбедами, возглавляемая левыми эсерами².

V Всероссийский съезд Советов открылся 4 июля 1918 г. в здании Большого театра в Москве. Президиум съезда был избран на пропорциональных началах от каждой пар-

¹ История политических партий России. С. 364.

² См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VII. М., 1967. С. 392.

тии, участвовавшей в его работе. Председателем съезда стал Я.М. Свердлов.

С самого открытия началась острая схватка между большевистской и левозсеровской фракциями. По свидетельству участников, пока не было окончательно ясно, какое количество делегатов, кто, когда и откуда сможет прибыть, достаточно многочисленная и сплоченная группа делегатов левых эсеров решила взять инициативу в свои руки и повести за собой съезд. Левые эсеры подвергали обструкции буквально все предложения, выдвигаемые большевиками. Газета «Правда» от 5 июля 1918 г. откликнулась на это следующим образом: «Эсеры вели себя как заправские деревенские горлопаны на сельских сходках. Они так кричали, стучали, неистовствовали, что порой казалось, что их большинство... Их бессильная злоба на силу и влияние большевиков выливалась порой в форму грубых мелочных выхонок». О том, что происходило в зале, говорят и стенографические записи. «Председатель. ... Мне стыдно сказать, что ни на одном съезде Советов..., ни на одном заседании ЦИК, как ни разгорались страсти, не было такого..., чтобы в течение нескольких минут нельзя было никакими мерами восстановить порядок в зале... Если у вас есть хоть капля уважения к самим себе и уважения к съезду, прежде всего выражать... какие угодно чувства, по возможности, во-первых, членораздельно, чтобы можно было разобрать, в чем дело, а во-вторых, при вашем реве и крике, при всем желании лишить слова или предпринять что-нибудь... вы лишаете меня всякой возможности это сделать»¹.

Первое, на что были направлены усилия левых эсеров, – организовать срыв Брестского мира. Уже при оглашении приветствий съезду под видом приветствия от страдающей, оккупированной немцами Украины выступил А.Н. Александров. Пытаясь сыграть на революционно-патриотических чувствах делегатов, он призвал съезд принять решение о немедленной помощи разгорающемуся революционному восстанию на Украине, пойти на разрыв дипломатических отно-

¹ Пятый Всероссийский съезд... С. 17.

шений с Германией. Большевики, со своей стороны, противопоставили ему приветствие латвийского социал-демократа К.Х. Данишевского, который, не скрывая всей тяжести положения в оккупированной немцами Латвии, репрессий, обрушившихся на ее «порабощенный трудовой народ», не отрицая необходимости помощи со стороны Советской России, говорил об опасности начинать преждевременную борьбу. В частности, он сказал: «...силу империалистов может сломить лишь социалистическая армия, ее надо организовать, она еще неподготовлена, она еще не готова для этой борьбы, а неподготовленной бросить ее в дело нелепо и преступно. Еще не время это делать, а когда время придет и Советская рабоче-крестьянская Русь решится на вооруженную борьбу, то имейте ввиду, товарищи, что в Латвии подхватит ваш опыт небольшой, но стальной отряд коммунистов-борцов»¹. Как видим, в выступлении довольно ясно сквозит большевистская риторика в связи с Брестским миром, апелляция к идеям мировой революции, столь типичная для того времени.

При обсуждении повестки дня, предложенной ВЦИК, левые эсеры потребовали включения докладов с мест об отношении к последним декретам ВЦИК и СНК. М.А. Спиридонова призывала всех «кому эти декреты кололи спину, резали шею» поддержать ее партию². Левые эсеры как будто решили добиться удовлетворения всех своих прежних требований. Они добивались даже включения в повестку вопроса об отмене смертной казни для врагов революции, призывая отказаться от нее как наследия прежнего режима. Однако, как выяснилось, за большевиками стояло больше делегатов. В результате предложения левых эсеров были отвергнуты и утверждена повестка дня, предложенная ВЦИКом. В нее были включены следующие вопросы: 1. Отчет ВЦИКа и Совнаркома; 2. Продовольственный вопрос; 3. Вопрос об организации Красной Армии; 4. Принятие конституции РСФСР; 5. Выборы нового состава ВЦИКа. Большинством голосов съезд отклонил также

¹ Пятый Всероссийский съезд... С. 12–13.

² См. там же. С. 14.

предложение левых эсеров о создании мандатной комиссии на паритетных началах.

Первый доклад был сделан Л.Д. Троцким в качестве главного военного комиссара и в завуалированной форме содержал дискредитацию левых эсеров. Эту его направленность фактически выдал выступивший в прениях по докладу большевик Лашевич: «Мы желаем вам дать бой, и по этому и по целому ряду других вопросов»¹. Троцкий обращал внимание на недопустимость военной агитации в армии, которая спровоцировала ряд самовольных, вопреки директивам центральной власти столкновений отдельных частей и отрядов Красной Армии с немецкими войсками. Троцкий призвал к укреплению революционной дисциплины в армии, беспощадному подавлению всяких провокаций, угрожая расстрелами. За свое многословие, позерство и «яканье» был награжден из зала выкриком «Керенский!». В ответ с большевистских скамей немедленно прозвучало: «Долой закричавшего!»².

Страсти все более накалялись по мере того, как поочередно высказывались ораторы от большевиков или левых эсеров: Лашевич, Камков, Зиновьев, Спиридонова. Левые эсеры выступали в защиту агитационной деятельности своей партии, рожденной, как говорил Камков, «здоровой революционной психологией тех, кто не поддался на удочку передышки, и которые не поставлены на службу германскому капиталу, не поставлены на службу Вильгельму». Слово за слово, посыпались обвинения и препирательства по поводу событий недавнего прошлого, доходящие до откровенной брани. Любые аргументы большевиков о необходимости мира встречались откровенной насмешкой: «Мирбах не разрешает!»³.

По докладу была предложена резолюция, которая указывала на то, что решение вопросов о войне и мире принадлежит только Всероссийскому съезду Советов и установлен-

¹ Пятый Всероссийский съезд... С. 24.

² Там же. С. 21–22.

³ Там же. С. 23–24.

ным им органам центральной Советской власти: ЦИК и СНК, на необходимость беспощадной борьбы со всякого рода провокациями в прифронтовой зоне. Левые эсеры отказались участвовать в голосовании и покинули зал заседаний.

5 июля на втором своем заседании съезд заслушал отчетный доклад Свердлова о деятельности ВЦИКа. Докладчик указывал на трудности в работе, связанные с выходом из состава СНК левых эсеров, хотя, как он выразился: «Тот удар, на который, быть может, рассчитывали левые социалисты-революционеры остался совершенно незаметным для широких кругов Советской России, они не получили никакого расстройства, никакого хаоса в Советской работе, который был бы вызван этим уходом» Во ВЦИКе, продолжал оратор, где левые эсеры продолжали свою деятельность, большевикам приходилось вести с ними борьбу по многим важнейшим вопросам. Доклад содержал также обоснование исключения правых эсеров и меньшевиков из Советов. В нем затрагивались и другие проблемы, вызвавшие серьезные разногласия между большевиками и левыми эсерами: организация продовольственной диктатуры и комитетов бедноты в деревне, создание верховного органа судебной власти для борьбы с контрреволюционными элементами – Верховного революционного трибунала. «Революция в своем развитии, – говорил Свердлов, – вынуждает нас к целому ряду таких актов, к которым в период мирного развития мы бы никогда не стали прибегать. Мы исходили из того, что в переживаемый революционный период приходится действовать революционными, а не иными средствами»¹.

С содокладом о деятельности крестьянской секции ВЦИК выступила ее председатель Спиридонова. Пока большевики по отношению к деревне опирались на эсеровскую программу, говорила она, это было правильно. Но ... «когда началась политика старой социал-демократии, не та, которая диктуется законами революции, законами социального движения всех восставших трудящихся масс, – началась дикта-

¹ Пятый Всероссийский съезд... С. 44–49.

тура теории, диктатура отдельных лиц, влюбленных в свою теорию, в свою схему и свои книжки... – тогда мы стали отходить от большевиков и стали защищать крестьянство. И лично я, – характерно, что я сейчас выступаю перед вами как яростная противница партии большевиков, – я, которая с самого начала выхода из тюрьмы целиком спаялась с ними в борьбе, я в партии эсеров была без передышки и делала очень много (*смех*) для того, чтобы расколоть партию эсеров, чтобы отмежеваться от правых и сделать так, чтобы наша кучка, кучка левых эсеров, совершенно маленькая, ушла оттуда целиком, отряхая прах со своих ног. Я, связанная с крестьянством, вы знаете, как сильно, – я, с искренностью, в которой вы не можете сомневаться (*голос: нахалка!*), вы, тт. большевики, крестьяне... (*Шум справа, левые эсеры встают и устраивают овацию Спиридоновой*)... и когда крестьяне-большевики, левые эсеры и беспартийные обижены, растерзаны, растоптаны совершенно одинаково, в моей руке будут тот же револьвер, та же бомба, которые подвинули меня защищать... (*рукоплескания справа*)»¹.

Это не очень внятное место в докладе Спиридоновой достаточно ярко свидетельствует об эмоциональном накале аудитории и о неуравновешенном характере революционерки-террористки. Спиридонова, считая крестьянскую секцию ВЦИКа единственным органом, способным выражать крестьянские интересы в масштабе страны, выразила опасение (и небезосновательное), что большевики обязательно ликвидируют этот орган.

Она обвинила СНК в измене крестьянству, предательстве его интересов, в том, что продовольственная диктатура, комитеты бедноты всей своей сутью враждебны деревне. «... Этот декрет [о продовольственной диктатуре – *авт.*], – говорила она, – «страшно неудачен... Возьмите, тт. большевики-крестьяне, толстые книги марксистов, и вы поймете, почему на вас посылают карательные экспедиции. У меня есть ряд зафиксированных фактов, когда красноармейцы, приезжая с

¹ Пятый Всероссийский съезд... С. 55.

налету, с директивами сверху вносят в деревни панику и отбирают излишки, но отбирают не у кулаков. (*Шум.*)... Мы будем бороться на местах, и комитеты деревенской бедноты места себе иметь не будут. (*Шум, крики.*)»¹.

На том же заседании с отчетным докладом о деятельности СНК выступил В.И. Ленин. Главное, на что обращал внимание докладчик, необходимость сохранить мир. Он обвинял левых эсеров во лжи, в подтасовке фактов, в провокациях, говорил о бесповоротном разрыве с ними. Правильность политики СНК, говорилось в докладе, подтвердилась тем огромным шагом вперед к социализму, который сделала страна в период кратковременной мирной передышки, а также той поддержкой, которой пользовалась эта политика среди народных масс. «Уловить отдельные выкрики и бросить в народные массы призывы, которые равняются прекращению мира и бросанию нас к войне, это – политика людей совершенно растерявшихся, потерявших голову...»

Далее Ленин остановился на завоеваниях, якобы достигнутых в результате мирной передышки, больше однако призывая обеспечить переход социализма «из области догмы, книжки в область практической работы». Ленин полностью оправдывал политику продовольственной диктатуры и грозил в связи с этим левым эсерам, что крестьянство отвернется от них².

В выступлении по докладу Ленина Камков назвал большевиков «лакеями германского империализма». Он говорил, что комбеды, это «комитеты деревенских лодырей», а настоящее «беднейшее крестьянство объединено и кровно спаяно с трудовым крестьянством». Насаждение комбедов большевиками он назвал контрреволюцией и обвинял СНК в том, что посылая в деревню продотряды, оно, по существу, грабит ее, возбуждая тем самым вражду между рабочим классом и крестьянством, так как, по его утверждению, «в отряды из центра идет не передовая часть рабочих наиболее сознательных, а те, кто хочет грабить деревню». «Мы, – говорил Камков, – из Со-

¹ Пятый Всероссийский съезд... С. 59.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 496–501.

ветов не уйдем, и вам не под силу, т. Ленин, нас выбросить. (*Шум, аплод.*)»¹.

Выступление Зиновьева от имени питерских рабочих почти целиком было посвящено оправданию деятельности продотрядов. «Туда, – говорил он, – идут представители красноармейских частей, туда идут лучшие рабочие, которые призваны возглавить борьбу с голодом в стране, вырвать хлеб у кулаков». Вместе с тем он признал, что продотряды направлялись специально, чтобы провести «классовую размежевку деревни», т. е. умышленно внести в нее атмосферу вражды и социального противоборства².

Представитель эсеров-максималистов Светлов говорил о том, что, хотя его партия во многих вопросах внутренней политики (уничтожение спекуляции путем утверждения государственной монополии на хлеб, введение трудовой повинности и пр.) согласна с принятыми декретами, однако за истекший с момента революции период сделано крайне мало для построения социализма. Сложившийся строй он назвал «ублюдочным», в котором «совершенно нет жизнеспособных, здоровых, творческих, начал... За эти три месяца [после заключения мира – *авт.*] ничего абсолютно не сделано ни в одной области хозяйственной жизни, чтобы можно было сказать: «сделано мало, но зато положительно.» В отличие от левых эсеров, Светлов признал, что с помощью продотрядов большевикам удалось в какой-то мере облегчить голод, но заявил о расхождении с ними на принципиальной почве. «Когда будет новый урожай, – спрашивал он, – неужели вы будете его выжимать штыками? Это сильное средство, но как и всякое сильное средство нужно давать в дозах, чтобы не причинить смерть.» Как известно, реквизиции продовольствия продолжались еще три года, действительно, поставив советскую власть на грань полного краха на исходе «военного коммунизма» и послужив одной из причин опустошительного голода 1921 г. Поразительно, что отметив бесперспективность проведения подобной политики, Светлов в качестве

¹ Пятый Всероссийский съезд... С. 74–76.

² Там же. С. 77–79.

панацеи от всех бед не нашел ничего лучшего как введение всеобщей трудовой повинности, т. е. принудительного труда¹.

Неожиданный оборот принял затронутый на съезде вопрос об отмене смертной казни со стороны анархиста А.А. Карелина: «... нельзя казнить смертной казнью тех ..., которые стали уголовными преступниками. Если какой-нибудь рабочий живет ... бедной тяжелой жизнью, если при этом он пьет еще, если его жена, обремененная тяжкой жизнью, мало обращает внимания на своих детей, заботясь только о том, чтобы они были сыты, если она бьет и колотит ребят, то родившийся в этой семье несчастный ребенок не получает ни образования, ни воспитания, и растет, не понимая, что добро, что зло. Едва он подрос его, дома знавшего уже побои и ругань, отдают «в учение» ремесленнику и там его кормят не столько пищей, сколько колотушками, не столько учат, сколько мучат. Он не видит светлых дней и легко становится рабом случайных несчастий. Наступает безработица, его выбрасывают на улицу. Он на каждом шагу видит роскошь магазинов, блестящие витрины, горы съестных припасов и, мучимый голодом, легко теряет голову. В течение всей своей краткой жизни он не слышал ни одного доброго слова. Он крадет, что попало под руку, попадает в тюрьму. Там, в этом университете преступников, его обучают воровству уже специалисты. Там заключенные рецидивисты гордятся удачными преступлениями. Он выходит оттуда, но ему всюду отказывают. Снова начинается голод, и сбившийся с толку человек бросается к своим тюремным знакомым и доходит, под их руководством, до крупного преступления. И если мы казним его смертной казнью, если убиваем его, то делаем глубоко несправедливый поступок, хотя бы потому, что он – жертва социальной среды...².

Подобные жалостливые речи, лежащие в стороне от обсуждения на съезде политических страстей, не встретили

¹ Пятый Всероссийский съезд... С. 82–84.

² Там же. С. 85.

поддержки разъяренной аудитории, и оратора фактически со-
гнали с трибуны.

Нападки на большевиков продолжили левые эсеры Д.А. Черепанов и В.А. Карелин, называя их обманщиками, «людьми не от трудящихся, не от трудового крестьянства и пролетариата», «теоретиками с берегов Женевского озера». По мнению Карелина, российское крестьянство таило в себе «неисчерпаемый источник оптимизма, веры в победу, желание сражаться и полное отсутствие гнилой передышечной психологии...»¹.

В заключительном слове по своему докладу Ленин, которого, видимо, задело обвинение в отсутствии реальных фактических дел по строительству социализма, сослался на только что (28 июня) принятый декрет о национализации. Он также сообщил, что в результате введения продовольственной диктатуры Наркомпрод сумел заготовить 1 миллиард пудов хлеба, что правительство успешно борется со спекуляцией, упирал на то, что крестьянство снабжается мануфактурой и т. п.².

Съезду были предложены две резолюции по отчету о деятельности ВЦИК и СНК. Первая – большевистская, которая полностью одобряла внешнюю и внутреннюю политику Советского правительства, мероприятия центральной власти в продовольственной проблеме и организации деревенской бедноты. Резолюция определяла организованную деревенскую бедноту главной силой, способной подавить саботаж кулачества. Резолюция постановляла также беспощадное подавление контрреволюционных действий буржуазии, ее агентов, правых эсеров и меньшевиков, которые «не останавливаются перед открытыми сделками с иностранными империалистами, перед убийствами из-за угла вождей социалистической революции, перед организацией голодных бунтов и черносотенных стачек... Массовым террором против бур-

¹ Пятый Всероссийский съезд... С. 93–94.

² Там же. С. 96–97.

жуазии должен ответить революционный пролетариат и беднейшее крестьянство на эти преступные попытки»¹.

Вторая резолюция, составленная левыми эсерами, констатировала бесполезность Брестского мира и «передышки», которая «все более и более ослабляет силы революции, задерживает рост революционного движения в Германии и Австрии, создает иллюзию победы германского империализма. Мир создал лишь условия для захвата им новых областей и извлечения оттуда необходимых ресурсов, для восстановления там господства самых реакционных сил буржуазии. СНК фактически сдает позиции, став на путь капитуляции и прогерманской ориентации.

Во внутренней политике, говорилось в резолюции, правительство фактически отказывается от решительного и безоговорочного проведения главнейших задач революции и, прежде всего, социализации земли. Обострение голода есть результат политики германского империализма, прервавшего поток продовольствия из хлебобродных областей. Безудержная централизация, увенчавшая систему бюрократических органов диктатуры, применение реквизиционных отрядов, действующих вне контроля и руководства местных Советов, культивирование комитетов бедноты, от участия в которых могут быть отстранены элементы трудового крестьянства, но двери которых открыты для неустойчивых в революционном отношении и даже контрреволюционных элементов деревни, – все эти меры создают поход на Советы крестьянских депутатов, вносят путаницу в классовые отношения деревни. Бюрократический, слепой централизм, проводимый СНК, также является прямым следствием его политической линии, вносящей разложение в советскую среду, угашающей революционную инициативу. Как следствие взаимного озлобления, обязательная, решительная борьба с врагами революции вырождается в худший вид террора, проводимого правительством. Брестская капитуляция и связанные с нею действия создают благоприятную почву для изменнической демагоги-

¹ Пятый Всероссийский съезд... С. 98.

ческой работы правых социалистов, под лозунгами Учредительного собрания готовящих приход буржуазной контрреволюции.

В резолюции предлагалось без промедления разорвать Брестский договор. Вместе с тем, как было сказано, «стоя непреклонно на признании Советской власти как единственно органической формы государства трудящихся», левые эсеры призывали V съезд Советов выразить недоверие внешней и внутренней политике СНК¹.

Как видим, резолюция, предложенная левыми эсерами, целиком была выдержана в духе революционной фразеологии и строго придерживалась принципов советской власти. Поэтому обвинения левых эсеров в контрреволюционном антисоветском мятеже, о которых постоянно твердила советская историография, не имеют никаких оснований. Однако, проповедуя принцип легитимности советской власти, левые эсеры впали в противоречие, в сущности отказавшись подчиниться решению большинства на главном представительном форуме республики, которое на предварительном голосовании высказалось за большевистскую резолюцию, и пошли на попытку смены власти вооруженным путем. Мятежный дух эпохи, отсутствие способности решать вопросы демократическим путем, старые эсеровские традиции сделали свое дело. Не меньшая доля вины лежит и на самих большевиках, их нетерпимости, неспособности воспринимать никакой, даже элементарной критики, о чем свидетельствует предложенная ими резолюция. Революционный фанатизм, политическая демагогия, характерные для наступления «века идеологий» в равной степени захватили тех, кто поднимался на трибуну. Классовая фразеология, безответственные призывы к террору, войне, в том числе гражданской, делали свое дело.

В современной литературе высказывается точка зрения, что события в Москве 6–7 июля 1918 г. не были вооружен-

¹ Пятый Всероссийский съезд... С. 98–100.

* Предварительным голосование было постольку, поскольку еще не была утверждена мандатная комиссия съезда и не были окончательно подтверждены полномочия делегатов.

ным мятежом левых эсеров. В убийстве террористами Блюмкиным и Андреевым германского посла по указанию своего ЦК не было, по мнению некоторых авторов, ничего мятежного. Замысел состоял в том, чтобы покушением на Мирбаха – старой эсеровской тактикой – поставить правительство перед свершившимся фактом разрыва Брестского договора. И самое главное при этом, как считают эти авторы, что левые эсеры не предусмотрели реакцию большевиков, которые, встретившись с нарушением воли съезда Советов, обнаружили решительность и последовательность. Вечером 6 июля они арестовали всю левоэсеровскую фракцию на съезде, а утром 7 июля разгромили отряд Попова, где укрывалась большая часть ЦК ПЛСР¹.

Подобная точка зрения, конечно, имеет право на существование. Более того, доклад Троцкого на третьем заседании V съезда 9 июля, полностью посвященный анализу событий предшествующих дней, поначалу вроде бы свидетельствует в пользу этой точки зрения. Левым эсерам прежде всего вменялась в вину попытка с помощью убийства Мирбаха сорвать мирное соглашение. «Это убийство, – говорил Троцкий, – явилось бессмысленным и бесчестным насилием над той политикой, которую проводит Всероссийская Советская власть. Это самое убийство было совершено путем аппарата Советской власти. Мы имели акт, не похожий на старые террористические акты лучших борцов партии эсеров... Эсеры объявили себя советской партией. Я говорю о так называемых «левых». Они входили в советские учреждения... и для совершения террористического акта они использовали не свой партийный аппарат, не свои личные силы, они бесчестно действовали из недр советской организации и имели своей задачей обеспечить здесь свои планы, используя советские учреждения, или учреждения, стоящие по охране советских учреждений [имеется в виду ВЧК и прежде всего Блюмкин, отвечавший, кстати, по этой линии за безопасность германского посольства – *авт.*], выкрали оттуда документы, подде-

¹ См.: История политических партий России. С. 365–366.

лявая подписи лиц, в подчинении которых они были, для того чтобы проникнуть в здание германского посольства ... и производят свой террористический акт. Для чего? Для того, чтобы убийством германского посла бросить тяжелый аргумент на ту чашку весов, которая гласит: война».

Вместе с тем, указывал Троцкий, «повинуясь той логике положения, в которое они сами себя поставили, эта группа действовала, насколько мы можем судить, за спиной девяти десятых своей партии, эта группа оказалась вынужденной немедленно развернуть прямое восстание против Советской власти»¹.

С подобной трактовкой левозэсеровского выступления можно согласиться, за исключением оценки его как антисоветского. Подобный прием дискредитации оппозиции, выражаемый тезисом: «кто не с нами, тот против нас» стал с тех пор неотъемлемой чертой большевистского менталитета и применялся к любой форме проявления инакомыслия. Точно так же после этого даже ближайшие соратники по партии зачислялись в разряд антипартийных, антибольшевистских, антикоммунистических и т. д. сил.

Каким бы ни было вооруженное выступление: вынужденным или намеренным, оно не перестает от этого быть таковым, как бы его ни называли – мятежом, путчем, восстанием или как-либо иначе. Подробное описание происшедших в ходе его событий содержится во многих источниках и литературе. Дается оно и в докладе Троцкого, и нет особой нужды останавливаться на отдельных фактах, а сосредоточить внимание главным образом на различных суждениях и оценках по поводу происшедшего. Отметим лишь, что подтверждением этой точки зрения является циркуляр, разосланный Прошьяном 6 июля с временно захваченного телеграфа о том, что власть в Москве переходит от большевиков к левым эсерам, и разосланные на места телеграммы, предписывающие не выполнять распоряжений СНК.

¹ Пятый Всероссийский съезд... С. 105–107.

Шумные и многословные эскапады Троцкого в адрес левых эсеров в его выступлении на съезде закончились заявлением о конце этой партии: «...та партия, которая могла быть так безумна, так бессмысленна со своей маленькой кликой, кучкой, что стала против воли и сознания подавляющего большинства рабочих и крестьян, – эта партия убила себя в день 6 и 7 июля навсегда. Эта партия воскрешена быть не может»¹.

Безусловно, что удар, нанесенный мятежом, оказался огромным. Практически сразу же стала распадаться мощная и единая политическая партия, лишенная своего руководства, которое было арестовано и отправлено в тюрьму. Первой раскололась левоэсеровская фракция V съезда, которой, кстати, не было позволено дальше участвовать в его работе. Одна часть фракции поддержала решения своего ЦК, другая дистанцировалась от них, назвав себя «фракцией независимых левых социалистов-революционеров», третьи поспешили перейти на сторону победителей. То же самое творилось в низовых организациях партии и в советских органах. В адрес съезда стали поступать телеграммы, осуждающие мятеж. С одной из них от имени Елецкой организации ПЛСР ознакомил съезд Н.А. Рославец.

Об отношении к левоэсеровскому выступлению было предоставлено слово представителям других партий. Его осудили: от имени анархистов – Гарин, от имени левого крыла партии Дашнакцутюн – Нур-Джанианц, от имени меньшевиков-интернационалистов – Лозовский. Последний в своем выступлении сказал: «вопрос, который сейчас волнует не только наш Съезд, но волнует сейчас и провинцию, волнует сейчас все местные Советы, волнует весь пролетариат, мы не должны все-таки перегибать палку здесь и устраивать то, чего устраивать не следует: мы не должны забывать, что в то время, когда здесь, с трибуны, судят всю партию левых эсеров, 500 делегатов этой партии заключены в тюрьму и их здесь нет. Я думаю, что если бы представители Советской

¹ Пятый Всероссийский съезд... С. 113.

власти и Совета Народных Комиссаров понимали то, что они делают, они должны были пустить их на этот съезд, пусть они открыто объясняют мотивы своих действий.

Конечно, можно торжествовать и клеймить тех, кого здесь нет, можно называть жалкой и бесстыдной эту самую попытку. Да, она жалкая, да этот акт безумен, да, он заслуживает резкого и категорического осуждения (*возглас: «Смерть им!»*), но нужно иметь в виду, что то, что сейчас ... делают представители правящей партии, не менее бессмысленно, чем самый акт. Прочтите вы сегодняшние «Известия ЦИК» и в статье, подписанной Р.Д., утверждается, что партия левых эсеров является действительной наследницей Азефа и азефовщины. Это говорят против целой партии, а не против действий отдельных лиц...»¹.

Подводя итог обсуждению своего доклада, Троцкий произнес целую речь, в которой с позиций железного и непоколебимого революционера, заклеил партию левых эсеров и ее защитников на съезде. Троцкий прямо указал, что арест фракции левых эсеров нельзя считать ответом на террористический акт ее представителей. Вооруженное восстание, возглавляемое ЦК партии, могло иметь своих сторонников среди представителей фракции, именно поэтому изоляция ее была необходима в такой момент. Троцкий предложил всем представителям партии открыто заявить о несогласии с ее ЦК, отмежеваться от него и перейти на сторону советской власти. Пожалуй, больше всего поражает самоидентификация самого Троцкого и большевиков с пролетариатом, равно как ранее левых эсеров – с обиженной деревней, хотя, как мы могли выше убедиться, никаких принципиальных различий в составе двух партий не было. Но теперь, после поражения левых эсеров, важно стало отлучить последних от крестьянства и определить их даже не как партию, а как мещанскую, интеллигентскую и мелкобуржуазную группу, далекую от истинных интересов трудящихся не только России, но и всего мира. Этому была посвящена значительная часть выступ-

¹ Пятый Всероссийский съезд... С.

ления Троцкого. Надо отдать ему справедливость, оно было удачным и по-настоящему воодушевило аудиторию. Власть, – говорил оратор, – это не клуб и не митинг, это – государственная организация. Расстрел Александровича он квалифицировал как необходимый акт в ответ на государственную измену. Будучи заместителем Дзержинского в ВЧК и возглавляя комиссию по расследованию нитей заговора против Мирбаха, Александрович сделал эту комиссию орудием убийства германского посла. «Он был революционер, – говорил Троцкий, – и мне рассказывали, что он умер мужественно. Он был революционер, но дело здесь идет не о личной оценке, а о работе власти, которая хочет существовать... Это жестоко? Жизнь – вещь жестокая вообще, и революции, как говорил старый революционер Мирабо, не делаются маслом». Постепенно в выступлении Троцкого вырисовывалось и кредо большевистской нетерпимости: «Сегодня критика, а завтра – гражданская война. Мы ее не хотим... Мы всюду дадим один лозунг»¹.

Можно, конечно, сослаться на специфическую обстановку, на необходимость мобилизации сил, железной дисциплины, однако без критики политическая жизнь умирает, и через пять лет самому Троцкому придется не раз испытать на себе удары системы, которую он же сам насаждал.

На съезде была принята резолюция, предложенная коммунистами. Резолюции других партий даже не ставились на голосование. В ней говорилось, что пятый съезд Советов полностью одобряет политику СНК, направленную на ликвидацию преступной и безумной авантюры левых эсеров поставивших страну перед непосредственной опасностью новой войны. В отношении самой этой партии было сказано, что поскольку отдельные ее части солидаризировались с ее ЦК, им не может быть места в Советах рабочих и крестьянских депутатов. Подобные резолюции были сразу же приняты рядом местных Советов: Архангельска, Курска, Воронежа и многих других городов².

¹ Пятый Всероссийский съезд... С. 129–131.

² См.: Пятый Всероссийский съезд... С. 208–209, 222–230.

В отсутствие сколько-нибудь серьезной оппозиции работа съезда покатилась, как по маслу: фактически без обсуждения важных вопросов, по которым левые эсеры готовились дать бой. Механизм однопартийной диктатуры заработал. Вечером 9 июля Пятый Всероссийский съезд Советов заслушал доклад народного комиссара по продовольствию А.Д. Цюрупы о продовольственном положении в стране. В докладе подчеркивалось, что только дальнейшее проведение в жизнь мероприятий СНК может спасти десятки тысяч людей от голодной смерти. Комитеты бедноты, как отмечалось в докладе, являются опорой для проведения в жизнь декретов советской власти по продовольственному вопросу. Говорилось также об огромной роли продотрядов, во многом решающих проблему выхода России из продовольственного кризиса. Направление их в деревню – это, безусловно, вынужденная мера, так как, указывал докладчик, они посылаются только туда, откуда поступает сигнал об полном отказе кулаками от поставок государству хлеба. Опровергая версию левых эсеров о «карательном» характере продотрядов, Цюрупа указал на тот факт, что их посылают не только за хлебом, их снабжают товарами для выгодного крестьянам товарообмена. И, наконец, – указывал он, – продотряды формируются в центре из людей, тщательно подбираемых, с рекомендуемых партийными, профессиональными организациями, советскими учреждениями. «Мы (большевики) на эти отряды смотрим не только как на военную силу, мы видим в этих отрядах людей, которые идут в деревню, хотя и вооруженными, но в то же время это те агитаторы, которые будут пропагандировать в деревне, которые понесут в деревню наши идеи»¹.

Выступления по докладу выразили полную солидарность делегатов съезда с продовольственной политикой советской власти. Прения были прекращены под предлогом, что вопрос уже неоднократно затрагивался съездом. Против резолюции, одобряющей продовольственную диктатуру, голосовал лишь один делегат.

¹ Пятый Всероссийский съезд... С. 144.

Последнее свое заседание 10 июля 1918 г. съезд начал с доклада мандатной комиссии, который был без прений и единогласно утвержден. Затем снова слово было предоставлено Троцкому, ставшему записным оратором съезда. На сей раз он выступил с докладом об организации Красной Армии. В нем излагались принципы, на которых должно было строиться советское военное строительство. Троцкий обосновал переход от добровольческого принципа к обязательной всеобщей воинской обязанности для граждан Советской России. Заочно полемизируя с левыми эсерами о возможности обороны страны партизанскими дружинами, своим выступлением Троцкий положил начало своей борьбы с «партизанщиной», которой прославился в последующие годы, осуществляя эту борьбу самыми крутыми и жестокими способами. Возвращение к партизанским отрядам есть скачок чуть ли не на целое столетие назад, – утверждал он, – без централизма мы ничего не создадим ни в военной, ни в продовольственной, ни в других областях.

Для создания действенной армии, говорил Троцкий, помимо централизма военного административного аппарата необходима еще дисциплина, основанная на том, что каждый крестьянин, входящий в состав армии, сознавая себя личностью, достойной уважения, в «то же время при всех условиях сознавал бы себя частью трудового класса республиканской России и везде был бы способен свою жизнь приносить в жертву во имя этой Советской республиканской России».

Троцкий обосновал также привлечение на сторону советской власти военных руководителей и специалистов, одновременно не забывая о подготовке «нового командного состава из среды тех классов, которые теперь призваны к власти»¹.

Съезд единогласно принял резолюцию об организации Красной Армии, которая говорила о необходимости создания «крепкой революционной армии, способной сокрушить буржуазно-помещичью контрреволюцию и дать отпор натиску

¹ См.: Пятый Всероссийский съезд... С. 169–175.

империалистских хищников». Резолюция подтвердила необходимость строгой централизации военного аппарата в стране, недопустимость «случайных формирований, произвольных отрядов, кустарного строительства».

В деле укрепления дисциплины в армии съезд признал важной мерой учреждение института военных комиссаров, являющихся «блестителями тесной и нерушимой внутренней связи Красной Армии с рабочим и крестьянским режимом». Причем, резолюция подчеркивала, что выдвижению на посты военных комиссаров подлежат только «безупречные революционеры, стойкие борцы за дело пролетариата и деревенской бедноты». Военные комиссары назначались также ответственными лицами в воспитании нового командного состава, организации сети инструкторских школ. Съезд обязал все советские учреждения, профессиональные фабрично-заводские организации содействовать проведению обязательного военного обучения рабочих и крестьян (всеобщ)¹.

Следующим вопросом повестки дня было принятие первой советской Конституции. Еще до съезда на заседании ВЦИК 1 апреля 1918 г. была образована Конституционная комиссия, в состав которой вошли большевики (Свердлов, Сталин, Покровский), левые эсеры (Молеровский, Шрейдер), максималисты (Бердников) и представители наркоматов. Председателем комиссии был назначен Свердлов, заместителем – Покровский, секретарем – Аванесов. Подготовка проекта конституции продолжалась с апреля по июль 1918 г. и сопровождалась спорами между представителями советских партий. На съезде по этому проекту должна была развернуться острая схватка между фракциями большевиков и левых эсеров, однако арест последней значительно облегчил его принятие. В предложениях левых эсеров, вынесенных на рассмотрение комиссии, проводились различные идеи. Одна из них – децентрализация управления страной, уравнивание прав городских и сельских избирателей. Представитель Наркомюста Рейнгартен предлагал проект федеративного уст-

¹ См.: Пятый Всероссийский съезд... С. 180–181.

ройства страны, объявляющий самостоятельными федерациями профессиональные союзы трудящихся. По идее левых эсеров устройство Советов должно было быть близким старым земским учреждениям.

По идее представителя Наркомюста М.А. Рейснера, национальный принцип построения Российской Федерации считался уже изжитым и предлагался учет только экономико-географического фактора. Левые эсеры предлагали существенно повысить роль Советов как представительных органов, ограничить роль СНК. Все эти предложения не вошли в содержание проекта.

От имени редакционной комиссии на съезде с докладом по проекту конституции выступил Ю.М. Стеклов. Комментируя разделы проекта, он выразил уверенность в том, что избирательный закон, лишаящий избирательных прав буржуазию, встретит поддержку трудящихся. В докладе подчеркивалось, что власть в Советской России должна принадлежать только трудящимся, только рабочему классу и беднейшим крестьянам, и должна быть бесповоротно отнята от всех, кто живет эксплуатацией чужого труда.

Обсуждение проекта Конституции лишь в малой степени отразило те дискуссии, которые шли в ходе его подготовки. От имени партии эсеров-максималистов Полянский предложил ряд поправок. Он обратил внимание на неравенство в системе представительства в высшем органе власти Советской Республики, на съезде Советов и предложил распространить одинаковую избирательную норму (1 депутат на 20 тыс. избирателей или 100 тыс. жителей) как на город, так и на село. Учитывая многоступенчатый характер формирования состава Всероссийского съезда Советов, Полянский предложил сделать центральным его звеном не губернские, а уездные съезды Советов с тем, чтобы на высшем форуме «низы» были представлены «наиболее прямо и непосредственно». Он предложил также расширить массовую базу съездов, предоставив право избрания делегатов профсоюзным, кооперативным и культурным организациям, дабы привлечь к управлению «людей опыта советского строительства и го-

сударственного опыта нового порядка». Полянский предложил конституционно закрепить коллегиальность в руководстве советскими учреждениями, выступив против усиливающейся тенденции к единоначалию и персональной ответственности. Еще одна поправка, вносимая максималистами, предлагала устранить разнобой в названии Советов (рабочих, крестьянских и т. д. депутатов), заменив его одним понятием «Советы трудовых депутатов», именуя впредь верховный орган власти в стране Съезд Трудовых Советов. Полянский предложил также заменить название Российская Федерация как несоответствующее данному историческому моменту на Всероссийскую Трудовую Коммуну. По мнению Полянского социалистическое государство не является государством в полном смысле слова, и название Коммуна точнее отражает сущность той общественной организации, которую создала социалистическая революция¹.

Предложения максималистов в какой-то мере были созвучны идеям, высказываемым левыми эсерами, поэтому для большевиков они оказались неприемлемыми. Аргументируя это, Стеклов указывал, что нельзя допускать несправедливости по отношению к городу, где выборы по числу избирателей являются более удобными, так как в них сосредоточено преимущественно взрослое население. Вопрос о нормах представительства в изложении Стеклова оказался крайне запутанным. Лишь впоследствии выяснилось, что они обеспечивают более чем трехкратное преимущество городу перед деревней в отношении выборов делегатов в высшие органы власти. Однако большевики не спешили устранить эту несправедливость, оправдывая ее необходимостью осуществления пролетарской диктатуры. Это стало впоследствии одной из причин недовольства крестьянства советской властью, которые справедливо полагали, что диктатура, в условиях устранения других классов, проводилась прежде всего по отношению к ним.

¹ Пятый Всероссийский съезд... С. 191–193.

Не очень вразумительным было возражение Стеклова против того, чтобы уездные съезды Советов стали главным звеном при выборах на Всероссийский съезд. Он выдвинул сомнительный аргумент, что собирающиеся на губернский съезд делегаты лучше знают друг друга и скорее найдут подходящего человека¹. Но известно, что именно губернские съезды при существующих избирательных нормах позволяли большевикам отсеивать нежелательные для них элементы и проводить свою диктатуру. Правильно подчеркнув «страшную пестроту» состава первых съездов Советов, Стеков возразил против выборов на них делегатов от других организаций, помимо Советов. По его мнению, существующая система выборов вполне позволяет проводить на съезд и ЦИК так называемых «людей опыта», и был совершенно прав. Вопрос, однако, состоит в том, какого опыта? Стеков опровергал и другие поправки, выдвинутые максималистами. «Коммуна, – говорил он, – это община, город, поселение, но не совокупность таковых в национальных рамках». Кроме того, решение об исключении термина «государство» по отношению к строящемуся социалистическому обществу было бы, по меньшей мере, несвоевременным. Об изменении названия в будущем «позаботится сама жизнь» – утверждал он². Жизнь, однако, «позаботилась» о совершенно другом: об укреплении государственных начал в развитии советского общества.

Отложив поправки максималистов в редакционный портфель, съезд единогласно принял предложенный большевиками текст Конституции «в общем и целом».

Отголоском происшедшей в период съезда схватки между большевиками и левыми эсерами стал вопрос об избрании нового состава ВЦИКа. Перед его обсуждением оставшиеся в зале представители ПЛСР попросили сделать перерыв, чтобы «сговориться о декларации и о выборах в ЦИК».

Заявление от фракции огласил Г.Д. Закс, один из наиболее последовательных сторонников союза левых эсеров с

¹ См.: Пятый Всероссийский съезд... С. 194.

² См. там же. С. 195.

большевиками, впоследствии организатор партии народников-коммунистов.

От имени левых эсеров, оставшихся на съезде, Закс осудил случившуюся историю. В то же время вопрос о поведении всей партии он призвал расследовать объективно, так как все то, что произошло, является плодом известных ошибок, «глубокого, мучительного, трагического положения». В созданную для этой цели комиссию он предложил включить представителей всех советских партий. Обвинение своего ЦК в попытке захватить власть он назвал несправедливым, потребовал освобождения арестованных членов фракции, предоставления им известного количества мест в новом составе ВЦИКа на основе пропорционального представительства. Он призвал не начинать гонений против левых эсеров на местах, сообщив, что там уже складывается «невозможное положение». Съезд, по его мнению, должен принять на этот счет специальное постановление. В заключение Г.Д. Закс выразил уверенность, что партия левых эсеров будет вместе со всеми и далее бороться за советскую власть против контрреволюции¹.

В ответ на это заявление председатель съезда заверил, что большинство из заключенных и задержанных, непричастных к выступлению 6 июля, будет «завтра, самое позднее послезавтра» освобождено. Преследованию же будут подвергаться те организации, которые целиком и полностью будут солидаризироваться со своим ЦК. Для делегатов левых эсеров, несолидарных с ним, во ВЦИКе будет предоставлено соответствующее количество мест².

Было постановлено, что депутаты в состав высшего исполнительного органа будут избираться в расчете 1 депутат на 5 делегатов съезда, а не 6, как было ранее. Однако результаты выборов показали, что ни о каком пропорциональном представительстве в составе нового ВЦИКа речи и быть не может. Из 200 депутатов большевики получили 157 мест (78,5%), левые эсеры – всего 11 мест (5,5%). Недовыбранны-

¹ См.: Пятый Всероссийский съезд... С. 196.

² См. там же. С. 197.

ми остались 26 мест¹. Даже с учетом того, что все они принадлежат левым эсерам, не подавшим заявления, осуждающими действия своего ЦК, все равно пропорциональность в представительстве (18,5%) была явно не соблюдена, если сопоставить ее с данными о составе съезда, что свидетельствует о политических махинациях со стороны большевиков.

Закрывая съезд, Я.М. Свердлов говорил о всемирно-историческом значении съезда. Выступлению левых эсеров также был придан огромный масштаб. «Нам долго, – говорил оратор, – придется залечивать те раны, которые нанесены авантюрой левых эсеров и которые она нанесла советским учреждениям и советской работе. В то же время он призывал отнестись к тому, что произошло, объективно, не нагнетать страсти, а предоставить левым эсерам вести ту работу, которую они честно выполняли до сих пор. Нельзя, говорил оратор, «отбрасывать от себя искренние советские элементы» ввиду растущей угрозы со стороны контрреволюционных сил, когда «мы должны сплотить всех тех, кто только в состоянии защищать Советы, кто истинно хочет отстаивать Советы... Поэтому позвольте предложить вам принять за правило, чтобы на местах возможно осторожнее ликвидировать авантюру и ее последствия, которые затеял ЦК партии левых эсеров, и призываю вас к дружной работе с теми левыми эсерами, которые подчиняются решениям Съезда Советов...»².

* * *

V Всероссийский съезд Советов имел огромное историческое значение. Он заложил основы той советской государственности, которая просуществовала потом почти два десятилетия. Съезд стал важной вехой в становлении однопартийной диктатуры большевиков, положив начало ликвидации не только антисоветских партий, но и выдворению из политической жизни тех из них, которые в своей программе и тактике смели выражать идеи и взгляды на развитие советского

¹ См.: Пятый Всероссийский съезд... Приложение.

² Там же. С. 200.

общества, отличные от большевистских. Полностью определились и методы, с помощью которых правящая партия достигала этой своей цели, не исключая вооруженного подавления, арестов, дискредитации, шельмования и пр. Впереди были еще другие средства, но логика их использования лежала в том же русле, которые выработались и сложились в первые месяцы после революции.

После V Всероссийского съезда Советов широко развернулась «большевизация» всех органов и учреждений Советской республики. Ни о каком сотрудничестве, которое обещал Свердлов, не шло и речи. РКП(б) полностью переориентировалась на силовые методы борьбы за удержание власти, решая уже определившимися и законодательно закреплёнными на съезде методами. Параллельно развернулась милитаризация всей общественной жизни республики, важным элементом которой стало не только строительство Красной Армии, но и вооружение продотрядов, складывающихся уже в продовольственную армию, партийных организаций и партийных комитетов. Продолжалось изгнание из Советов представителей других партий, в том числе левых эсеров, причисляемых к «врагам народа» и советской власти. Партийные директивы превращались в форму боевых приказов, подлежащих беспрекословному выполнению как «революционного долга». Любые жестокости по отношению к противникам и оппозиционерам стали находить морально-правовое оправдание и выступать даже хорошим свидетельством революционной стойкости и беспощадности. Разворачивался маховик «красного террора», приобретший осенью того же года неконтролируемый размах. Делегаты последнего IV левоэсерского съезда, собравшегося в октябре 1918 г., рассказывали о вопиющих фактах беззакония при изгнании левых эсеров из местных советских органов.

Несмотря на ряд побед, достигнутых Красной Армией осенью 1918 г., обстановка в стране продолжала ухудшаться. Беззаконие, произвол, ожесточение в стране продолжали нарастать. Это вынудило большевиков внести некоторые коррективы в проводимую ими политику, что отчетливо обна-

ружилось к моменту созыва следующего VI Всероссийского съезда Советов в ноябре 1918 г.

Фактически это был первый съезд однородный в партийном отношении, так как большевики составили 98 % делегатов. Съезд вынужден был заговорить о необходимости соблюдения «революционной законности». Все граждане республики и должностные лица призывались соблюдать ее законы, предоставлялось право обжалования любого нарушения гражданских прав со стороны властей. Съезд выразил готовность идти на компромисс с теми слоями советского общества, которые могли стать потенциальными союзниками в борьбе с «буржуазно-помещичьей контрреволюцией». Съезд утвердил также «амнистию» всех задержанных ВЧК без предъявления обвинения, а также всех «заложников», содержащихся в заключении. Съезд постановил ликвидацию комбедов, тем самым частично признав правоту левых эсеров. Официально это объяснялось тем, что комбеды выполнили свою роль, осуществив классовое расслоение деревни, но, видимо, главной причиной их роспуска было массовое недовольство ими со стороны крестьянства. Функции комбедов были переданы Советам, правда в них уже, после изгнания левых эсеров, полностью хозяйничали большевики. Советы, вместе с другими чрезвычайными и не чрезвычайными органами, стали ответственными за проведение политики продразверстки, ставшей главным элементом политики «военного коммунизма», контуры которого вырисовывались все более явственно. В связи с революцией в Германии было вынесено постановление об аннулировании Брестского договора, служившего сильным раздражителем для общественного мнения в стране.

А что же левые эсеры? От удара, нанесенного партии на V съезде, она уже не могла оправиться. Партия продолжала разваливаться, а основной ее стержень – ПЛСР терял влияние в массах. Осенью 1918 г. ее представители числились только в 31 уездном Совете. Руководство партии затаило обиду на большевиков, продолжая настаивать на своих требованиях и заявило об уходе в подполье. В то же время в своей риторике

лидеры партии – Спиридонова (из заключения), Камков, Карелин и др. выражали непоколебимую уверенность на возрождение партии, на то за ними поднимется и пойдет крестьянство и сметет большевистскую диктатуру.

Продолжались аресты видных руководителей партии. Лишь летом 1919 г. партия заявила об отказе от вооруженной борьбы против большевиков. К этому времени организационный и идейный распад ПЛСР был полностью очевиден. В 1922 г. партия самоликвидировалась. Часть оставшихся ее членов ушла к большевикам, часть отказалась от участия в политической жизни, часть оказалась в тюрьмах и ссылках.

Отколовшиеся от ПЛСР партии революционных коммунистов и народников-коммунистов продолжали сотрудничество с РКП(б) и в конечном счете влились в ее ряды. Однако эсеровское прошлое ни для никого не прошло даром. Судьба большинства вождей различных партий в советское время оказалась трагичной. Если они сумели пережить суровое время революционного лихолетья, то многие нашли впоследствии свою гибель в годы сталинских репрессий.

© Соколов А.К.

М.Н.ПОКРОВСКИЙ – «ПРЕЗИДЕНТ МОСКВЫ»

В центре внимания К.В. Гусева-ученого находились вопросы политической и социальной истории России начала XX столетия. Кроме того, одним из направлений его научных исследований была историография. Большое внимание, особенно в последние годы жизни, уделял он исторической биографии. Эти же проблемы всегда интересовали меня, и мы неоднократно обсуждали их в самой различной обстановке – на кафедре, в поездках на научные конференции, за стаканом чая у него или у меня на даче (благо, наши участки в академическом садоводческом товариществе «Долина» были почти рядом).

В этих беседах не раз упоминался Михаил Николаевич Покровский. В 20-е гг. XX столетия его считали главой со-

ветских историков-марксистов, а вскоре после смерти, в угоду И.В. Сталину, объявили антимарксистом.

К.В. Гусев, который в 1952 г. окончил исторический факультет ЛГПИ имени М.Н. Покровского (один из парадоксов сталинской эпохи: труды ученого были фактически под запретом, а его имя все еще носил один из престижных ленинградских вузов), делился со мной своими богатейшими познаниями в области советской историографии, вспоминал о встречах с учениками М.Н. Покровского. Часть из них по-прежнему высоко ценила творческое наследие учителя, другие стали его яростными оппонентами. Крайняя противоречивость оценок политической и научной деятельности М.Н. Покровского сохраняется и в современной литературе. В этих условиях необходимо их дальнейшее всестороннее, объективное изучение.

Впервые имя М.Н. Покровского получило всероссийскую известность в конце 1917 – начале 1918 г., когда он становится председателем Моссовета, а затем членом советской делегации на переговорах с представителями стран Четверного союза в Брест-Литовске. Этой странице его биографии и уделено основное внимание в настоящей статье.

В длинном ряду высших должностных лиц Москвы советского периода ее истории М.Н. Покровский стоит первым. 14 ноября 1917 г. он был избран председателем объединенного Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. На многолюдном пленуме Моссовета лишь меньшевики воздержались при голосовании его кандидатуры. Выступая перед депутатами сразу после оглашения результатов голосования, Покровский сказал, что избрание на пост председателя Московского Совета «на другой день после победы революции является для него актом величайшей чести и составляет самый почетный факт его жизни»¹.

Городские «Известия» опубликовали обширный очерк о председателе Моссовета, или как его порой стали называть, «президенте Москвы». В статье подробно описывалась рево-

¹ Известия Московского Совета. 1917. 15 ноября.

люционная и научная деятельность Покровского, говорилось как о человеке устойчивом, надежном, неспособном поддаваться сиюминутным настроениям. Очерк завершался словами: «В дни октября–ноября Покровский сделался членом нашей редакции. Без него «Известия» не могли бы выходить в эти дни. Нам грустно, что редакция лишается такой крупной силы. Но зато с уверенностью можно сказать, что Московский Совет в столь ответственный момент своего существования получает испытанного, широко образованного руководителя»¹.

Председателем Моссовета Покровский стал на 50-м году жизни. За плечами этого немолодого уже человека была непростая жизнь. Напомню ее основные вехи.

Родился М.Н. Покровский 17 (29 по новому стилю) августа 1868 г. в Москве. Здесь прошли его детство и юность, формировались жизненные идеалы. Большое влияние на будущего ученого оказал отец – статский советник Николай Михайлович Покровский, долгое время служивший помощником управляющего Московской складочной таможни, как называлась тогда таможня Николаевского (ныне Ленинградского) вокзала.

В 1899 г. Н.М. Покровский неожиданно умер. Его жена, Лидия Петровна Покровская (урожд. Боголюбова), всю оставшуюся жизнь заботилась о единственном сыне, нередко помогала ему материально. С неизменной нежностью относился к матери и Михаил Николаевич, о чем свидетельствуют его многочисленные письма к Лидии Петровне, хранящиеся в Архиве РАН и в отделе рукописных фондов Государственного центрального музея современной истории России (ранее – Музей революции в Москве).

Учился М.Н. Покровский во 2-й московской гимназии, где зарекомендовал себя одаренным и трудолюбивым учеником. Столь же успешными были годы его учебы на историко-филологическом факультете Московского университета (1887–1891), по окончании которого он получил диплом пер-

¹ Известия Московского Совета. 1917. 17 ноября.

вой степени и был оставлен «для приготовления к профессорскому званию» сразу при двух кафедрах – русской и всеобщей истории.

Ко времени пребывания в Московском университете относится начало литературной деятельности Покровского: один из ведущих журналов – «Русская мысль» публикует его рецензии на новые книги по отечественной и зарубежной истории. Тогда же под влиянием своего учителя П.Г. Виноградова он приступил к переводу с немецкого и французского двух монографий по истории Англии. Впоследствии обе книги были изданы.

Семь лет обучения в университете (вплоть до сдачи в 1894 г. магистерского экзамена) обогатили Покровского знанием огромного фактического материала. Глубокий интерес проявлял он к мировоззренческим вопросам, был буквально «начинен» сочинениями Платона, Аристотеля и других философов. Труды мыслителей различных направлений Покровский изучал и высоко ценил и в дальнейшем. Так, по его убеждению, высказанному в 1908 г., Владимир Соловьев был не только лучшим русским стилистом конца XIX века и талантливым философом-популяризатором, но и великим религиозным мыслителем, открывшим невиданные ранее глубины¹.

Политические и исторические воззрения молодого Покровского не отличались последовательностью. С первых шагов научно-педагогической работы он ясно ощутил шаткость своих методологических позиций. Тем не менее на рубеже столетий Михаил Николаевич становится известен Московскому охранному отделению как убежденный демократ, имеющий «сношения с лицами политически неблагонадежными»². Тогда же происходит его превращение из историка-позитивиста в ученого буржуазно-демократического направления – «экономического материалиста».

¹ См.: Покровский М.Н. Религия и революция / О веяниях времени. СПб., 1908. С. 31.

² Несколько документов из царских архивов о М.Н.Покровском // Красный архив. 1932. № 3. С. 11.

С конца 90-х гг. Покровский плодотворно работал в Московском педагогическом обществе, на Высших женских курсах, в Комиссии по организации домашнего чтения. В 1903 г. примыкает к радикальному крылу либерального «Союза освобождения». Это была первая нелегальная политическая организация, в которую он вступил. Однако уже вскоре Михаил Николаевич разочаровывается в либералах. Вся внутренняя фальшь этих господ, вспоминал он, «резко ударила мне в нос. Они наживали себе состояния, делали чиновничьи карьеры и... «очаровывали» молодежь речами о свободе, прогрессе и т. д. С тех пор «одурачивание масс буржуазией» перестало быть для него агитационной фразой, и выводить на свежую воду либералов «сделалось любимым занятием».

Накануне первой революции в России Покровский сближается с большевиками А.А. Богдановым, А.В. Луначарским, И.И. Скворцовым-Степановым, группировавшимися вокруг журнала «Правда». В этом легальном социал-демократическом издании были опубликованы работы ученого, свидетельствующие о его постепенном отходе от «демократических иллюзий и увлечения экономическим материализмом». Среди них – критическая рецензия на первую часть «Курса русской истории» В.О. Ключевского, статья ««Идеализм» и «законы истории»», содержащая анализ книги немецкого философа-неокантианца Г. Риккерта «Границы естественно-научного образования понятий».

9 апреля 1905 г. Покровский вступает в РСДРП. Его выбор не был случайным. Неприятие самодержавия и буржуазного либерализма, раздумья о судьбах России привели сложившегося ученого академического типа к социал-демократам большевикам, в лагерь историков марксистского направления. Переход на новые позиции стал логическим завершением развития его политических и научных взглядов.

В 1905–1907 гг. Покровский активно участвует в работе литературно-лекторской группы при МК РСДРП, сотрудничает в большевистской прессе, выступает на митингах и собраниях. Его избирают членом МК; на V съезде РСДРП

(1907) – в состав редакции газеты «Пролетарий» и в Больше-вистский центр. 20 декабря 1905 г., после подавления восстания в Москве, Михаил Николаевич по доносу управляющего домом был арестован. В доносе утверждалось, что он – главный организатор вооруженного восстания в Сущевско-Марьинском районе. Это было так неправдоподобно, вспоминал историк, что меня выпустили через несколько дней (26-го, как сейчас помню) даже без допроса, ограничившись наведением справок. Этой неделей заключения – в Сущевской части – ограничились все репрессии, какие удалось осуществить по отношению к моей особе старому правительству», ибо впоследствии «взять себя не давал, своевременно утекая.

Дальнейшую эволюцию мировоззрения Покровского-историка отражает его брошюра «Экономический материализм» (1906). В ней в популярной форме излагается марксистское понимание философии истории. Ученый отстаивает положение о том, что классовая борьба – движущее начало исторического развития; показывает отличие марксизма от «экономического материализма»; раскрывает несостоятельность методологических установок «экономических материалистов», их наивное упрощенчество, превращающее историю «в слепой стихийный процесс, идущий своим чередом, как если бы людей с их сознанием на свете вовсе не существовало». По этой теории выходит, саркастически замечал он, что если бы люди прекратили всякую борьбу за жизнь, свободу и счастье, то история все-таки как-то продолжала бы идти механическим путем, наподобие заведенной шарманки. В действительности все намного сложнее. Материальные условия существования играют определяющую роль, но и «идеальные области» имеют далеко не второстепенное значение. «Идеи не с неба сваливаются и не сочиняются в мирных кабинетах теоретиков, а рождаются в самой гуще борьбы за существование. И, рожденные в борьбе, великие исторические идеи сами являются могущественным орудием борьбы: идейное

творчество, работа сознания не что иное, как колоссальный аппарат приспособления в борьбе за жизнь»¹.

Интересны конкретно-исторические работы Покровского того времени, прежде всего статьи в 9-томной «Истории России в XIX веке» института Гранат. Они охватывали широкий круг проблем – историю хозяйства, общества и государственной власти, восточную политику Николая I, Крымскую войну и т. д. Новизна взглядов ученого заключалась в материалистическом подходе к изучению прошлого, в объяснении русской истории с точки зрения классовой борьбы. При этом Покровский допускал одностороннее, необъективное освещение ряда событий. Скудность источников приводила к фактическим погрешностям, ошибочности некоторых выводов и оценок. По мнению А.А. Кизеветтера, стремление Покровского «уложить» русскую историю в прокрустово ложе классовой борьбы вело к отходу от строго научного метода, не позволяло в полной мере учесть достижения современной исторической мысли².

После подавления революции Покровский скрывается от полиции в Финляндии, а затем (в августе 1909 г.) эмигрирует во Францию. В Париже он отходит от большевиков-ленинцев, тесно сотрудничает с А.А. Богдановым и другими «впередовцами», однако вскоре разрывает и с ними, объявляет себя «внефракционным социал-демократом». В 1913 г. сближается с группой Л.Д. Троцкого. После начала Первой мировой войны занимает интернационалистские позиции, выступает «за превращение войны между народами в войну против буржуазии».

Главное внимание в эти годы Покровский уделял работе над двумя своими крупнейшими произведениями – «Русская история с древнейших времен» и «Очерк истории русской культуры». Его 5-томная «Русская история» стала первым систематическим марксистским освещением истории страны от первобытнообщинного строя до конца XIX века. Создание подобного курса было трудным делом, но ученый в целом

¹ Покровский М.Н. Экономический материализм. М., 1906. С. 14.

² См.: Русская мысль. 1908. № 1. С. 102.

успешно справился с задачей. Он внес определенный вклад в разработку ранней русской истории, проблем генезиса феодализма, разложения феодально-крепостнической системы. Изложение исторического процесса в России тесно увязано в книге с историей Западной Европы. Понятно, что далеко не все вопросы многовековой истории страны получили у Покровского одинаково глубокое освещение. Порой он высказывал противоречивые, а то и ошибочные суждения, на что сразу же обратили внимание рецензенты. Особо подчеркивали они «партийную предвзятость» автора.

На основе фактического материала пятитомника построен «Очерк истории русской культуры» (его первая часть вышла в 1915, вторая – в 1918 г.). В нем дано материалистическое понимание общественной структуры с ее первичными экономическими отношениями, определяющими социальное устройство общества и надстройку – право, государство, религию, идеологию. Завершить монографию Покровский предполагал разделом о литературе и искусстве, но не успел в связи с начавшейся революцией и активной политической деятельностью.

«Русская история с древнейших времен» и «Очерк истории русской культуры» Покровского прочно вошли в отечественную историографию. В биографической статье об ученом, помещенной в «Энциклопедическом словаре» Гранат, отмечалось: «Проводя в своих трудах систему марксизма, Покровский, в отличие от других историков его школы, главное внимание обращает не столько на смену крупных эпох в развитии хозяйства и общества (что нередко приводило и приводит к насильственному разрезанию исторического процесса на части и к преувеличению типических признаков эпохи), сколько на постепенное и медленное преобразование хозяйственных условий, с постоянными волнообразными колебаниями, и с большим мастерством прослеживает и вскрывает влияние этих как бы подземных колебаний хозяйственной жизни в общественных, политических, династических и так называемых внешних отношениях. В этих двух последних областях Покровский является смелым новатором, и за-

слуги его в этом отношении признают даже наиболее непримиримые его противники»¹.

В ясный мартовский день 1917 г. Михаил Николаевич работал в парижской Национальной библиотеке. Неожиданно к нему подошел один из политэмигрантов и положил на стол номер «Information» с ошеломляющей новостью: в России революция! Николай II отрекся от престола! Этого момента, вспоминал историк, я не забуду никогда.

После Февральской революции Покровский был избран товарищем (заместителем) председателя исполкома парижского Совета представителей 23 политических и профессиональных организаций русских эмигрантов. Вел переговоры с Временным правительством, Петроградским Советом, другими организациями в целях защиты интересов оставшихся вне России политэмигрантов, добиваясь прежде всего ускорения их отправки в Россию. В августе он и сам получает возможность вернуться на родину. В это время он вновь становится большевиком. В сентябре Москворецкий райком партии выдал ему партийный билет члена РСДРП с 1905 года.

В дни Октябрьского вооруженного восстания Покровский разрабатывал проекты постановлений и декретов Московского Военно-революционного комитета, обращения к населению города, выполнял другие задания Моссовета и МК РСДРП(б). Основная его работа – редактирование «Известий Московского Совета рабочих депутатов» (с 3 по 10 ноября газета выходила под названием «Известия Московского Военно-революционного комитета»). Как корреспондент «Известий» Покровский побывал в местах многих сражений. В газете появились его репортажи «В Москве», «Успехи революционных войск», «В районах». Среди бумаг Михаила Николаевича сохранились и другие записи, сделанные непосредственно в ходе боев в городе. В одной из них речь идет о решении штаба Замоскворецкого ВРК реквизировать оружие у ненадежных членов домовых комитетов. О необходимости

¹ Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 32. М., б/г. Стб. 474.

этого, писал Покровский, еще раз напомнила «стрельба у Москворецкого моста, где были убитые и раненые из домов. Вчера были погромы магазинов в Замоскворечьи (до 20 магазинов), там, где мало наших патрулей»¹.

По воспоминаниям Ф.Ф.Раскольниковца, прибывшего в Москву во главе отряда революционных кронштадтских моряков, Покровский пользовался большим авторитетом среди руководителей Моссовета. На заседаниях Московского военно-революционного комитета (МВРК) он обстоятельно и деловито высказывал свое мнение, «которое в большинстве случаев принималось собранием в основу решения. Все свои мысли Михаил Николаевич облекал в законченные литературные периоды, и эта ясная, строго логичная формулировка чрезвычайно облегчала взаимное понимание и весь ход работы комитета»².

5 ноября МВРК делегировал Покровского своим представителем в комиссию по установлению взаимоотношений между консулами иностранных государств и МВРК. На следующий день он доложил комитету, что все консулы заявили о признании советской власти, но выразили и немало претензий по ущемлению прав и интересов иностранных подданных. Для решения этих вопросов МВРК назначил Покровского комиссаром по иностранным делам³.

11 ноября Михаил Николаевич был введен в состав Военно-революционного комитета. Круг его обязанностей значительно расширился. Теперь он занимался не только иностранными делами, но и многими другими вопросами. Сохранились черновики написанных им документов – проекта декрета МВРК о политике в области печати, обращения к населению города об изъятии денег из Государственного банка для выплаты заработной платы рабочим и служащим и т. д.

¹ Покровский М.Н. Диктатура пролетариата и культура буржуазии // Народное просвещение. 1919. 25 октября. № 56–58. С. 2.

² Федор Раскольников о времени и о себе: Воспоминания. Письма. Документы. Л., 1989. С. 323–324.

³ См.: Московский Военно-революционный комитет. Сб. М., 1968. С. 209.

Покровский весьма скромно оценивал свой вклад в победу советской власти в Москве. Впоследствии он писал: «Я очень скоро вошел в состав нового органа власти, воплотившего победу Советов в Москве, чуть не буквально на другой день после его возникновения; но в создании его я участия не принимал. Октябрьские бои я пережил в Москве не в качестве члена одного из руководящих коллективов, а в качестве советского журналиста, «военного корреспондента», как в шутку называли меня друзья...»¹.

Действительно, в сентябре–октябре 1917 г. Покровский лишь входил в политическую жизнь страны. На фабриках и заводах, в районных большевистских организациях его практически не знали. Однако уже в ноябре он стал широко известен в городе, о чем свидетельствует избрание его первым председателем объединенного Московского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Покровский с энтузиазмом приступил к выполнению новых обязанностей. В короткий срок он наладил работу президиума Моссовета и его отделов, установил связи с райсоветами, предприятиями и учреждениями города. Непродолжительный «период работы с Покровским останется у всех активных работников Московского Совета, деливших вместе с ним все невзгоды и все тяжести, одним из лучших в их жизни»², — вспоминал видный московский большевик Е.Н. Игнатов.

17 ноября председатель Моссовета имел обстоятельный разговор с Петроградом — с представителем Совнаркома А.Г. Шлихтером. Он сообщил о состоянии городского хозяйства, положении трудового населения, попросил правительство срочно выделить денежные средства для выплаты заработной платы рабочим фабрик и заводов, брошенных владельцами. Узнав, что Совет Народных Комиссаров принял декрет о роспуске Московской городской думы, Михаил Николаевич обещал немедленно сообщить об этом коллегам по работе.

¹ Правда. 1927. 6–7 ноября.

² Пролетарская революция. 1928. № 10. С. 32–33.

Президиум Моссовета заседал по два раза в день. На его председателя обрушилась лавина срочных дел. Главные трудности: саботаж служащих, тяжелое продовольственное положение в городе, уличные грабежи. Не сняли с Покровского и прежний обязанности – по иностранным делам. В этом круговороте, говорится в одном из писем Михаила Николаевича, «буквально дыхнуть некогда, а издохнуть можно, сколько угодно».

Много сил ушло на налаживание работы нового, советского аппарата управления. Саботировавшие чиновники постарались внести полный хаос в делопроизводство. Не останавливались они и перед прямым вандализмом. В одном из документов, подписанных Покровским после осмотра помещения бывшего иностранного отделения генерал-губернаторского дома, отмечалось, что входная дверь была взломана, конторки и ящики столов вскрыты, дела и бумаги выброшены, заграничные паспорта, билеты на жительство и т. д. оказались сваленными в кучу, разорванными и «вообще приведенными частью в негодность». Такую же картину можно было увидеть во многих других ведомствах.

Вечером 3 декабря 1917 г. Покровский проводил очередное заседание президиума Моссовета. В начале его доклада о работе большевистской фракции Учредительного собрания принесли сразу две телеграммы наркома иностранных дел Л.Д. Троцкого, переданные по радио и по телеграфу. Текст их был идентичный: Покровскому предлагалось немедленно выехать в Брест-Литовск, чтобы присоединиться к советской мирной делегации, которая вела переговоры о заключении мира с Германией и ее союзниками. «Ваше присутствие совершенно необходимо», – говорилось в телеграммах.

К выезду в Брест, вспоминал Покровский (запись сделана в его дневнике 26 января 1918 г.), «я был так же готов, как к путешествию в Китай. Я не имел никакого понятия, что делала там наша делегация, не знал точно даже ее состава... Здравый смысл говорил, что ехать не следует. Но телеграммы были так настойчивы. Одна из них, радио, была, конечно,

подхвачена всеми станциями Европы (потом я узнал, что немцы именно из нее и узнали о моем прибытии – сообщить им Комиссариат иностранных дел не догадался). Не приехать значило учинить скандал. Не стану скрывать (в этих записях я стараюсь быть точным, насколько это возможно), что фраза: «Ваше присутствие совершенно необходимо», льстила моему самолюбию. Мое, скромного историка, присутствие необходимо для заключения мира между Россией и Германией, – а может быть, и общего мира после величайшей войны, какую видела Вселенная! Только очень крепкая голова могла бы совсем не закружиться от подобной весты. Наконец, и как историку, мне интересно было не пропустить ни одного момента переговоров»¹.

Покровский отбросил все сомнения и уже на следующий день был в Питере. Возник вопрос об инструкциях. Михаил Николаевич правомерно полагал, что, отправляясь «делать мир», он должен знать, как этот мир представляет советское правительство. «Я был уверен, – писал он, – что у Троцкого я найду готовый план переговоров, в который меня сейчас же и посвятят. Тут меня постигло первое из моих разочарований: если только этот план не скрывали от меня нарочно (а это, по всей вероятности, было бы совершенно нелепо), то остается один выход – никакого плана у Троцкого не было»².

Вся суть инструкций наркома сводилась к следующему: «Мы должны держать курс на европейскую революцию... Так как революция должна вспыхнуть не сегодня-завтра (тут мне было сообщено несколько явно неправдоподобных сведений о настроениях в германской армии), то нам нужна всякая оттяжка. Наши представители в Бресте – особенно Каменев – подозревались в настроенности спешить с заключением мира, я должен был им в этом противодействовать»³.

После беседы с Троцким Покровский встретился с Лениным. По воспоминаниям историка, глава правительства также рекомендовал тянуть переговоры как можно дольше,

¹ РГАСПИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 5–6.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 10–11.

не бояться их разрыва «хотя бы на четыре дня». Помимо выигрыша времени, этот разрыв должен был стимулирующе подействовать на германских «левых», «подкисших» при известии о том, что «большевики идут на компромисс с германским империализмом»¹.

По мнению Покровского, в основе таких указаний лежал «известный фундамент, заложенный фальшиво – в этом была главная беда. Фундамент этот заключался в уверенности, что немцам мир с Россией необходим до зарезу». Именно отсюда проистекало легкое отношение к разрыву переговоров: «дескать, немцы все равно их возобновят»².

В то время Покровский разделял широко распространенное среди «левых» большевиков мнение, что без социалистической революции «во всеевропейском масштабе» Советская республика не устоит под натиском империалистических государств. Однако он не рассчитывал, что революция в западноевропейских странах вспыхнет «не сегодня-завтра». Даже получив сведения о грандиозных забастовках в Германии и Австро-Венгрии в январе 1918 г., Покровский сомневался: «Неужели нас, действительно, выручит европейская социальная революция? Это будет совершенно исключительная удача»³.

В подобные удачи он не очень-то верил. Через шесть недель после встречи с Троцким в Смольном историк назвал иллюзией его слова о близком «взрыве» в германской армии. За это время, замечал Михаил Николаевич, наша армия почти растаяла, а немецкая стоит на своем месте, несмотря на прокатившуюся по Австрии и Германии волну забастовок.

Каков же выход из драматической ситуации, в которой оказалась молодая Советская республика? Этот вопрос мучил Покровского многие месяцы. Позже он писал, что в период Брестских переговоров страна была в положении человека, который очутился на шестом этаже горящего здания и перед которым стоит дилемма – что лучше: сгореть заживо или

¹ Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 259. Л. 25.

² РГАСПИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 12–13.

³ Там же. Д. 48. Л. 59.

броситься с окна на мостовую? «При таких условиях многие из нас впадали в «левый» коммунизм, потому что другого выхода нет»¹.

В Бресте Покровский принимал участие в переговорах о границах, по политическим, экономическим, правовым и другим вопросам. Порой он удивлялся, почему немцы «все еще разговаривают с нами». По-видимому, делал вывод историк, они надеются на нашу разруху, чтобы монопольно использовать богатства России.

По наблюдениям немецкого дипломата Фокке, Покровский больше других членов советской делегации заботился о территориальных интересах России². Начальник Генерального штаба Верховного главнокомандующего на Восточном фронте немецкий генерал-майор М.Гофман вспоминал, что как-то за завтраком он так «разъяснил» советской делегации свое понимание мира без аннексий: центральные державы не считают аннексией определение дальнейшей судьбы оккупированных Германией народов бывшей Российской империи – Польши, Литвы и Курляндии «путем непосредственного сношения с их представителями, без участия русских властей». В ответ «русские дали полную волю своему изумлению и негодованию. Со слезами ярости Покровский объявил, что нельзя же говорить о мире без аннексий, когда у России отнимают чуть ли не 18 губерний. В конце концов, русские стали угрожать отъездом и перерывом переговоров»³.

Критическая ситуация на переговорах сложилась после заявления Троцкого о том, что правительство РСФСР из войны выходит, отдает приказ о полной демобилизации своих армий, но мира на условиях, предложенных странами Четверного союза, не подписывает. В зале заседаний, вспоминал генерал Гофман, воцарилось молчание. Смущение было всеобщим. В тот же вечер состоялось совещание германской и

¹ Покровский М.Н. Октябрьская революция и Антанта. М.–Л., 1927. С. 14.

² См.: Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 181.

³ Гофман М. Война упущенных возможностей. М.–Л., 1925. С. 172.

австро-венгерской делегаций. Дипломаты были готовы принять декларацию Троцкого, однако Гофман от имени военного командования утверждал: раз мир не подписан – значит цель перемирия не осуществилась, оно кончается, и должны возобновиться враждебные действия. В конечном счете восторжествовала именно эта точка зрения.

Покровский не поставил свою подпись под заявлением Троцкого. Когда ему за несколько минут до итогового заседания предложили это сделать, он ответил категорическим отказом. «Я не стал разбираться, – писал Михаил Николаевич 29 января 1918 года, – чего тут больше, наивности или трусости (было достаточно и того, и другого), но тоже с откровенностью заявил, что *этого* я во всяком случае не подпишу»¹.

Чем можно объяснить такое его отношение к заявлению Троцкого? Как сторонник «революционной войны» Покровский был за прекращение переговоров с Германией и ее союзниками. Однако сделать это, по его мнению, следовало иначе, не «подставляя» Советскую республику под немедленный удар немецких войск. Не был согласен он и с тезисом о полной демобилизации армии. Наоборот, считал Михаил Николаевич, необходимо предпринять все возможное для укрепления обороноспособности страны и всеобщего вооружения народа, что позволит вести успешную «революционную войну, которую поддержит мировой пролетариат».

Поздно вечером 29 января советская делегация покинула Брест-Литовск. Незадолго до посадки в экстренный поезд Покровский сделал последнюю запись в своем дневнике: «Когда мне приходится уезжать навсегда из места, не бывшего для меня только ночевкой, мне бывает жалко оставляемого навеки кусочка моей жизни. Здесь, в Бресте, я прожил два месяца – не самых пустых и ничемных в моей личной истории. И никакого чувства у меня нет! Одеревенел ли я с годами – или очень уж тяжело пережитое здесь?»².

Находясь в Бресте, Покровский не раз пожалел, что, поддавшись телеграммам Троцкого, согласился войти в со-

¹ РГАСПИ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 7. Л. 56–57.

² Там же. Л. 39–40.

став мирной делегации. 21 января он писал жене: «Если бы у меня было определенное дело в Питере или Москве, я бы уехал – но дел как будто нету, Московский президиум на мое письмо не отвечает.., приезжать же для того, чтобы толочься в комиссиях Смольного, не стоит»¹. Но вот «что-то вроде второй эмиграции», как с горькой иронией называл он свое затянувшееся пребывание в Бресте, завершилось. Петроград встретил членов делегации настоящей зимой, от которой они уже начали отвыкать. В первый же день после приезда А.А. Иоффе и Покровский беседовали в Смольном с Лениным. Завершив неотложные дела в Наркоминделе и побывав на заседании ВЦИК, Михаил Николаевич выехал в Москву.

Немцы в полной мере использовали ситуацию, сложившуюся после отъезда советской делегации из Бреста. 18 февраля германские войска начали наступление по всему фронту. Без серьезных усилий они захватили новые территории и большое количество военного имущества в прифронтовой полосе. В этих условиях в ночь на 24 февраля ВЦИК и СНК РСФСР приняли новые германские условия, которые были намного тяжелее прежних. 3 марта 1918 г. мирный договор с Германией и ее союзниками был подписан.

Участие в брест-литовских переговорах – важная веха в политической биографии Покровского. Однако ни славы, ни почета эта ответственная и тяжелая работа ему не принесла. Скорее, наоборот. Выражая мнение широкого круга противников большевизма, историк Ю.В. Готье писал 6 марта 1918 г., что отныне «на веки знаменитый М.Н. Покровский» стал героем «второй русской смуты». Понятно, героем отрицательным: «Не сделавшись ничем другим, он стал Геростратом или, вернее, одним из геростратов России»². Два десятилетия спустя столь же хлестко обвиняли Покровского за «левокоммунистические» взгляды в официальной советской историографии.

¹ РГАСПИ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 49. Л. 61.

² Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 169.

После возвращения из Брест-Литовска Покровский вновь активно включился в советскую работу. IV Московский областной съезд Советов, состоявшийся 11 марта 1918 г., принял решение об образовании Совнаркома Москвы и Московской области. Председателем областного СНК был избран М.Н.Покровский¹.

Основной задачей нового органа власти было руководство политической и экономической жизнью 14-ти губерний Центральной России. При этом исходили из следующего принципа: все Советы в своей местной деятельности вполне автономны, а в общих областных делах подчиняются руководству Совета Народных Комиссаров Московской области.

Однако уже вскоре выяснилось, что региональный СНК во многом дублирует центральные правительственные учреждения. Не прошло и трех недель с момента создания областного Совнаркома, как его председатель говорил на одном из заседаний в самых безрадостных тонах: «В действительности работники не знают, что делать. Большая часть комиссаров существует лишь на бумаге. Мы не знаем, каких работников приглашать, если мы не знаем, будет ли существовать тот или иной комиссариат»². Между областным и центральным Совнаркомом начались трения. Существование параллельных комиссариатов приводило к тому, что различные учреждения и лица порой не знали, куда им обращаться, и потому вели дела и с теми, и с другими. Часто по одному и тому же вопросу они получали совершенно разные ответы. Все это вносило путаницу в местную жизнь.

Московский областной СНК оттягивал много сил у республики, и так-то не богатой опытными руководителями. Центральное Советское правительство, переехав в Москву, оставило часть своих работников в Петрограде. Необходимо было пополнение, а областной Совнарком отказывался удовлетворить эти требования. Например, 12 апреля он постано-

¹ См.: Известия Совета р., с. и к.д. Москвы и Московской области. 1918. 20 марта.

² Цит. по: *Серебрякова З.Л.* Областные объединения Советов России. Март 1917 – декабрь 1918 г. М., 1977. С. 94–95.

вил, что Покровский не может занять должность заместителя комиссара народного просвещения РСФСР.

Центральный Совнарком по докладу Покровского принял решение создать комиссию из представителей обоих Советов Народных Комиссаров для разбора конфликтов между ними и более точного разграничения их функций и прав. Такая комиссия была создана. В ходе ее работы стороны пришли к выводу, что нужно объединить силы центра и области, активные областные работники должны входить в центральный Совнарком как члены коллегий.

Покровский был полностью с этим согласен. В одном из его писем отмечалось: «В совещании с Лениным и Троцким, на другой день Пасхи, Совнарком наш решено было ликвидировать... Я все больше и больше вселяюсь в Комиссариат просвещения»¹. 20 мая на собрании большевистской фракции Московского областного исполкома Михаил Николаевич заявил, что областному Совнаркому не удалось развернуть свою работу в области; занимался он исключительно мелкими вопросами, а для этого отвлекать ответственных работников не следует. В тот же день областной исполком, вопреки протесту левых эсеров, принял решение о ликвидации Московского областного Совнаркома. 9 июня аналогичное постановление утвердил Президиум ВЦИК. Покровский стал членом Совета Народных Комиссаров РСФСР, заместителем наркома просвещения. На этом посту он оставался до конца жизни.

В 20-е гг. XX в. Покровский возглавлял научный отдел, отдел школьной политики и высших учебных заведений Наркомпроса. С его именем связаны крупнейшие мероприятия по реорганизации высшей и средней школы, научных учреждений, архивного, библиотечного и музейного дела. При участии ученого были подготовлены декреты о введении новой орфографии, охране научных ценностей, памятников искусства и старины, ликвидации безграмотности и т. д. Кроме руководящей работы в Наркомпросе, Покровский возглавлял несколько ведущих научных центров страны: был председа-

¹ Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 86. Л. 62–63.

телем президиума Социалистической (с 1924 г. – Коммунистической) академии, ректором Института красной профессуры, председателем Общества историков-марксистов, заведующим Центрархивом РСФСР и СССР.

Административную и научно-организационную работу Покровский сочетал с исследовательской. Наряду с переизданием его дореволюционных трудов появляются новые – «Царизм и революция», «Русская история в самом сжатом очерке», «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.», сборники статей «Декабристы», «Империалистская война», «Октябрьская революция» и другие. Всего в 1918–1932 гг. было опубликовано более 580 произведений Покровского¹.

В 20-е гг. исторические труды Покровского неоднозначно воспринимались научной общественностью. «Представители старых русских исторических школ, – вспоминал А.Г. Авторханов, бывший слушатель ИКП, – не признавали ни авторитета Покровского, ни его исторической концепции»². В то же время Михаил Николаевич был ведущим советским историком-марксистом. В 1929 г. он был избран действительным членом АН СССР. Накануне выборов шла острая борьба между сторонниками и противниками пополнения Академии наук учеными-коммунистами. Некоторые из них были забаллотированы. Однако по кандидатуре Покровского стороны «легко договорились»³.

Нередко в литературе утверждается, будто Покровский был «диктатором на историческом фронте», несет прямую ответственность за репрессии, обрушившиеся в конце 20-х – начале 30-х гг. на историков. Это не соответствует действительности. Безусловно, он оказал огромное влияние на ста-

¹ См.: Библиография произведений академика М.Н.Покровского // Архивно-информационный бюллетень (Приложение к журналу «Исторический архив»). 1993. № 7. Подсчитано автором.

² Авторханов А.Г. Технология власти // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 133.

³ См.: Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 182.

новление советской историографии, однако реальной властью не обладал. Более того, в последние годы жизни ученый подвергался ожесточенной критике не только со стороны «буржуазных историков», но и своих коллег-марксистов. Историческая концепция Покровского, отсутствие в его трудах возвеличивания политических и теоретических заслуг «отца народов» приходили во все большее противоречие с утверждавшейся идеологией сталинизма. Развитие обстановки в стране и их отражение в сфере науки все чаще ставили ученого в тупик. «Я себя считаю лично уже ушедшим», – с горечью признавался он Г.К.Орджоникидзе в письме от 31 августа 1930 г.¹.

Умер Покровский 10 апреля 1932 г. Урна с его прахом была замурована в Кремлевской стене. Прошло совсем немного времени и в СССР развернулось беспрецедентная по масштабам кампания по дискредитации историка. Апофеозом тенденциозного изложения его взглядов стал двухтомный сборник статей, изданный Институтом истории АН в 1939–1940 гг. По существу, имя Покровского было на десятилетия вычеркнуто из истории. Неоднозначные, порой предвзятые оценки ученого сохраняются до сих пор.

© Чернобаев А.А.

¹ См.: Исторический архив. 1993. № 4. С. 198.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

О Кирилле Владимировиче Гусеве я впервые услышал в конце 60-х гг., в Свердловске, от пермского историка И.С. Капцуговича. Игорь Севостьянович заканчивал работу над докторской диссертацией по истории уральских эсеров. Тема эта была, мягко говоря, скользкой. Признавать наличие объединенных эсеровско-большевистских организаций в оплоте отечественного пролетариата – на Урале официальная историко-партийная наука не торопилась.

Имя Кирилла Владимировича всплыло не всуе. Именно К.В. Гусев ввел непролетарские партии начала XX в. в контекст отечественной истории. Его авторитет, как и то, что он был тогда, если не ошибаюсь, сотрудником ИМЭЛа, «привязывал» и торил дорогу для новых подходов, нового понимания истории революционной России.

Имя заполнилось. Несколькими годами позже я обнаружил автограф Гусева на бланке своего доцентского диплома.

Прошло много лет, и в 1997 г. мне пришлось работать с Кириллом Владимировичем на одной кафедре. Впрочем, пришлось – это не точно. Посчастливилось.

Доброхотный человек был Кирилл Владимирович. Он хотел и умел помочь тем, кто нуждался в его помощи. Его аспиранты и соискатели звали себя «гусятами». Он наставлял, был способен точно определить главное в проблематике исследования.

Он помогал.

Кирилл Владимирович, фронтовик, человек с большой и непростой биографией был вместе с тем на редкость принципиальным, не терпел ученой фанаберии, пустозвонства, безответственности, не однажды мог повернуть заседание научного совета или кафедры, пресекая демагогические тирады.

Он был ученым и учителем. Им он и остается навсегда.

Наша книга – скромная попытка сказать об этом.

© Пихоя Р.Г.

Научная литература: Сборник статей
Гусевские чтения

Выпускающий редактор
В.И. Бударина

Оформление
Л.О. Андреева

Компьютерная верстка
Д.С. Файзуллина

Лицензия ЛР № 020898 от 08.07.99

Сдано на верстку 11.05.05.

Подписано в печать 14.06.05. Формат 60х90¹/₁₆.

Тираж 300 (1:100) экз. Бумага офсетная №1. Гарнитура «Таймс».

Усл. п.л. 10,0. Уч.-изд.л. 9,0. Изд. № 23

Издательский центр Российской академии государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Отпечатано ОП ИЦ РАГС. Заказ № 64
119606 Москва, пр-т Вернадского, 84

(1922-2001)

Кирилл Владимирович Гусев доктор исторических наук, профессор. Он внес большой вклад в развитие исторической науки в России, один из основоположников разработки новой фундаментальной проблемы отечественной истории «непролетарские» партии России.

Его перу принадлежат 16 монографий, десятки научных статей общим объемом свыше 250 печатных листов.

В 1975 г. он был назначен заместителем председателя ВАКа СССР по общественным дисциплинам, более 40 лет плодотворно работал профессором Академии общественных наук и Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Известность К.В. Гусева вышла далеко за пределы России. Он был участником многих международных конференций и конгрессов, проходивших в США, Швеции, ФРГ, Дании, Франции и других странах.